

Калдовские

Миры

ИДИ К ЧЕРТУ, ВЕДЬМА!

АННА БРУША

Annotation

С одной стороны, это книга про мужчину, а с другой — про женщину.

Как-то один черт решил круто изменить свою жизнь и переехал из Ада в Москву. Тут-то все и началось...

Нет, не так

Как-то одной женщине пришлось делать выбор: или любимый кот, или бойфренд. Вот тут-то все и началось...

Нет. Хотя...

Ладно. Главное, что началось! Пусть даже черт не знает, как кратко изложить содержание сей истории. Но важно, что это несерьезная книга на серьезную тему: как сложно встретить мужчину своей мечты и так ли страшен черт, как его малюют.

- [Анна Бруша](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Эпилог](#)
  - [После эпилога](#)
-

Анна Бруша

ИДИ К ЧЕРТУ, ВЕДЬМА!

Глава 1

Утро в Аду — самое лучшее время. Кроваво-красные всполохи еще не такие яркие, а огненные реки — не такие жаркие. Приятно. Можно даже сказать — свежо. Этим адским утром черт Варфоломей то и дело улыбался, а его хвост иногда подрагивал от волнения. Казалось, еще чуть-чуть, и за спиной у него вырастут крылья. Ангельские.

В это романтическое время (да, время для романтики в Аду — утро, а не вечер, как это обычно бывает на Земле) он спешил на встречу с демонессой — красавицей Кайли. До встречи с Кайли Варфоломей страшно страдал от одиночества и всякого отсутствия личной жизни. Но вот уже два месяца он жил, как в Раю. Целые дни они проводили с Кайли в постели. После долгого вынужденного воздержания черт был ненасытен. Он упивался страстью, с наслаждением исследовал прекрасное тело. Иногда ему даже казалось, что это не просто физиология, а самое настоящее слияние душ.

Варфоломей был чертом прогрессивным и почитывал на досуге научно-популярные журналы. Особенно любил «Вокруг Ада» и «Наука и смерть». Так вот, в последнем выпуске была напечатана короткая заметка о том, что, возможно, ученым все же удалось обнаружить у чертей и демонов наличие души. Данный факт мог привести к настоящей революции в Аду. Тысячи чертей могли начать требовать отпуска в Раю... В общем, тираж журнала быстренько изъяли, чтобы не началось черт знает что.

Мысли Варфоломея снова вернулись к Кайли. О, как она умела его зажечь, как стонала его имя! При одном воспоминании о легкой хрипотце в ее голосе, об этом «Вар-р-р-фоломей» у черта шерсть на спине встала дыбом. Ну, и еще кое-что.

В общем, Варфоломей был неприлично, восторженно счастлив и в очередной раз задавался вопросом, почему такое шикарное похотливое исчадие ада выбрало его.

Надо сказать, у него имелись основания для сомнения. И это несмотря на то, что он обладал набором неоспоримых достоинств. Например, был широкоплеч. Мнение о том, что все черти мелкие, — устойчивый предрассудок, не имеющий отношения к реальности. Даже непонятно, кому понадобилось их унижать и распускать такие слухи.

Но вернемся к достоинствам Варфоломея. Он был приятно волосат, а также обладал недюжинной силой. Рога — аккуратные, с тремя завитками — торчали под хорошим углом. Рыльце в пушку. Мужская гордость... В

общем, было там чем гордиться.

Все это перечеркивал один-единственный, но очень существенный недостаток. Черт был белым. Сквозь белый жесткий мех проглядывала незащитно розовая кожа. А еще, стыдно сказать, глаза у него были... небесно-голубого цвета.

Ну и имя, конечно.

Родители Варфоломея обладали чертовски специфическим чувством юмора. Когда акушерка вложила его в руки матери и та увидела беленького чертеночка, она так смеялась, что в комнату примчался новоиспеченный отец. Он озадаченно крикнул, глядя на сына. Сам-то папа был обладателем эффектной шерсти цвета угля.

Кстати, черти очень чувствительны к оттенкам черного. Поэтому вы никогда не услышите, чтобы кто-то из них называл черное просто «черным». Нет, черт точно определит оттенок; антрацит, цвет воронова крыла или черный, как остывшая лава. Поверьте, у них в запасе полно вариантов.

Так вот; отец долго рассматривал белоснежное дитя, которое кривило ротик и бессмысленно таращило голубые глазки, а потом изрек удивительную истину:

— Детей не выбирают. А давай назовем его Варфоломей?

Мать нахмурилась. Во-первых, она слишком устала после родов, а во-вторых, имя ей показалось подходящим, но как истинная демонесса она сначала возразила;

— Варфоломей? Мы же хотели назвать его в честь Люцифера.

— Слушай, сейчас этих Люциферов — как грязи. Каждый первый Люцифер, а каждый второй — Баал... У меня на работе три Вельзевула. Подумай, что будет в детском саду, — черту все больше нравилась собственная идея. — И еще: с Варфоломея — ну, его еще святым объявили — сняли кожу, так что он был таким же розовым.

— Ой, как оригинально!

Так Варфоломей обрел не совсем уместное для Ада имя.

Но в одном его отец оказался прав. Ни в детском саду, ни в школе, ни в адском легионе ему не встречалось других Варфоломеев. Как, впрочем, и других белых чертей. Легко можно представить, как жилось ему с белой шерстью и именем святого. Как в Аду, в худшем смысле этого слова. Сколько насмешек и издевательств... Но теперь Варфоломей бодрой рысцей бежал к любимой женщине, и прошлое, казалось, осталось в прошлом.

Кайли встретила его в дверях, красивая и соблазнительная.

Варфоломей стиснул ее в объятиях, потянулся, чтобы поцеловать, но она натянуто улыбнулась и отстранилась.

— Варфоломей, нам нужно поговорить.

Она вывернулась и прошла, цокая коготками.

— Садись.

Кайли кивнула на кровать, а сама села на пуфик.

Это короткое «садись» прозвучало в ушах черта похоронным колоколом. Он сел на край кровати, положил руки на колени и уставился на свои пальцы.

— Я подумала. Нам нужно расстаться, — довольно уверенно начала она.

Варфоломей вспомнил о душе. Она болела, горела и металась.

— Понимаешь, я не могу быть с тобой. Все как-то неправильно с самого начала. Я думала, что смогу с этим справиться, но буду честной: не получается. Не могу представить, как знакомлю тебя со своими друзьями. Мои родители... они тоже не поймут. Эта твоя особенность... понимаешь...

Варфоломей старался дышать как можно медленнее. Если души все же нет, тогда это — фантомная боль. Но легче от мысли не становилось.

— Я разве скрывал то, как выгляжу? Только сейчас заметила?

В голосе его не было злости, только бесконечная усталость.

— Нет. — Кайли выглядела потерянной. Она облизнула раздвоенным язычком пересохшие губы. — Нет, я правда думала, что справлюсь и мне это неважно. Но оказалось, все-таки важно.

Говорила она искренне, но от этого было не легче.

Варфоломей поднялся и молча пошел прочь. А что тут скажешь... Он слышал, как Кайли заплакала.

В этот момент Варфоломей понял: нужно взять — и поменять свою жизнь.

* * *

Нет, Варфоломей не расклеился, как это обычно бывает что с чертями, что с людьми. Он не залез под одеяло и даже не поплелся в бар «У Вельзика», чтобы утопить эмоции в огненной воде. Наоборот, стал предельно собран и развил бурную деятельность: явился к начальнику и решительно потребовал перевода как можно дальше от Ада.

Конечно, начальник на всякий случай сразу же впал в первичную

ярость, но потом повнимательнее посмотрел в лихорадочно блестящие глаза Варфоломея и понял, что в таком состоянии этот черт согласится на все.

Он мгновенно сменил стратегию и заговорил тоном, полным участия и отеческой заботы.

— Варфоломей, — сказал он, — ты редкостный счастливчик!

Челюсть Варфоломея напряглась, хвост нервно дернулся.

— Потому что у меня как раз есть запрос оттуда, — начальник показал пальцем вверх.

Варфоломею сейчас было все равно откуда.

Начальник мысленно поздравил себя с удачным стечением обстоятельств. Он должен был уже давно послать кого-то на Землю, но, когда речь шла о Земле, подчиненные проявляли чертовскую смекалку и выворачивались... выскальзывали... крутились, простите, как черти на сковородке. Поэтому дело каждый раз откладывалось в новый ящик и затягивалось (даже по меркам Ада) неприлично долго. А, как известно, в Аду никто не торопится.

И тут на тебе — такой подарок!

Что бы ни случилось у Варфоломея, начальник возблагодарил небо (хотя это и странно) и выписал путевку в новую жизнь, не забыв скрепить договор о переводе кровью. Для надежности.

* * *

Утро — не самое романтическое и любимое время в Москве. Его ненавидит огромное количество народу, особенно когда нужно спешить на работу, а за окном еще сумерки.

Ева проснулась от легкого щекочущего прикосновения. Ей не нужно было спешить. И в последнее время она просыпалась с улыбкой.

— Мр-р-р... — мурлыкнула она и приоткрыла один глаз. — Ты красавец, Григорий.

Григорий смотрел на нее пронзительно зелеными глазами. Он грациозно потянулся, широко зевнул и потерся головой о щеку Евы.

Григорий был котом. Самым необыкновенным, с самыми выдающимися серыми полосками на короткой шерсти, чуть кривоватыми задними лапами и бандитской ухмылкой. Ева втайне считала Григория идеальным мужчиной.

Он был с ней нежен, всегда очень внимательно ее слушал, встречал с

работы и был совершенно неприхотлив в еде. И, что немаловажно, Григорий был аккуратист, и осечек с лотком у него не случилось никогда. Кот достался Еве как утешительный приз после расставания с бывшим.

Этот мохнатый психотерапевт очень ей помог. Она обрела уверенность в себе и начала много рисовать. Как художник-иллюстратор Ева оформляла книги, сотрудничала с журналами. А иногда ее по знакомству звали в театр, тогда она могла придумывать костюмы и декорации. Ее имя довольно часто мелькало в программах.

Кота очень интересовало ее творчество, он самозабвенно крал кисточки, пил воду для акварели, наступал в краску, чтобы оставлять на бумаге живописные следы лап и хвоста. Ева даже повесила картину работы Григория на стену, не поленившись оформить ее в раму.

В общем, это большая редкость, когда мужчина полностью разделяет интересы своей второй половинки.

Ева почесала Григория за ухом, кот ответил низким блаженным урчанием.

Так вот, о бывшем Евы. Сейчас она могла бы сказать, что ее бывший — незрелый инфантильный истерик, склонный к самоутверждению за чужой счет. Слепо влюбленная, тогда Ева этого не замечала. Виктор. Его звали Виктор.

Как сейчас модно говорить, он был «токсичным человеком». Вселял в Еву неуверенность в себе, «отбил» ее от друзей, изводил мелкими придирками. И все бы кончилось плохо, если бы как-то раз, гуляя, они не встретили Григория, который в ту пору был маленьким и довольно жалким мяукающим комочком шерсти.

Виктор его подобрал и решительно заявил Еве, что «они должны спасти животное». Ева не планировала заводить кота, но, желая порадовать Виктора, согласилась.

Григорий, чувствуя свое не совсем легальное положение, очень старался, и Ева с каждым днем все больше радовалась, что в ее квартире появился этот зверь. Покупала ему смешные игрушки. У Григория появилась собственность в виде мисок и личного пледа.

А вот Виктор раздражался и ревновал. И однажды, вернувшись из театра, Ева обнаружила, что игрушки свалены в кучу, а ее Григорий заточен в пластиковую переноску.

— Кот меня достал, — заявил Виктор. — Мы должны от него избавиться. У нас тут круглосуточная ветеринарка, давай его усыпим.

Он привел какой-то формальный повод в виде подранного кресла, обоев и оцарапанной руки.

От такой неоправданной холодной жестокости Ева онемела. Она впервые ясно посмотрела на этого мужчину и... разлюбила его окончательно и бесповоротно. Мгновенно. Григорий был освобожден, Ева тоже стала совершенно свободной. А Виктор со скандалом покинул ее жизнь и ее квартиру.

Все проблемы оказалось достаточно просто уладить: Григорий и Ева дообдирали обои в коридоре, теперь стены радовали глаз приятным мятным цветом. Кресло было выкинуто, и места стало больше. А Григорию была куплена когтеточка.

— А у меня сегодня свидание. — Ева перевернулась на бок, положила руку под щеку. — Посмотрим, как себя будет вести Андрей на этот раз.

Кот бросил на нее подозрительный взгляд, как будто понял.

— Что-то я не уверена в нем, хотя он симпатичный. Конечно, не такой красивый, как ты, — ворковала Ева.

Григорий довольно сощурился. Он был уверен в собственной неотразимости.

Ева поднялась с постели и сладко потянулась. Спала она всегда совершенно обнаженной. Даже самая легкая ночная сорочка казалось ей душной и жаркой. Часто лунными безоблачными ночами во сне Ева сбрасывала одеяло, открывая себя призрачному, зыбкому свету, тогда ее смугловатая кожа приобретала особенную гладкость и сияние.

Вообще выглядела Ева так, словно по высшему замыслу должна была стать брюнеткой. Яркие черные ресницы и брови, сочные винные губы, карие глаза, которые временами казались зелеными. Но потом кто-то резко изменил план и наделил ее светлыми пепельно-русыми волосами.

Ева пробовала восстановить гармонию и какое-то время красилась в темный цвет, но по неведомой причине краска не хотела держаться и вымывалась почти мгновенно, оставляя пережженный неопределенный оттенок. Неопределенный оттенок больно ранил тонкий художественный вкус, поэтому от попыток пришлось отказаться.

Родители Евы были русыми и светловолосыми. В семье ходила шутка, что в ней проявились гены прапрадеда, которого все упорно называли Греком. О нем было известно только то, что он носил золотую серьгу и плавал на корабле. Глядя на фотографии прабабушки, Ева обычно думала, что скорее уж далекий дедушка был цыганом.

Узнать точно не представлялось возможности, но, как говорится, из песни слов не выкинешь: Ева питала слабость к крупным серьгам и кольцам с цветными камнями. И хотя не признавалась в этом даже себе, ей нравились красные рубашки на мужчинах.

Тем временем Еве предстоял сложный утренний выбор. Она неторопливо подошла к комоду и открыла ящик с бельем — источником мотивации и тонкой душевной настройки женщины. Если бы Ева была колдуньей, этот ящик мог бы стать местом силы в ее доме.

Комфорт, стабильность и полное принятие своего «я» были представлены коллекцией хлопковой классики с божьими коровками на попе, с веселыми надписями и марширующими енотами. Но сегодня этот вариант не рассматривался. Взгляд Евы скользил по черному шелку и кружеву. Эти комплекты — своего рода универсальный доспех, защищающий самооценку от почти любых превратностей судьбы. В черном цвете воплощались неотразимость, уверенность в себе и безоговорочные победы.

Она прищурилась и подцепила переплетение красных веревочек с крошечным лоскутком. Это дорогущее творение дизайнера принадлежало безбашенности, риску и самым смелым фантазиям, но отличалось очень неудобным кроем. Своего рода особенное оружие для особенных случаев.

Ева покачала головой. Нет. Все-таки черное.

Выбор сделан.

Глава 2

Не успел Варфоломей оглянуться, как были улажены все формальности, и он обнаружил себя стоящим перед порталом, ведущим в мир верхний, то есть на Землю. Чем ему там предстояло заниматься, Варфоломей не знал: все происходило в такой спешке, что начальник только сказал: «Справишься, инструкции по прибытии».

Маленький пожилой черт, подслеповато щурясь, водил дрожащими лапами по блестящим рычагам. На груди у него висел пергамент с древними рунами: «В случае чего — того. Тряси».

Варфоломей призадумался и решил, что перевел неточно. Просто подзабыл руны со школы.

— На Землю? — прошамкал черт.

— Да.

Варфоломей попереминался с копыта на копыто, и сердце его тревожно сжалось. Все-таки из Ада он раньше не выезжал. А служитель портала продолжил созерцать рычаги. Было слышно, как за стенами течет лава. Что-то назойливо тикало. Где-то вдалеке ухнул, а потом крикнул беспересмешник.

— Эм-м... — прервал затянувшуюся паузу Варфоломей.

Тогда старый черт вдруг оживился и бодро начал:

— Да, так вот это самое... ага.

Он оборвал странную фразу на полуслове и устремил взгляд в пространство.

Ситуация выходила дурацкая. Не так Варфоломей представлял начало новой жизни. Хотя ни в одном из миров никто не представляет себе начало собственной жизни. На то оно и начало, чтобы с него все начиналось.

Варфоломей разозлился. Он грозно навис над старичком и громко сказал:

— Что делать-то надо?

— На Землю? — удивленно моргнув, спросил черт.

— Да.

Разговор повторился еще шесть раз. Не поверите, но черт, у которого проблемы с кратковременной памятью, выведет из себя и святого.

И тут Варфоломей понял смысл таинственного послания.

Он схватил старого черта и крепко потряс. Голова того задергалась, а потом в глазах зажглось понимание.

— Так чего не сказал-то, что на Землю?! — рявкнул он. — Времени у меня тут — с каждым нянчиться! Придут и не говорят, чего хотят. Давай, становись на кружок. Ну черти пошли! Никакого понимания.

Он еще долго ругался и бубнил себе под нос, двигал рычаги, пинал копытами блоки. Варфоломей стоял в круге из странных символов, прижимал документы о переводе и надеялся, что черт ничего не перепутает.

— Счастливого пути!

Варфоломей почувствовал, что его тянет вверх, а потом перед глазами все поплыло. Он не мог знать о космонавтах и центрифуге, а между тем ощущения были очень схожи: черта крутило и вертело. Вообще переход из одного мира в другой — довольно тошнотворное дело. В прямом смысле слова.

Так что Варфоломея лучше ненадолго оставить. Пусть приходит в себя.

* * *

Ева сидела в «Кофе хаузе» на Третьяковской, вертела в руках чашку с капучино, обаятельно улыбалась Андрею и думала о неудачных свиданиях.

Андрей расправил плечи, в больших серых глазах зажегся азарт.

— Ева, — сказал он, — а ты когда-нибудь слушала... — и назвал очередное имя очередного исполнителя классического джаза.

Ева отрицательно качнула головой. Имя не зацепилось в памяти, немедленно забылось. За сорок минут это была уже пятнадцатая история о легендах джаза. Ну ладно... не пятнадцатая, но около того. Похоже, Андрей не мог говорить ни о чем другом.

— Я был на его концерте. Потрясающая энергетика... — бубнил он.

Он продолжил рассуждать об энергетике, а Ева погрузилась в свои мысли.

Андрей был красив. Именно поэтому она дала ему второй шанс и пошла на третье свидание. У Евы имелось правило: не судить о человеке по первому свиданию. Каждый имеет право на ошибку. Допустим, человек просто нервничает. Ну или день у него не задался. И тогда он ожидаемо начинает говорить на тему, которую хорошо знает. Скажем, о джазе.

Но на втором свидании ситуация повторилась. Андрей снова говорил о джазе, Ева пробовала повернуть разговор в другое русло, но мужчина тут же сникал и замыкался, становился угрюм и молчалив. Из его глаз уходил

блеск Стоило вернуться к джазу, как он буквально оживал.

В общем, было понятно, что он безнадежен, но Ева сдаваться не любила, поэтому сидела в «Кофе хаузе» и пила капучино. Хотя капучино оправдал ее ожидания.

Тут Андрей придвинулся поближе и, понизив свой изумительный голос до шепота, сказал:

— А может, поедem ко мне? Послушаем... на виниле?..

Сколько страсти было вложено в слово «винил»!

Ева внимательно на него посмотрела. Она очень опасалась, что предложение не содержит никакого подтекста и Андрей действительно покажет коллекцию пластинок. А если все-таки нет?

Ева представила на секундочку их возможную с Андреем совместную жизнь, которая проходит под звуки джаза и разговоры о джазе. Даже в постели: «Дорогая, ты можешь стонать на полтона ниже?»

А когда появятся дети...

Она вообразила себе двух младенцев. Один сидел на горшке и дул в крошечный саксофон. Звук получался соответствующий. А второй мерно отбивал ритм тарелкой об стол. Нет. Такое будущее не радовало.

Ева решительно поднялась.

— Извини, Андрей, но мне пора.

Она так быстро выбежала, что даже не услышала, что он обещал звонить и писать. Но это было и неважно.

В сумке Евы вздрогнул телефон. Звонила лучшая подруга Софийка, которая познакомила Еву с Андреем и теперь чувствовала ответственность.

— Ну и что?

Ева ответила лаконично:

«-»

Она уже почти спустилась в метро.

«*Черт с ним*», — пришел молниеносный ответ.

Софийка не унывала.

«Завтра к тебе приеду».

Нет, она не спрашивала, а ставила Еву в известность.

«С подарком))))))».

Ева напрягалась: такое количество скобочек могло скрывать хороший подвох.

* * *

Варфоломей тряхнул головой. В глазах двоилось, и казалось, что лежит он в двойном круге. Символы горели остывающим адским пламенем.

— Вот же черт! Батюшки святы! — раздался пронзительный голос рядом. — Ни стыда, ни совести у людей! Идем, Сэмушка. На детской площадке разлегся!

Варфоломей с трудом повернул голову: теперь перед ним двоились Клавдия Александровна Покусайкина и ее любимый мопс Сэмушка, раскормленный до толщины двух мопсов.

Варфоломей вздохнул.

— Еще и рога нацепил! — возмутилась женщина и добавила: — Капслок хренов.

Сэмушка глухо твякнул и грозно зарычал, поддерживая хозяйку.

Клавдия Александровна ошиблась. Она, конечно, была пенсионеркой продвинутой, обожала своих внуков, которые по неведомой причине взялись просвещать ее на тему молодежных субкультур и рассказали, что иногда люди переодеваются в персонажей фильмов и аниме. И слово назвали: «Косплей». А перед этим показывали, как печатать на компьютере, и там кнопочка есть такая — «капслок». Так что возникла небольшая путаница, но для Варфоломея оба слова все равно были пустым звуком.

Черт сел и уставился на свои ноги. Копыта исчезли и образовались стопы с пальцами. Варфоломей был в шоке. Пальцы на ногах! По пять штук на каждой. Он схватился за голову: рога, к счастью, были на месте. Дернул хвостом. Тоже все хорошо. Для того, кто только что совершил переход в мир иной, выглядел он просто прекрасно. Даже по человеческим меркам. Подумаешь, хвост.

Черт огляделся. Вокруг возвышались серые громады с тысячами черных окон. Небо тоже серое. Единственным ярким пятном были качели и две горки. Варфоломей удивился тому, что портал находился в таком многолюдном месте.

Все еще оглушенный переходом и дезориентированный, он продолжил созерцать обычные московские многоэтажки. Клавдия Александровна бросила на него гневный осуждающий взгляд и отправилась дальше, им с

Сэмушкой еще нужно было зайти в магазин. А голый мужик на детской площадке, пусть даже с рогами, — это все-таки недостаточный повод, чтобы менять планы.

Адский жар, исходящий от круга портала, постепенно растворился в прохладном воздухе. Черт от непривычки начал дрожать, а потом завокнулся. Его должны были встретить! Конечно, он не рассчитывал на торжественную встречу с черной ковровой дорожкой и факелами, но хоть как-то?..

Никого. Продолжать сидеть на асфальте было довольно холодно, пришлось подняться. Черт сделал шаг и поморщился. Без копыт ходить непривычно, а мягкими пятками по асфальту — еще и больно.

Варфоломей стоял и озирался, когда перед ним остановился большой черный автомобиль. Дверца открылась, из темного салона показалась когтистая рука с крупным рубиновым кольцом (именно рубиновым, сделанным из цельного рубина огромного размера; и не просто какого-то рубина, а редчайшего, цвета голубиной крови) и поманила Варфоломея. За неимением альтернатив он нырнул в машину.

Несколько секунд Варфоломей и хозяин диковинного перстня рассматривали друг друга с большим удивлением. То, что рядом с Варфоломеем сидел черт, сомнений не было: угольки глаз с тлеющим глубоко внутри адским пламенем, смоляные кудри, чуть заостренные уши... Но вот рогов не наблюдалось.

«Бедолага безрогий, — подумал Варфоломей, — не повезло как».

Еще, в отличие от адских реалий, московские требовали одежды. Черт был модным. На нем отлично сидели темные джинсы, бутылочного цвета твидовый пиджак с розовой шелковой подкладкой и нежно-голубая хрустящая рубашка.

Варфоломей дернул носом: в машине пахло кожей, деревом и кофе.

— М-да, — изрек черт. — Из Ада? Семен, поехали.

Мотор приятно заурчал, и машина тронулась.

— Домой или в офис, Амадей Веленович? — уважительно поинтересовался водитель, кстати говоря, обычный человек.

— Домой, — откликнулся черт.

Варфоломей запоздало кивнул.

— Из Ада, — хрипло ответил он.

— Не ждали, — отозвался Амадей, — уже лет двести пятьдесят как. А что, отправляет все тот же?.. Его еще потрясти надо?

— Да.

Черт поцокал языком.

— Никто не молодеет, но с твоей маскировкой старикан промахнулся, — сказал он, поглядывая на рога Варфоломея. — Как звать?

— Варфоломей.

— Ох, твою ж мать при всем уважении! Я Амадей, — представился черт и протянул руку.

Варфоломей ее пожал.

За окном проносились дома, по улицам ходили люди. Чуть распогодилось, показалось бледное солнце.

— Почему портал, — Варфоломей откашлялся, — в таком странном месте?

— А, это. Раздолбайство, — весело откликнулся Амадей. — Тут все так быстро меняется! Раньше там наше гнездо располагалось, как сейчас говорят — «офис». Лес и поля кругом... Красота! Но Москва так разрослась... Потом домов понастроили, а портал остался. Тебя к нам за что?

— Сам попросился, — отрезал Варфоломей так, что сразу становилось ясно: распространяться на эту тему в дальнейшем он не намерен.

Амадей запустил пятерню в волосы и потер затылок.

— Разберемся. Служил?

— Шестьсот шестьдесят шестой адский легион, — подтвердил Варфоломей.

— А меня вот сразу на Землю, — поделился Амадей. — Так что я, считай, жизни в Аду и не знаю. А после легиона чем... м-м-м... занимался? Семен, а поставь-ка нам, пока едем, моего тезку.

Салон заполнился совершенно божественной музыкой. Легкой, летящей и чистой, как сама радость.

— Моцарт, — поделился Амадей с благоговейным вздохом. — Дьявольски талантлив был. Даром что человек.

— В бюро работал по урегулированию проблемных ситуаций и жалоб.

Черт удивленно присвистнул.

— Ого!

И надо сказать, тут было чему удивиться. Работа у Варфоломея была тяжелой. С ночи до утра он разбирал всевозможные жалобы и конфликтные ситуации. Специалист по связям с чертовой общественностью, если так можно выразиться. Проблем в Аду хватало с избытком. Обязательно кто-то был чем-то недоволен или чего-то требовал. То лава на дорогах застыла не так, как нужно, то поднимался вечный вопрос «почему черти не летают»... Подавались бесконечные требования о выделении чертям крыльев. А иногда становилось действительно жарко, когда требовали разрешить

браки с... О, в этом вопросе слишком много вариантов, чтобы их все перечислить.

Глава 3

Софийка сидела на кухне Евы, и ее глаза озорно сверкали. В бокалах бежали пузырьки шампанского. Подруга едва не захлебывалась от восторга.

— Давай, открывай!

Ева медлила, водила пальцем по гладкой блестящей бумаге. Подвох был. Совершенно точно. Она видела это по улыбке подруги. Откуда она там вернулась? Ева напрягла память. Софийка была путешественницей по жизни и постоянно куда-то ездила.

— Ну же!

Григорий жадно смотрел на ленточку на коробке. Она была ему нужна. Ева открыла.

— Это что? Это член? Резиновый?

Софийка залилась веселым смехом.

— Да!

— Хм...

Ева извлекла внушительную резиновую штуковину.

Григорий завладел вожаделенной ленточкой и утащил ее в зубах.

— Из Амстердама. А что я еще могла привести лучшей подруженции?

— Что угодно... Тюльпаны? — спросила Ева, вертя в руках игрушку.

— Он на батарейках, там в комплекте. Ну как?

— Э-э-э... — Ева пока не разделяла восторга. — Я, конечно, все понимаю, намек на... мою личную жизнь. Но почему он зеленый?

— А что, приятный цвет. Ну, знаешь... нефритовый стержень и все такое.

— Выглядит каким-то нездоровым. Зеленый... Ну сама представь? И ты уверена, что эту штуку можно использовать... ну, на живом человеке? Размер и хм... толщина. Как это засунуть? Это больше на джедайский меч похоже.

— Прикинь, был такой с подсветкой.

— Интересно, что там освещать?

Подруги засмеялись и выпили шампанского. Щеки Евы пылали. Она перехватила резиновое изделие как меч и наставила его на подругу:

— Люк! Я твой отец!

Это вызвало очередной приступ веселья. А потом Софийка возмутилась:

— Вот! И как ты можешь начать отношения, если у тебя такие запросы? Не знаю, прояви воображение! Нормальный защитный цвет. Может, это военный... такой брутальный.

— Софийка, не продолжай!

София отпила шампанского и елеиным голосом поинтересовалась:

— А ты случайно не собираешься завести себе еще парочку котов?

— Нет! — Ева отложила резиновое чудовище в сторону. — Григорий будет единственным котом в семье.

— Ну смотри.

Уже значительно позже, когда подруга уехала, Ева все-таки вставила в резиновый зеленый член батарейки. Он завибрировал. Григорий примчался с кухни и удивленно уставился на работающий агрегат.

— Видишь, какой подарочек от лучшей подруги?

Ева бросила игрушку на покрывало.

Григорий запрыгнул на кровать и... принялся тереться башкой. Вибрация ему нравилась, а резина была приятной. Так что с этого дня Григорий полюбил спать, устроив голову на подарке Софийки. Приходил в восторг, когда Ева включала разные режимы. И всегда недоуменно смотрел на Еву, когда она прерывала его сон бешеным хохотом.

* * *

Черти покинули Москву, потолкались в пробке на МКАДе и въехали на территорию элитного коттеджного поселка «Соколиные озера» (кто придумал такое название?). Машина плавно затормозила у подъезда внушительного особняка с большими окнами.

Амадей выпрыгнул на улицу, как черт из табакерки.

— Проходи, Варфоломей. Ты, наверное, есть хочешь. И надо тебя приодеть. А то здесь вот так не принято. Да и я очеловечился... Отвык, так сказать. Ща сообразим.

Он улыбнулся и ринулся в дом.

Варфоломей, тихонечко ругаясь, двинулся следом. Пятки никак не желали адаптироваться. Из холла доносилось громкое пение Амадея, отчего хрусталики на громоздкой люстре позвякивали.

— Не стой на пороге! Двигай сюда!

На полу лежал гладкий как шелк итальянский мрамор, так что после асфальта ступать по нему было блаженством.

Амадей появился с халатом малахитового цвета.

— Вот, пока накинь. А то сейчас...

Договорить он не успел. Варфоломей не оделся, так и стоял с халатом в руке.

— Мне подать ужин в столовую на вас и... гостя? — спросила статная эффектная женщина.

Ее волосы были так гладко зачесаны и так густо политы лаком, что голова выглядела, словно у деревянной марионетки. Двигалась дама совершенно бесшумно. Вполне возможно, просто материализовалась в гостиную, а не спустилась по лестнице.

— А вот нельзя без комментариев обойтись?! — возмутился Амадей.

В глазах его вспыхнул и тут же погас адский огонь.

Уголок рта женщины дернулся, но улыбка так и не появилась.

— Не понимаю, что вас не устраивает, Амадей Веленович, — твердо сказала она, остро блеснув голубыми глазами. — Я только выполняю свои обязанности.

— Тогда, — сладко сказал безрогий, — уберите мнение со своего лица, Вера Сергеевна.

Варфоломей чувствовал, что диалог между этими двумя гораздо глубже, чем может показаться. Он надел малахитовый халат, завязал пояс и внимательно посмотрел на Веру Сергеевну. Она была из той породы людей, чье молчание говорит громче, чем некоторые кричат.

— Ах, выражение моего лица не устраивает! — вспыхнула женщина. — А пошел ты в жопу, Амадейка!

Она сорвала фартук, подошла поближе и швырнула его черту в лицо.

— Еще всякие черти безрогие будут мне указывать! Выражение... Я тебе дам выражение... скотина немытая.

Для Варфоломея эта вспышка гнева стала полнейшей неожиданностью. Он не знал куда деваться. Скандалы черт профессионально ненавидел. Только прибыл в новый мир — и сразу же почувствовал себя как на работе! Он даже отвернулся. Свара набирала обороты, а взгляд Варфоломея блуждал по обстановке в попытках зацепиться за что-то, достойное внимания, пока не натолкнулся на блестящую черную поверхность шкафа, в котором поймал свое отражение.

— Ну и убирайся отсюда. Видеть тебя не могу, старая ведьма! Всю кровь мне испортила. Давно надо было тебя выставить.

— Ах, кровь... Да я уйду немедленно! Не дом, а вертеп! Черт знает что здесь творится...

Варфоломей перестал слушать. Он схватился за лицо и замороженно двинулся к шкафу. В пылу ссоры Амадей и Вера Сергеевна не обратили на

него никакого внимания, а Варфоломей оперся ладонями на отполированную поверхность и рассматривал собственное лицо.

— Что это? Что? — тихо повторял он. — Как?

Он схватился за нос. По человеческим меркам нос был совершенно нормальным: ровным, в меру длинным, с двумя ноздрями. Но чертям нос не положен! Да! Еще бесследно исчез пушок, который окружал рыльце! Конечно, возникает вопрос, как он мог сразу не заметить отсутствия рыла, но черта настолько поразили исчезновение копыт и неприятные ощущения в пятках, что большего подвоха от этого мира Варфоломей просто не ожидал.

Метнувшись к Амадею, уставился в его лицо. Рыло как рыло! Как положено, со складочками! Этот факт настолько шокировал Варфоломея, что он только открывал и закрывал рот, не в силах выдать ни слова.

Амадей смотрел на Варфоломея с плохо скрываемой жалостью.

— Это... Это...

— Не надо волноваться. Ты чего это вдруг? — спросил Амадей.

— Н-н-н...

— Вера Сергеевна, голубушка, да принесите же ему попить. У него же, любезного, сейчас удар приключится!

Черт, казалось, напрочь забыл о распре и заговорил так, словно находился в веке девятнадцатом. Это с ним случалось, когда он волновался: путал времена.

Вера Сергеевна бегом рванулась из комнаты.

— Варфоломей, ты скажи? — ласково продолжил Амадей. — Ты ж неплохо держался! И машина тебя не напутала, и Москва в ужас не привела. Ну, шкаф, правда, э-э-э... не лучшая моя покупка и на гроб похож, но в Аду еще не такую уродливую мебель можно встретить.

Варфоломей схватился за нос.

— А! — Амадей хлопнул себя по лбу. — Тебе же не сказали ничего!

Вера Сергеевна вернулась со стаканом и маленьким пузырьком. Комнату наполнил успокаивающий дух валерьянки.

Варфоломей машинально выпил и закашлялся. В стакане содержался чистейший медицинский спирт. Но для чертей это — как минеральная вода. Чтобы опьянеть, нужно нечто посильнее.

Амадей уселся на диван, закинув ногу на ногу.

— Полегче? Отпустило? Садись.

Он похлопал ладонью рядом с собой.

На негнущихся ногах Варфоломей подошел и почти рухнул на сиденье, откинулся на подушки.

— Рассказываю, — произнес Амадей. — А вы, Вера Сергеевна, пока что-нибудь нам поесть сообразите. Уф...

Черт глубоко вздохнул и проникновенно, хотя и с некоторой долей пафоса, начал:

— Варфоломей, тебя здорово накололи, обули, обмишурили, даже, я бы сказал глубже, обжулили... Ты думал, что переход в другой мир — это так... игра? Ан нет. Мир очень консервативен, у него есть любимые формы, которые он принимает. Так что ты еще легко отделался. И нос у тебя ничего такой... — Он критично осмотрел Варфоломея. — Я бы сказал: профиль греческий. Благородный.

Варфоломей мотнул головой.

Амадей продолжил:

— Короче, миров великое множество. И только представь, какая была бы петрушка, если бы кто ни попадя шнырял из одного мира в другой? Такие катастрофы бы начались!

Черт замолчал, уперся кулаком в лоб и задумался. Варфоломей не торопил, он просто старался ровно дышать. Амадей отмер и продолжил как ни в чем не бывало:

— Поэтому каждый мир себя защищает и не пропускает, так сказать, чуждые формы жизни. Ну, те, которые отличаются от живущих в нем. Хорошо, что слиамы только в одном мире обитают. Это такие черви с большими... А, неважно.

— Формы жизни? — тупо переспросил Варфоломей.

— Ага... Ты себе сито представляешь? Ну, или фильтр? Когда происходит переход из одного мира в другой, мы как бы проходим через фильтр. И если ты не соответствуешь, тебя сомнет мироздание. Некоторые прибывают сюда в виде разрозненного набора атомов и частичек. Думаешь, откуда берется пыль? В том числе это остатки некоторых неудачников, которые сюда лезут. Особо опасных монстров, конечно, зарубает сразу. Зато человекоподобным демонам везет: ходят без всякого напряжения и дискомфорта. К счастью, — черт назидательно поднял палец, — мы — существа пластичные.

— Это в каком смысле?

— А пролезем... везде... как тут говорят, «без вазелина». Если прижмет, то и через игольное ушко пройдем. Но тут есть, брат мой черт, одна оказия... — Амадей снова едва не вернулся в прошлое. — Мы когда из Ада сюда, на Землю, лезем, ох, и мнет же нас! И всячески корежит. Вот тебе повезло!

Варфоломей кисло усмехнулся.

— Нет, я на полном серьезе говорю. Мог, например, один рог остаться. Или хвост оторвало бы. А если совсем плохо, то могла тебя эта бездушная реальность располовинить. Или нашли бы тебя кусками: рожки и копытца отдельно, а...

— Я понял, — оборвал его Варфоломей.

— А так ты очень даже ничего. По меркам людей, конечно. Рога отпилить, хвост отрезать, — и вообще был бы...

Под тяжелым взглядом Варфоломея Амадей осекся и благоразумно не стал развивать тему.

— Ну ладно. С этим разобрались. — Рыльце его задвигалось, улавливая аппетитные запахи, которые шли с кухни. — Пойдем, отобедаем-с, чем Вера Сергеевна послала.

* * *

Еве нравилась квартира, нравился район. Дом был неплохой: соседи в целом приятные. Под «приятностью» Ева понимала тот факт, что была с ними не знакома. Все общение сводилось к вежливому кивку в лифте или комфортному игнорированию ко всеобщему удовольствию. Из всего подъезда по именам она помнила только двоих. Высшее проявление московского добрососедства, при котором никто никого не знает и по возможности не замечает.

Как это часто бывает, имелось и одно НО. Два раза в месяц обязательно случались нехорошие дни в нехорошей квартире наверху.

Ева налила в любимую кружку чай и прислушалась. Вот так всегда и начинается. С предчувствия, которое отзывается легким покалыванием за ушами, давлением на виски, и со странной тишины. Соседей не слышно. Совсем. Все как будто замирает.

Распахнув окно, Ева впустила вечернюю прохладу. Даже шум от шоссе стал приглушенным. Воздух сгустился. Она посмотрела вдаль. Так и есть: воздух словно уплотнился и сделал очертания дальних домов мягче. Ева с раздражением взглянула на потолок И причины для этого были.

Все дело в том, что сосед сверху два раза в месяц устраивал что-то невообразимое. Все проходило по одному и тому же установленному сценарию. Без пяти минут полночь раздавался топот, так, словно не ноги у человека, а копыта. Потом — стоны и неистовый скрип кровати. Затем спинка кровати начинала биться об стену, а все четыре ножки подпрыгивали и с грохотом ударялись об пол.

Ева задавалась вопросом, а действительно ли это секс. Судя по звукам, полтора часа в таком темпе просто превосходили человеческие возможности. Дальше начинался безобразный скандал. Что-то билось. Было. Звучали неразборчивые проклятия. Мат, и довольно отчетливый.

Тут подключались другие жильцы. Они начинали стучать по батареям. Хлопали двери, раздавались приглушенные угрозы о вызове полиции. За эту часть спектакля отвечала Алена Игоревна из шестьдесят седьмой квартиры, заслуженная активистка всяя подъезда, которая знала все и про всех.

А потом сосед сверху переходил к кульминации и хватался за перфоратор. Судя по звукам, он просто сверлил стену в хаотичном порядке. Происходило это около двух часов ночи. После чего, само собой, приезжала полиция.

Того, кто жил в верхней квартире, Ева ни разу не видела. Со слов Алены Игоревны было известно, что это «молодой человек, который занимается черт знает чем». Также было известно, что «квартира не его, а съемная. Куда только хозяева смотрят». Как ни странно, даже Алена Игоревна не знала, кто эти самые хозяева.

А между тем ночь набирала обороты. Ко всеобщей радости пятого подъезда перфоратора сегодня не случилось. Зато кровать скрипела и стонала до трех часов утра, что было абсолютным рекордом. Не удивительно, что после такой нагрузки скандал получился вялым и неэмоциональным. Без огонька. Да и другие соседи били в батарею не так яростно. Полицию тоже никто не вызвал. Спать было невозможно все равно, но Ева использовала время с пользой. Она рисовала паттерны для ткани.

Одна подруга собралась запустить линию одежды и хотела начать с толстовок и модных свитшотов с веселыми узорами, дав Еве полную и оттого парализующую свободу. Просьба звучала весьма туманно: «Ну... что-нибудь красивое, как ты умеешь».

Ева подождала несколько мгновений, испытывая трепет перед чистым листом, а потом «отпустила» руку с кистью в путешествие по белоснежному полю. Линии и пятна складывались в образы. Вода растекалась именно так, как нужно. Достаточно спонтанно, чтобы подарить рисунку легкость, но при этом достаточно четко, чтобы не нарушить гармонию и не превратить все в хаос. Ева взяла следующий лист, а потом еще один и еще...

Наконец она остановилась. Разложила результат своего ночного труда.

— Хм...

Григорий, которого никогда не смущал никакой шум, сонно приоткрыл глаза и тут же снова задремал.

Ева собрала листы в стопку и сунула их в ящик стола.

— Безумная ночка, — вынесла она безапелляционный вердикт.

На одном рисунке было мороженое. Казалось, ничего особенного. Что в этом безумного? Но, видно, атмосфера и стоны сверху оказали влияние. Это было соблазнительное, вызывающее, «распущенное» и невероятно эротичное мороженое, которое даже слегка оплавилось от собственного желания.

А розы? Это были не нежные цветы, а опытные хищные соблазнительницы. Их лепестки откровенно намекали на запретные удовольствия. Пончик? В обычном состоянии Ева никогда бы не нарисовала настолько развратный пончик.

Все рисунки содержали мощную сексуальную энергию. До этого у Евы никогда не получалось такого эффекта. Более того, у нее возникло нехорошее ощущение, словно в ее творческий процесс кто-то вмешался. Эти иллюстрации были не ее. То есть, конечно, она их нарисовала, но за образами будто стоял кто-то другой.

Ева легла, и остаток ночи ей снились тревожные, мутные сны.

Встала в полдень совершенно разбитой, долго прособиралась, и в три часа поехала в студию на встречу с режиссером. Недавно с ней связался знакомый продюсер и предложил поучаствовать в создании мультфильма. Раньше Ева этим не занималась, но предложение показалось интересным. Поэтому сейчас, когда она чувствовала, что опаздывает, сильно волновалась. Как оказалось — напрасно.

Ева прождала режиссера часа два, несколько раз звонила на мобильный, но слышала только: «Абонент не отвечает или находится вне сети». Она уже собиралась уходить, когда к ней подлетел тонкий нервный мужчина в больших очках с затемненными стеклами.

— Вы Ева? Я Арсений. Извините, что заставил ждать. Ну, вы понимаете... — он взмахнул рукой.

Ева не понимала. Сама она была человеком крайне организованным и прекрасно знала цену времени. Слишком выраженная «театральность» режиссера настораживала.

* * *

Варфоломей открыл глаза и не сразу понял, где находится. Он лежал

на широченной кровати под одеялом и пялился в потолок, с которого на него смотрели нарисованные пухлые чертята. Они улыбались, демонстрируя клычки, и направляли на Варфоломея маленькие луки со стрелами. Черт вспомнил, что находится «в гостях» у Амадея. И вообще он больше не в Аду.

В комнату вплыла Вера Сергеевна с подносом.

— Проснулись? Вот и отлично, — проворковала она. — Амадейка по делам унесся, но вернется скоро. Завтрак.

Варфоломей был удивлен. Вчера за ужином Амадей и Вера Сергеевна снова сцепились не на шутку. Поводом послужила картошка...

Вера Сергеевна поставила поднос рядом с Варфоломеем, а сама опустилась на краешек кровати.

— Хотите, с вами поругаемся? — предложила женщина и покраснела.

Варфоломей тряхнул рогами и почему-то шепотом спросил:

— Зачем?

— Ну, не знаю, — пожала плечами Вера Сергеевна. — У чертей так принято. Мы с Амадейкой постоянно ругаемся. Он мне сам говорит: «С вами, Вера, я как в Аду».

Варфоломей задумался:

— Наверное, не стоит.

Он был очень удивлен. В Аду, конечно, ругались. Проживающий там народ горяч. Но не сказать, что это было принято.

Вера кивнула:

— Вы берите, берите булочку. Я с утра пекла. Чай свеженький заварила. Варенье малиновое тоже свое. У вас такого не водится.

Черт впился в булочку зубами и запил чаем из тонкой фарфоровой чашки. Радостно звякнуло блюдце.

— И много здесь чертей? — поинтересовался он.

— Вы второй за двести лет, кого я вижу, — радостно поделилась Вера Сергеевна. — До чего ж у вас рожки хорошие! Прелесть просто. У Амадейки-то рогов нет.

Она смотрела на Варфоломея с нежностью.

Комплимент рогам был черту приятен.

— Я с ним давно уже. Молодая была, глупая, чуть в омуте не утонула... А места те нехорошими считались. Упала в воду, а черт как раз из портала вышел. Стоит голый, и...

Историю знакомства Варфоломей узнать не успел, хотя она показалась весьма интригующей. В комнату влетел Амадей, шурша большими пакетами.

— Лучший допинг поутру — это шопинг, — бодро заявил он. — Одежды тебе прикупил. Думаю, с размером угадал. Вера Сергеевна, нам поговорить, вы идите, идите. Ну, что вы на него смотрите, как будто черта не видели ни разу?

Вера Сергеевна бросила на Амадея гневный взгляд, но тот покачал головой, и она молча вышла из спальни.

— Ты, Варфоломей, меня извини, я вчера так разнервничался! Даже не поговорили по-нормальному. Но сегодня я тебя введу в курс дела.

Варфоломей кивнул, подобрался и приготовился слушать.

— Значит, жить пока будешь в Москве, есть у меня одна квартирка. Небольшая, правда. Однушка. Но район неплохой. Смартфоном, Интернетом пользоваться тебя научу. Это ты быстро освоишь. Рога твои и хвост придется замаскировать, тут без магии не обойтись. Денег дам на первое время... Но работать будешь сам.

Амадей лукавил, квартир у него было несколько, и он получал весьма и весьма неплохой доход от их сдачи. А еще у него имелось несколько пекарен, три автосервиса, ювелирный магазин... ну, и другие делишки. Амадей был чертом азартным, поэтому время от времени с удовольствием играл на бирже, заручившись поддержкой всяких темных сил.

— Что надо делать? — поинтересовался Варфоломей.

Амадей моргнул:

— Что хочешь. На что фантазии хватит. Я не знаю...

— Как это? — Варфоломей был в шоке. — Меня же сюда с какой-то целью отправили? Что значит — что хочешь?

Амадей потер подбородок.

— Вот... Понимаешь, грустная правда в том, что в этом мире черти особенно-то и не нужны...

— В смысле?

— В прямом. Вот ты сюда зачем приехал?

Варфоломей не смог назвать истинную причину. Не хотелось говорить, что он уехал подальше от Кайли и своей старой жизни. Он думал найти новый смысл.

— Молчишь... Вот что я тебе скажу. Единственный смысл жизни — в самой жизни, — изрек Амадей с видом заправского философа, — так что живи и радуйся. Только одно омрачает наш земной путь...

— Что? — машинально спросил Варфоломей.

— Не трахай местных баб! Можно демониц найти, конечно, для этого дела. Но местных — ни-ни.

— Да я как-то не собирался... — При упоминании демониц

Варфоломей невольно покраснел и решительно рявкнул: — Никаких демонесс!

— Демонесс и демониц как раз можно, — сказал Амадей, — а вот местных — ни в коем случае.

— Все они демоницы. Никаких баб! — обобщил Варфоломей.

— Э-э-э-эм, ладно. Кстати, мужиков тоже, — нахмурился Амадей. Он думал о чем-то своем.

— Да при чем здесь... — Варфоломей не хотел вмешательства в свою личную жизнь. — Миссия-то моя какова?

— Ты меня спрашиваешь? Да я уже не помню, когда в последний раз из Ада задание получал. Типа ждем и наблюдаем. Не знаю, насколько ты в курсе истории. В общем, крылатые хотели здесь свою базу построить, чтобы контролировать переходы из разных миров. Наши, естественно, собирались им помешать. Ну ты понял, было это до перемирия. Древнее дело.

Варфоломей никогда особенно не интересовался историей. Он знал о существовании других миров, знал, что чертей можно встретить в семи пространствах. О Земле всегда поступали скудные сведения.

— Так зачем меня сюда забросили-то?

— Да лет пятьсот назад здесь черти требовались. Тогда запрос отправляли... А сейчас и те, кто был, разбежались.

Амадей поднялся и гневно сверкнул глазами:

— Ты знаешь, люди считают, что наша цель — завладеть их душами и отправить в Ад. Только представь, какая там чертовня началась бы! Их же несколько миллиардов! Человек умирает, его тело остается здесь, а душа отправляется к нам. Это по мнению некоторых. По их же представлениям, каждый первый — наш клиент. И еще момент, который мне покоя не дает. Если на секунду представить, что мы эти души вечно пытаем, возникает вопрос: что там испытывает страдания? А? Если все нервные окончания — здесь. И как можно содрать кожу или варить в смоле бестелесный дух? Я тебя спрашиваю? И где взять столько чертей, чтобы за всем этим следили? Никаких своих дел не осталось бы!

У Варфоломея не было ответа на эти вопросы. Но он видел, что тема очень волнует Амадея. В уголках его рта пузырилась слюна.

— А ты в курсе, сколько всего представлений об Аде? Некоторые считают, что Ад состоит из каких-то кругов. Другие думают, что там жарко. Но тут же находятся те, кто считает, что там жутко холодно. А самое главное, люди уверены, что мы обязаны обеспечить всем места в Аду на основании их представлений! Прикинь, заявочка? Люди вообще уверены,

что они — центр мироздания и им все поголовно должны.

Варфоломей слушал внимательно. Его удивило, что о родине ходят такие странные легенды.

— Но больше всего меня бесит другое! Они считают, что черти — это вредоносные твари, которые только и делают, что зло творят.

Неожиданно Амадей выскочил из комнаты.

Варфоломей заглянул в пакеты, достал джинсы и с сомнением принялся их рассматривать. Затем извлек рубашки, футболки, несколько пар носков и трусы. В другом пакете обнаружилась коробка с замшевыми ботинками. Непрактично для московской изменчивой погоды, но зато красиво.

Амадей вернулся с планшетом:

— Вот, слушай! Так-так-так... Новости, значит. Ага! Вот оно! Трое молодых людей из ЮАР пытались вступить в интимную связь с самкой крокодила, чтобы избавиться от импотенции, и были разорваны ее сородичами. Ты думаешь, это какому-то черту в голову пришла такая идея? Нет. Все сами. Вот у меня тут подборочка сохранена, ознакомься...

Варфоломей взял планшет и принялся листать различные сводки криминальных новостей, исторические факты о войнах, статьи о маньяках всяких мастей. У Амадея все было свалено в кучу: глобальные события и совершенно незначительные, даже мелкие. Попадались фотографии.

Через пятнадцать минут просмотра у Варфоломея зашевелилась шерсть на всем теле.

— Скажу тебе честно, чтобы это все устроить, помощь чертей им не требуется. Люди зло сами творят прекрасно, как и добро, — заявил черт. — Но, как говорится, черт с ними, с людьми. Тебе нужно привыкнуть к одежде.

Глава 4

Персонажи рождались в адских муках. Режиссер менял замыслы и искал... Его глаза, серые, словно мокрая морская галька, но на самом деле холодные и пустые, смотрели с недовольством на весь белый свет. Странно, что шея не собралась гармошкой, так часто он мотал головой: «нет-нет».

Ева нарисовала девяносто семь вариантов кроликов.

«Глазки такие, ах нет, чуть более раскосые».

«Больше драмы во взгляде».

Вы когда-нибудь подбирали оптимальный угол наклона кроличьих ушей? А Еве пришлось. Она уже сама чувствовала себя немного крольчихой: произвести на свет столько ушастых. Кролики начали являться к ней во снах и зло смотрели знакомыми серыми, словно морская галька, глазками.

Арсений некрасиво орал матом и устраивал истерики. Раньше, по наивности своей, Ева считала, что создание персонажей для мультфильмов — довольно приятное и веселое занятие, но Арсений выдавливал любую радость, выкручивал творческие порывы и вгонял в тоску бесчисленными комментариями и придирками.

— Как можно быть такими недоумками? Я же ясно выразился... Нет, с вами невозможно работать, мне нужно выпить бокал вина...

Он смахнул на пол Евины эскизы и торопливо покинул студию, хлопнув дверью. Графики и волшебники, отвечающие за анимацию, тоже получившие сегодня за «бездарность», в молчании разбредались кто куда. «Бокал вина» обычно растягивался часа на два-три.

Ева разозлилась, внутри все кипело. Арсений так быстро унесся, что она не успела высказать все, что о нем думает. А сказать хотелось многое. Тем более что за две недели совместной работы...

Ева бросилась вдогонку. Сейчас она ему покажет! Хотелось настигнуть наглеца и надавать ему... по режиссерской гордости. В тот момент ей было плевать на последствия. Еще немного — и из глаз посыпались бы искры.

Она почти бегом добралась до небольшого бара напротив студии. Именно там Арсений предпочитал лечить расшатанные нервы. Правда, когда Ева толкнула стеклянные двери и обвела горящим взглядом уютный зальчик, ее ждало разочарование: режиссера не было. Ева несколько раз глубоко вздохнула и уселась за стойку, твердо решив, что кроликов на сегодня хватит и в студию она не вернется.

— Бокал белого вина, пожалуйста, — голос слегка вибрировал от ярости, которая так и не нашла выхода.

Бармен кивнул и красивым отточенным движением налил бледно-золотое вино. Ева поудобнее устроилась на высоком табурете и постаралась обрести контроль над собственными эмоциями.

Говорят, чтобы избавиться от гнева, обиды или злости, нужно представить их в виде гнилой луковицы. Такой склизкой, вонючей луковицы... Ева прикрыла глаза. Образ получился ярким. Если обида — или луковица — останется при тебе, ты продолжаешь ее таскать, а она воняет и портит твою сумку или карман.

Ева представила свою чудесную сумку из мягкой кожи цвета топленого молока, с удобными кармашками и подкладкой благородного бирюзового цвета. Мысленно она швырнула луковицу прямо в лицо Арсению. Да пошел он со своими кроликами! С нее хватит. От этого решения стало легко. Ну, не заплатят за работу. Бывает! Переживет. А пока — никаких мультипликаторов.

Она пригубила белого вина.

— Простите, Ева?

На соседний табурет опустился высокий темноволосый мужчина в легком плаще нараспашку.

— Да.

Ева машинально улыбнулась и повертела бокал в руках.

— Вячеслав Поплавский, сценарист, писатель, литератор и немного актер, — он продемонстрировал в улыбке тридцать три крупных белых зуба. — Я видел ваших кроликов, ужасно хотел с вами познакомиться... Могу я вас угостить?

Ева поколебалась секунду.

— Почему бы и нет!

Вячеслав Поплавский, сценарист, писатель, литератор и немного актер, производил весьма приятное первое впечатление. Они выпили еще по бокалу вина, поговорили о разной, ничего не значащей чепухе, нашли нескольких общих дальних знакомых, и Вячеслав вызвался проводить Еву до метро.

Через несколько минут после того, как они расстались, она получила уведомление на «Фейсбук» о том, что Вячеслав Поплавский «хочет добавить вас в друзья». Ева приняла его предложение, и в мессенджер тут же пришло сообщение:

«Приятно познакомиться с Вами, Ева. Давайте как-нибудь встретимся?»

«Спасибо за компанию, Вячеслав. Мне тоже было приятно», — быстро напечатала Ева.

Потом ей прилетел смайлик с улыбочкой.

* * *

У Евы было свидание. Вячеслав пригласил ее на кофе. Всю неделю он слал милые сообщения и свои фотографии. Нет-нет, ничего неприличного. Вполне обычные фотографии. Но это было довольно странно. Вот спрашивает «Как дела?» и через секунду присылает фото. Например, висит на турнике, или кормит уток в парке, или просто стоит на улице и смотрит вдаль.

Ева не посылала своих фотографий в ответ.

Еще Вячеслав очень быстро печатал. Некоторые сообщения напоминали простыни и были длиннющими. В них он излагал свои взгляды на жизнь, а иногда писал, какая Ева замечательная, умная и талантливая.

Это она тоже считала довольно странным, поскольку, не обладая скоростью печати Вячеслава, отвечала не очень развернуто. На его фоне ответы в одно-два предложения выглядели даже скупой, поэтому как он умудрился сделать такие далеко идущие выводы, оставалось загадкой. Но кому же неприятно, когда делают комплименты?

Так что когда Вячеслав предложил встретиться, Ева согласилась, хотя и решила не загадывать. И еще очень хотелось отношений.

Вячеслав не опоздал, ждал в условленном месте. Прохаживался рядом с Пушкиным с элегантной белой розой в руках. Плащ снова распахнут, на шее свободным кольцом повязан легкий шарф.

Заметив Еву, он подошел и снова широко улыбнулся. Она не успела опомниться, как он поцеловал ее в щеку и подхватил под руку, увлекая гулять по улицам Москвы.

Они пошли в сторону Столешникова.

— Какой прекрасный день...

В общем-то, нормальное начало разговора.

Ева открыла рот, чтобы подтвердить, что «да, действительно, погода чудесная», но Вячеслав не дал ей этого шанса. Он продолжил говорить и не останавливался до того момента, как они расстались.

Для начала он сообщил, что его фамилия — Поплавский — польская.

«Ну мало ли, — подумала Ева, — человек гордится своими корнями, это очень даже хорошо».

Потом он склонил голову и тряхнул волосами.

— Знаете, Ева, я давно не пишу...

Тут Ева поняла, что от нее требуется задать вопрос.

— А почему?

— Понимаете, я не похож на других. Слишком отличаюсь. Я говорю это вам, Ева, потому что вы, как мне кажется, способны меня услышать и понять.

«Вот блин!» — подумала Ева.

Дальше начался подробный рассказ о трудностях Вячеслава, о том, что издатели хотят убить высокую, большую литературу, поэтому не рассматривают его рукописи, о том, что продюсеры хотят наживы, поэтому не рассматривают его гениальные синопсисы к фильмам... Потом последовала тирада, что общество свалилось в дикое потребление. Поплавский плавно перешел на то, что на работе его начальник только и занят тем, что чинит ему препятствия, завидует очевидному успеху. Плавно выяснилось, что он работает официантом.

Вячеслав распалялся все больше и больше. От неумного хвастовства он скатывался в душевные терзания, которые описывал с таким же наслаждением, с каким заправский ипохондрик жалуется на свои болезни.

Ева невольно вспомнила Дениса. Тот как раз был ипохондриком. С ним она выдержала месяц...

Вячеслав перемежал рассказ цитатами из пабликов «ВКонтакте» для тех, кто хочет выглядеть интеллектуалом. Ко всему прочему он разбирался в джазе, а это уже служило тревожным звоночком. Не то чтобы сам джаз являлся большой проблемой, но... тем не менее. Как говорится, «осадочек остался».

Ева глубоко вздохнула. Она пыталась поддержать разговор, но потом сдалась и перестала: собеседнику это не требовалось. Он любовался собой, распушив хвост, как павлин.

— Знаете, Ева, я сразу понял: вы удивительно умная и чуткая. Я ценю в женщинах проявление ума.

Ева подавила желание закатить глаза. «Проявление ума»... Видно, по мнению Вячеслава, оно выражалось в молчании.

Вячеслав продолжил:

— Вы знаете, я эмпат. И мне не составляет никакого труда нравиться женщинам. В каком-то смысле я воплощение женской мечты...

Он скривил губы и горько усмехнулся. Вид был такой, словно он несет на своих плечах все бремя женских «мечт».

Признание оказалось в равной мере абсурдным и неожиданным. Ева

начала злиться, подозревая, что Андрей с перекосом на джаз был совсем неплох.

— Я считаю, что женщина должна быть мягкой, интересной. Ее должно хотеться прижать к себе и накормить завтраком, вдыхать запах рассвета с ее волос...

Ева не знала, как пахнет рассвет на волосах. Зато мысль, что Вячеслав будет ее прижимать и нюхать, вызвала отвращение. Еще с полчаса она продолжала слушать, какими качествами должна обладать женщина.

Список получался внушительным, и с некоторым облегчением Ева поняла, что здорово недотягивает до идеала. Она попыталась найти паузу в нескончаемом потоке, чтобы вежливо проинформировать оратора о своем уходе, хотя вариант «резко развернуться и убежать» уже казался ей идеальным.

Вячеслав втянул ее в одну из маленьких уютных кофеев, где не преминул продемонстрировать, что разбирается в сортах кофе. Стало казаться, что он еще и чревовещатель, потому что ни горячий напиток, ни пирожное не прерывали словесный поток ни на секунду.

Неожиданно для себя Ева развеселилась.

— Вы, сказали, что вы эмпат. Так, может, угадаете, чего я сейчас хочу?

Она улыбалась, а сама думала: «Помолчи хоть пять минут, а потом мы с тобой распрощаемся...»

Он нахмурил лоб, пристально посмотрел на Еву, взял ее за руку, и...

— Я прочту вам свои стихи...

И начал душить своими стихами, как ласка душит курицу.

Ева не считала себя знатоком поэзии. Она любила Бродского, Евтушенко, некоторых поэтов Серебряного века, но ей вполне хватало читательского опыта, чтобы понять, где стихи, а где не очень. Вячеслав был увлеченным стихоплетом. Он уже успел прочесть пять штук виршей.

У Евы начала болеть голова. Она принялась рыться в сумке в поисках кошелька.

— Извините, Вячеслав, но мне пора, — твердо сказала она. — Мне надо... просто мне надо...

Со свидания Ева убегала стремительной рысцой, чуть не подпрыгивая от радости.

* * *

Водитель Семен остановил машину. Мелкий дождик превратился в

самый настоящий ливень. Варфоломей с Амадеем вышли, торопливо забрали вещи из багажника и поспешили в подъезд. Погода была самая гнусная.

Они молча поднялись на лифте на пятый этаж, так же молча вошли в квартиру. На взгляд Варфоломея это была маленькая коробка. На стенах радовали глаз обои в веселенький цветочек.

— Так... Как подключиться к вай-фай, я тебе объяснил, — деловито начал Амадей. — Мебель выбери сам. Ну там, в «ИКЕА» съезди... Это интересно. Тут можешь делать что хочешь. У меня в этом доме еще одна квартира есть, но ее демоны снимают. Представляешь, платят за весь месяц, а появляются только на два дня. Но такое творят! После них придется серьезный ремонт делать. Даже подоконники сломали. Грызут, что ли? И не выгонишь их так просто... Ну да ладно.

Амадей на секунду задумался.

Варфоломей выглянул в окно. Двор был как две капли воды похож на тот, в котором он впервые появился в этом мире.

— Соседи тут приличные. Относительно. — Амадей расхваливал жилплощадь, как заправский агент по недвижимости. — Платить за воду, свет и газ удобнее через приложение и интернет-банк. Но это мы с тобой тоже обсуждали. Так... Планшетом и смартфоном ты уже пользуешься на уровне.

Неожиданно Амадей обнял Варфоломея:

— Если что, брат-черт, ты заезжай или звони. Самовар поставим. Вера плюшек напечет. На «Фейсбуке» и во «ВКонтакте» профиль заведешь — меня в друзья добавь обязательно. Ну, я побежал.

— Больше никаких инструкций не будет?

Варфоломей испытал странную внутреннюю дрожь.

Амадей замялся.

— Ну... — промямлил он, — живи. Делать можно все, что делают люди.

Он вложил в руку Варфоломею ключи и ретировался. Хлопнула входная дверь. Наступила гулкая тишина.

Варфоломей не мог поверить в происходящее. Он прибыл в новый мир, и теперь полностью предоставлен самому себе. Его никто не контролировал. Никто не говорил, что делать... Сначала он растерялся, даже разозлился. Потом почувствовал страх и пустоту.

Но затем черт стиснул зубы и... решил попробовать выполнить инструкции Амадея: просто пожить. Отдохнуть. В Аду ходила масса шуток о том, как провести отпуск в Раю. Так вот, чем этот новый мир — не Рай?

Варфоломей втянул московский воздух. Амадей сказал, что он может делать все? Черт улыбнулся и избавился от одежды. Решил, что дома будет ходить в первозданном виде.

В ванной над раковиной обнаружилось небольшое зеркало. Вера Сергеевна и Амадей долго колдовали над рогами Варфоломея, и теперь, чтобы их увидеть, ему приходилось сильно напрягать зрение. Хвост трогать не стали, хотя сначала Амадей собирался. Он буквально взялся за нож, утверждая, что «эту всю хирургию знает и вообще на войне резал налево и направо». Вера была непреклонна, решительно встала на защиту хвоста Варфоломея и сказала, что у некоторых людей хвосты растут, мол, «нечего красоты его лишать». Знатный скандал получился. Звучало грозное слово «рудимент».

Насмотревшись на собственное отражение, Варфоломей вернулся в комнату и решительно взялся за планшет. Информации в этом мире было много.

Входная дверь распахнулась — это вернулся Амадей.

— Забыл сказать. Магия, колдовство... ну, и наши специальные особенности и умения... Можешь пользоваться, но аккуратно. Если что — всегда можно отбрехаться. Люди деньги из воздуха получают. Про биржи как-нибудь с тобой поговорим. И да, дверь лучше закрывать. А то мало ли...

* * *

Ева посмотрела на экран телефона. Пришло уведомление из банка. Редакция журнала перевела гонорар за иллюстрации для обложки. Приятно! Хотя и прошло несколько месяцев.

За окном бушевала буря. Ветер хлестал кусты, дождь лил стеной. По небу неслись темные клочья облаков. Опершись на подоконник, она лениво наблюдала за тем, как двое мужчин вытащили из багажника огромного джипа коробки и почти бегом бросились в подъезд.

В это ненастье Ева особенно остро чувствовала, что одинока. Она прошла по комнате и достала плед. Такие дни созданы для того, чтобы вместе валяться под одеялом и смотреть фильмы, драть подушками и заниматься любовью. Наверное, любовь — это единственное, что по-настоящему важно. В любви и есть смысл жизни. Одному не так интересно делать себе какао с крошечными воздушными зефирками. Одному не так интересно хохотать над уморительно смешным сериалом... Хочется

разделить радость и победы, хочется сделать любимого человека счастливым.

Еве очень хотелось сделать кого-то счастливым. Глядя на бурю за окном и кутаясь в плед, она прошептала:

— Так хочется влюбиться! — И, подняв глаза к чернильному небу, продолжила: — Пора уже встретить кого-то нормального. Даже если он будет страшен, как черт. Просто пусть будет хорошим и нормальным.

Ева не знала, к кому обращается. Требование (или просьба) тоже было весьма туманным и запутанным. Она немного подумала и добавила:

— Ну, на самом деле хотелось бы, чтобы он был симпатичным... Совсем страшным — не надо.

Грянул гром. Ева решила, что ей лень готовить, и заказала пиццу. Вместе с Григорием они включили милый фильм. Ева ела пиццу и думала о своих свиданиях. Два последних серьезно подорвали ее веру в мужскую половину человечества. А на экране неутомонная Бриджит Джонс пыталась строить отношения с идеальным мистером Дарси.

Григорий смотрел не очень внимательно, он закрыл глаза и урчал.

— Пора съездить в отпуск. Хватит работать. Надо сделать перерыв, Гриша. А то рисую, как машина. Жаль, что за кроликов нам с тобой не заплатили. Уроды!

Она не перезванивала продюсеру и режиссеру Арсению, те тоже хранили молчание.

Телефон пиликнул. Ева вздрогнула. Нет, это были не «кролики». Внезапно проявился Вячеслав. Ева глянула на поток сознания в сообщении, выхватив слова «творчество», «понимание», «попытка что-то написать», и сосредоточилась на злоключениях Бриджит.

— Кот, если я соберусь в отпуск, тебе придется пожить с родителями.

Телефон тренькнул. Ева едва успела поднять трубку, как оттуда донеслось:

— Евапривет! — Звонил менеджер проектов из студии «Пиф-Паф» и говорил без пауз. — Можешь Двадцать Картинок В цвете за три дня?

— Выходные, — хищно улыбнулась Ева и почти пропела: — Двойной тариф.

Собеседник глухо застонал:

— Вот не хочешь ты меня понять! У нас все горит. Срочно...

— Я понимаю! Все понимаю, — сказала Ева. — У вас всегда все горит. И еще комментарии вносить... Нет, только по двойному тарифу.

Для порядка оба немного попрепирались — это была обязательная часть программы.

Положив трубку, Ева довольно потерла ладони.

— Денежки, денежки. Вселенная хочет мне что-то сказать.

Она сделала вид, что прислушивается.

— Венеция, — шепотом произнесла она, — Венеция! Ждет! Зовет меня! А знаешь, Гриша, в Италии, говорят, много красивых мужчин. Понимаешь, о чем я?

Она подхватила кота и поцеловала его в пушистую макушку. Такого Григорий снести не мог. Он извернулся и, демонстративно задрав хвост, ушел из комнаты.

Ева вполглаза досмотрела фильм. Параллельно она рылась в телефоне: искала билеты, отели и перечень необходимых документов для визы. В голове начал вырисовываться план. В конце концов, разве она не заслужила путешествие мечты? Но не хватало одной важной составляющей...

— Алло, Софийка! Как ты смотришь на то, чтобы махнуть в Италию? А конкретно — в Венецию? Ну, не знаю когда... У меня еще нет визы. Но в ближайшее время. Скажем, в следующем месяце? Как — улетаешь в Австралию на три месяца?!

Софийка была первой, кому Ева позвонила, и тут ее ждало разочарование. У подруги уже были планы.

Ева отправила еще несколько сообщений и приготовилась ждать.

Глава 5

Варфоломей постепенно осваивался. Уже несколько дней он просыпался от того, что соседка — глуховатая старушка — включала в семь утра телевизор. Под его мерное бормотание проходило утро.

Черт привыкал жить в окружении людей. Все оказалось не так плохо, даже в чем-то похоже на Ад. Временами шумно. Скуученно. Суточно. Как он узнал, напротив жили филиппинки. Штук тридцать в двухкомнатной квартире. У них там было что-то вроде общежития. Занимались девушки уборкой. Варфоломей все время натыкался на одну из этих женщин, но различал только двух. Одна была довольно толстой, а у второй имелось заметное родимое пятно на шее. Остальные же сливались. Они всегда улыбались и вежливо здоровались: «Хэлло, мистер!» — сверкая темными раскосыми глазами.

Из их жилища доносились экзотические вкусные запахи.

Кто жил в двух других квартирах, Варфоломей не знал. Никто его не беспокоил и знакомиться не приходил. Можно сказать, что появление черта в подъезде прошло незамеченным.

Но было бы ошибкой утверждать, что москвичи совсем равнодушны к соседям. Варфоломей это выяснил сразу при заселении, когда попытался настроить вай-фай. Открыв настройки новенького смартфона, чтобы подключиться к сети, черт увидел вот такие названия:

«SD 725»

«Мама_жми_сюда»

«MOI_SOSED_MUDAK»

«SAM_MUDAK»

Так что люди все-таки общались.

Социальные навыки Варфоломей оттачивал в небольшом полуподвальном магазинчике напротив. Он заходил, здоровался и уверенно называл продукты, которые ему нужны.

Меню у черта сложилось быстро и шло вразрез со всеми принципами здорового питания: пельмени, сосиски, шоколадные батончики «Сникерс», печенье и пирожные «Картошка». Правда, иногда Варфоломей готовил адское блюдо: очень мелко резал хороший кусок сырой говядины, клал на черный хлеб, перчил до тех пор, пока красное мясо не становилось

равномерно черным, солил, разбивал сырое яйцо. В эту композицию он втыкал крупные осколки «Юбилейного» печенья с шоколадной глазурью, а потом быстро ел, жмурясь от удовольствия. Но, в принципе, чертов организм мог извлечь питательные вещества и витамины из ржавых гвоздей.

Продавщица Лена держала покупателей в строгости, но когда в ее подземном царстве появлялся Варфоломей, лицо ее расплывалось в улыбке, губы, не привычные к такому действию, слушались плохо, поэтому улыбка получалась несколько странной, неуверенной.

Продавщица Лена бросала на Варфоломея томные взгляды и говорила хриплым низким голосом:

— Берите «Микояновские», сегодня завоз был. Сосиски свеженькие.

Или:

— Попробуйте шоколадное печенье. Очень вкусное. Я сама могу килограмм съесть, как чай сяду пить.

Когда Варфоломей уходил с покупками, Лена прикладывала ладони к пышной груди (килограмм шоколадного печенья за один присест ни для кого бесследно не проходит) и вздыхала:

— Хорош! Не, ну до чего хорош!

Маша из овощного отдела хихикала:

— Лен, мужик — первый сорт, надо брать.

* * *

Варфоломей быстро сделал несколько полезных открытий.

Во-первых, в метро, проходя через турникет, береги хвост.

Во-вторых, на Первом канале чертей нет. Не берут на работу, вопреки расхожим слухам и предрассудкам.

В-третьих, Почту России и Сбербанк называют филиалами Ада на Земле, и там всегда нужны специалисты по работе с недовольным населением. Но что-то туда Варфоломея не потянуло.

В-четвертых (и в совершенно бесполезных), у пингинов есть колени.

В-пятых — без кота и жизнь не та.

* * *

— Нет-нет... извините, я улетаю в отпуск на эти даты. Никак нельзя

перенести. Нет, я не смогу рисовать. Там не будет Интернета. Да, конечно, звоните.

По закону подлости, стоило Еве собраться в отпуск, как на эти даты стали падать предложения о работе.

— Как прорвало. Всем нужны иллюстрации!

Ева улыбнулась и отложила мобильный. Мама покачала головой и подвинула поближе вазочку со сливовым вареньем.

— Ты очень много работаешь.

— Вот поэтому и еду отдыхать.

Ева приехала к родителям на дачу вместе с Григорием. В Интернете она прочитала, что коты плохо переносят переезд на новое место и им требуется адаптация, поэтому решила привезти его заранее и побыть с ним хотя бы пару дней. Григорий адаптировался в течение первых пяти минут и теперь с хозяйским видом ходил вокруг стола с пирогами.

— Одна? — как ни в чем не бывало, спросила мама.

Ева мысленно содрогнулась: «Начинается».

Она глубоко вздохнула, взяла с тарелки румяный пирожок с капустой и откусила большой кусок. Как будто долгое жевание могло дать отсрочку. Понятно, что родители ее любят, но каждый раз у нее случался с мамой «женский разговор». Начаться все могло совершенно безобидно, вот прямо как сейчас.

— Нет, не одна, — ответила Ева. — Мы едем в Венецию с Маринкой.

Блеск, вспыхнувший в глазах Евиной матери, быстро потух.

— С Маринкой... Это не та ли Маринка, с которой вы учились в художке? У нее еще две персональные выставки прошли?

Ева на секунду задумалась, почувствовав себя былинным богатырем на развилке. Налево пойдешь — в разговор про личную жизнь попадешь. Направо пойдешь — про то, на что нужно тратить свой талант, узнаешь. На месте останешься — за все огребешь.

Выбор был непростым.

Евин отец, хранивший до этого момента молчание, попытался перевести разговор:

— Ева, а ты видела, на том конце поселка ветер березы свалил? Прямо на гараж Александра Юрьевича!

Ева благодарно ухватила за эту возможность:

— Нет, не видела. О, в Москве тоже сильный ураган был, — сказала она. — И что, сильно гараж пострадал?

— Да, крышу покорежило, придется перекрывать.

Папа ободряюще улыбнулся. Они переглянулись с видом

заговорщиков, но... мама не дала совершить побег от запланированной нотации:

— Кстати, у Александра Юрьевича недавно внук родился. Ева, нужно хотя бы один раз сходить замуж.

Ева смирилась с неизбежным. Оставалось только покориться судьбе и со всем соглашаться:

— Угу.

— Ева, для этого тебе нужно найти достойного мужчину.

— Угу. Я не против.

— Ева, я серьезно, — строго сказала мама.

— Угу.

Ева сидела, как хомяк, набив рот пирогами. Даже трудно стало дышать.

— Ева, соблазнить мужчину не сложно. Когда ты в последний раз варила борщ?

— Э-э-эм... не помню, — честно ответила Ева, но внутренне порадовалась, потому что на какую-то долю секунды ей показалось, что вопрос будет: «Когда ты в последний раз занималась сексом?» — При чем здесь вообще борщ? Какая связь...

— Связь, Евочка, прямая. Нужно тренироваться, не терять форму. Вот представь: останется у тебя мужчина, и что?

— Что? — эхом повторила Ева.

Градус абсурда в диалоге резко подскочил.

— Его надо кормить! — Мама была недовольна Евиным тугодумием. — Не будешь же ты ему кошачий корм сыпать или варить сосиски?

— Ну, сосиски — это не так уж и плохо.

Ева подумала о содержимом своего холодильника. К слову, там не было сосисок. Там вообще последнюю неделю не водилось еды.

Мама была вне себя:

— Нет, Ева, серьезные отношения должны строиться на традиционных ценностях! Запиши рецепт, пусть он будет у тебя в телефоне на всякий случай.

Ева послушно взяла смартфон и открыла заметки.

— А я слышала, что каждая женщина интуитивно умеет готовить, — сообщила она.

Мама фыркнула, а Ева продолжила:

— Готовить может каждая, просто не каждый мужик сможет это съесть.

Ева даже почти не пожалела, что не удержалась и не прикусила язык. Но так или иначе, рецепт был записан и надежно сохранен в ее смартфоне.

* * *

Ева уехала от родителей через три дня. Ей казалось, что она совершала побег из Шоушенка. После «замужнего» разговора действительно последовал разговор «карьерный»: «Ну и когда же ты начнешь рисовать что-то серьезное?» и «Ева, ты же хотела заниматься настоящим искусством».

Иногда родительская любовь бывает столь велика, что ее давление трудно вынести. И это становится серьезным испытанием на прочность. В стремлении видеть жизнь своего ребенка идеальной некоторые матери нарушают все мыслимые границы, сметают любые преграды. Родительская любовь бывает жестока. Не намеренно, а от избытка чувств. Но главное, все эти старания имеют совершенно противоположный эффект.

Слова точно камни — больно бьют вместо того, чтобы вдохновлять. И Ева уехала слегка подраненной. На самом деле все эти темы были ею обдуманы и передуманы. Она добилась определенных успехов в профессии, но какой художник не мечтает о большем... И отношения... Ева готова к ним, готова! Осталось только встретить подходящего мужчину.

Она посмотрела в телефон.

Вячеслав снова разместил длиннющий пост о любви. Ева пробежала по тексту глазами, и... исключила литератора, сценариста и etc из своих друзей, при этом нажимая на экран чуть сильнее, чем было необходимо. Взвесив смартфон в ладони, улыбнулась: интернет-убийство контакта принесло ей маленькое удовольствие. А впереди ждала солнечная Италия, так что Ева запустила режим «жизнь прекрасна и удивительна». А самое главное, Григорий был пристроен, и заботиться о нем станут по-королевски. Мама даже пообещала присылать фотографии кота.

Подходя к дому, Ева мысленно составляла список вещей, которые возьмет в путешествие. Она мечтательно улыбалась, и настроение улучшалось с каждой секундой. Дверь подъезда была открыта нараспашку и для надежности зафиксирована дежурным булыжником. К бордюру были прислонены плоские картонки из «ИКЕА». Грузовичок «Кому-то везет» как раз отъезжал.

Ева скользнула взглядом по светловолосому затылку и широкой спине счастливого обладателя коробок. Как художник она оценила рельефность

мышц, обтянутых тонкой серой футболкой. Как женщина — тоже. Прошла вперед, украдкой обернулась...

Руки у незнакомца были сильными, с широкими предплечьями. Но он как раз повернулся так, что она не успела рассмотреть лицо.

* * *

К Варфоломею приехала кое-какая мебель из «ИКЕА». Тут же выяснилось, что доставка только до дверей подъезда, а не до квартиры, но это черта совершенно не расстроило. Он с легкостью поднял все шесть коробок и двинулся вперед.

— А-а-а-а-а! — раздался вопль. — Ну, я вас! Убью! Вот су...

Неожиданно грубо возвращенная в реальность Ева, которая уже мысленно гуляла по венецианской площади Сан Марко, шарахнулась назад и ударилась спиной о пирамиду коробок, которую тащил Варфоломей.

Хрупкое равновесие его ноши было нарушено. Черта повело в сторону, и он приложился плечом о дверь. А еще какой-то мелкий бес бежал, не разбирая дороги, и с силой впечатался ровно под чертову коленку.

Варфоломей зашипел и попытался беса пнуть, что не улучшило его шаткого положения.

— Поймаю — убью! Черти! — неслось из темных глубин подъезда.

Ева вжалась в стену, и мимо нее с хорошим ускорением пролетел Иваныч, распространяя вокруг себя густой дух перегара.

В общем, все смешалось. «ИКЕА», черт, Иваныч.

Иваныч произнес длинную тираду, в которой печатных слов было всего три: «коза», «и», «балерина». Причем даже эти невинные слова приобрели совершенно новые смыслы.

Варфоломей замер и заслушался. Он был потрясен. Здесь, на Земле, он никак не ожидал встретить столь чистый и незамутненный чертов диалект. От слов Иваныча повеяло адской бездной, в них трещало пламя.

Да-да, тут удивляться нечему. Такое выдающееся и даже знаковое изобретение, как мат, пытаются присвоить себе многие. Есть теория, что это все от татаро-монголов, но на самом деле мат — это от чертей.

— Вы в порядке?

Голос Евы прозвучал тонко, ей не терпелось уйти.

Варфоломей кивнул. Он перевел взгляд на Иваныча, который отодвинул от себя то, что в собранном виде станет комодом.

— Прости, мужик, я это... чертей гонял. Совсем озверели...

Дальше Иваныч весьма красочно отметил степень «озверения». Варфоломей снова заслушался.

Ева в это время поняла, что никто особенно не пострадал и вот он — самый подходящий момент, чтобы удалиться. Она поспешила к лифту.

— Это были бесы, — ради справедливости поправил Варфоломей.

— Озоруют, засранцы!

Иваныч сменил гнев на милость, пригладил жиденькие седые волосенки, которые от пережитого волнения встали дыбом. Он смачно икнул, встал на четвереньки, а потом принял вертикальное положение. Варфоломей недоумевал, почему Амадей настаивал на том, чтобы он ходил в одежде. Вот же перед ним чистокровный человек, который явно не старается прикрыть тело.

Действительно, облачение Иваныча было весьма неформальным: майка с говорящим названием «алкоголичка» болталась на щуплых плечах, довершали костюм семейные трусы в веселенький цветочек.

Вообще в обычное время старик вел себя вполне прилично. Жил тихо, но иногда к нему приходили бесы. Эта напасть с ним случалась, когда он брал самогонку у старой ведьмы Ленки из четвертого подъезда. Бесы как чувствовали, но Иваныч сам был виноват в своих злоключениях, каждый раз допуская одну и ту же ошибку. Чтобы не пить самогонку в одиночестве, он их угощал. Те, естественно, становились буйными (в отличие от чертей, пить бесы совершенно не умеют). Иваныч пытался их утихомирить и начинал бесов гонять. Пару раз его из-за этого увозили на «Скорой», еще пару он попадал в неловкие ситуации и даже бывал бит.

Варфоломей тоже поднялся и принялся заново собирать коробки, решив заодно наладить контакт с соседями:

— И часто... бесы приходят?

И тут же понял, как давно он ни с кем не общался (не считая перечисления продуктов). А это, черт возьми, тяжело.

Когда первое и даже второе впечатления после переноса в новый мир улеглись, его начали одолевать мысли о Кайли. А это было похоже на одиночный заплыв в бассейне с кипящей смолой. Легче не становилось. Поэтому потребность поговорить стояла остро.

— Бывает, — неопределенно ответил Иваныч и подозрительно посмотрел на Варфоломея. — А ты это?.. Того? Их видишь, что ли?

Варфоломей кивнул и улыбнулся:

— Один в меня врезался. Но они обычно парами бегают. Значит, второй где-то...

Иваныч взбесился:

— Шутник... мля... самоучка. Да пошел ты!

Он изрыгал ругательства, как дракон изрыгает пламя.

Варфоломей понял, что человек к общению почему-то не расположен, поэтому спокойно справился с коробками и пошел к лифту. А что делать? Люди — существа странные и умом непостижимые.

— Галоперидол попей. И бухать надо меньше, — неслось ему вслед.

Тут Иваныч замолчал на полуслове и... бросился за Варфоломеем вдогонку, ругая себя последними словами. Этого ж мужика можно позвать выпить! Веселее же будет. Не все с бесами квасить!

— Эй, погоди... Стой!

Но лифт уже закрыл дверцы и вознес Варфоломея ввысь вместе с его коробками.

Глава 6

Ева собирала чемодан. Твердо решила, что много вещей ей ни к чему. Тем более в Италии, в самом сердце моды, где она надеялась пополнить коллекцию одежды. Но почему-то чемодан оказался забит. В нем уже лежали несколько платьев, легкие брюки, пара футболок, топики и блузки, легкий плащ и махровый халат.

Повинуясь порыву, Ева раздвинула обувные коробки на самой верхней полке и извлекла на свет туфли. Головокружительные, тончайшие шпильки. В них Ева не могла ходить. Да что там, в них было невозможно стоять, только эффектно сидеть или лежать. Нет, было бы полным безумием брать их с собой...

Ева оставила туфли рядом с кроватью, твердо решив, что такую красоту прятать нельзя и как только она вернется из путешествия, сразу начнет их разносить.

* * *

В это же самое время Варфоломей собирал мебель из «ИКЕА». Как настоящий мужчина, черт проигнорировал заботливо вложенную инструкцию, поэтому ящики в комод не вставлялись.

Варфоломей поднялся, задумчиво почесал рога о дверной косяк, и тут в дверь постучали. Черт прошел в коридор, стук повторился. Оказывается, стучали из ванной. Варфоломей открыл. Это были бесы с извинениями. Они кланялись и протягивали подарки на новоселье: кроличью лапку на удачу, кусок угля и моток ниток.

Варфоломей извинения принял (кстати, под коленом наливался синяк), поколебавшись, взял и подношения. Бесы постарались помочь со сборкой комода, но от большого старания потеряли несколько винтиков. Потом они молча сложили одежду Варфоломея в ящики и натерли его ботинки черным кремом. На стене рядом с обувной полкой остался отпечаток крошечной трехпалой ладошки.

В общем, не успел Варфоломей оглянуться, как обнаружил, что у него под ванной бесы свили гнездо и собрались жить припеваючи. То есть принялись кричать песни. Предпочтение отдавали хитам девяностых.

Сначала черт хотел их вышвырнуть, но пели бесы душевно.

«Ветер с моря... нагонял беду... видно, нет любви-и-и-и...»

Варфоломей решительно сдвинул брови и рыкнул:

— Только попробуйте у меня! Испепелю к ангелам... Чтоб не видно — не слышно!

Кстати, угроза была вполне себе реальной. Варфоломей мог. Бесы притихли и сделались невидимыми, тем самым пообещав, что беспокойства от них не будет.

* * *

Ева стояла в очереди на регистрацию, то и дело поворачиваясь вокруг своей оси, — высматривала Маринку. Маринка полчаса назад написала, что будет «через пять минут», но... пока так и не появилась. Ева волновалась. Созваниваясь с подругой, она совершенно не приняла всерьез: «Котик, знаешь, я когда куда-то лечу, всегда прихожу на рейс последней. Несусь изо всех сил, так что ты, если что, не волнуйся и постарайся задержать самолет».

Ева прошла паспортный контроль и таможенный досмотр, сбрызнула себя духами в дьюти-фри, выложила обязательную фотку с самолетами за стеклом и устроилась в кафе. Она достала блокнот и карандаш, окинула цепким взглядом шумную многоязычную толпу и выхватила позу женщины, которая невероятно красиво держала чашку.

Ева сделала молниеносный набросок. В ее блокнот попал ребенок, у которого брови поднимались удивленным домиком, на следующей страничке поселилась пожилая англичанка с удивительно морщинистой шеей, а потом на белом листе появился мускулистый мужчина. Он стоял к Еве спиной, но чувствовалось, что вот-вот повернется, хотя пока можно было увидеть только часть его щеки.

Ева попыталась вспомнить лицо незнакомца с коробками из «ИКЕА», но... не смогла. Провал. Белое пятно. Хотя обычно схватывала образ на лету.

— Ева! Что, эскизиками балуешься?! Привет, дорогая!

Маринка свалилась как снег на голову. Она грохнула сумку на свободный стул, заключила Еву в объятия и с шумом расцеловала в обе щеки.

— Как же вовремя ты меня вытащила! Твой звонок — это само провидение. Так, что ты пьешь? Девушка! Можно мне то же самое! Это латте? Отлично!

Ева сама удивилась, как торопливо она захлопнула блокнот, с какой ревнивой поспешностью скрыла своего незнакомца.

— Марин, ты такая... такая...

В художке Маринка была немного полновата, такая сексуальная разбитная пышечка. Она много говорила, много хохотала, много и легко рисовала. В общем, ее было много во всех смыслах.

А сейчас перед Евой стояла половина Маринки по объему. Элегантная, худая и стильная дама. С укладкой! К самолету — и с укладкой! Это своего рода вызов. Ева посмотрела вниз и почти потеряла дар речи: туфли. На маленьком, но элегантном каблуке.

— Худая? — засмеялась Маринка. — Нервы. Жрать вообще не могу.

Ну ладно: сила воли, нервы, люди худеют — это не фантастика, но променять кеды на каблуки в сознательном возрасте — это действительно радикально.

Маринка устроилась напротив Евы, взяла из рук официантки чашку.

— Рисую и нервничаю. Нервничаю и рисую. Вот уже две выставки сделала. Весной в Нью-Йорк поеду. Все от нервов.

— Так это же хорошо, — сказала Ева, слегка удивившись. — В смысле — выставки.

— Ой, я тебя умоляю! — Маринка махнула рукой, звякнув тяжелыми браслетами на запястье. — Звучит круто. Нет, не спорю, это прикольно. Весело. Движуха. Ну, ты знаешь, я люблю. Тусовка, открытие с шампанским. А так... три картины за год продала. Правда, за нормальную цену. — Она пожала плечами. — Жить на это нельзя, конечно. Приходится крутиться. Но я вот... украшения делаю. Слушай, меня ювелирка увлекла. Серебро — удивительный материал. Ну и продается лучше, чем живопись. — Она произнесла слово «живопись» с ударением на вторую «и». — Ты мой инстаграм видела?

Когда Ева мотнула головой, Маринка извлекла визитку и едва уловимым, быстрым движением параллельно открыла приложение на смартфоне:

— На вот, полистай.

Ева уставилась на квадратные фото со всевозможными колечками, сережками, кулончиками. Сделано было талантливо. До вещиц хотелось дотронуться, поддержать их, примерить.

— Красиво! — похвалила она.

— Тебе персональную скидку сделаю, если надумаешь заказать, — немедленно откликнулась Маринка. — Мне кажется, тебе вот эти сережки подойдут идеально. А еще я скульптурой занялась. Знаешь, весь стресс —

туда-туда, в глину.

Маринка выхватила у Евы свой телефон и открыла на нем ленту фотографий.

— Да, действительно, м-м-м...

Скульптуры были странными. Головы женщин на длинных змеиных шеях. Безглазые одинаковые лица с чувственными губами... А вместо волос на головах «росли» пальцы. На некоторых пальцы складывались в дерзкий ирокез, иногда они представляли собой что-то вроде тюрбана.

— Глина — совершенно особенный материал. Совсем другие ощущения, когда ты мнешь массу...

У Евы по спине и по рукам пробежали мурашки.

— Мои девочки, — с гордостью сказала Маринка. — Как тебе?

«Ее девочки» больше напоминали собрание Медуз Горгон, готовых превратить зрителя в камень.

Ева осторожно подбирала слова, потому что жить с Маринкой предстояло пять дней в одном номере. И это очень большой миф, что художники любят, когда их работы критикуют.

— Эм-м-м... они такие... такие... выразительные!

«Отталкивающие», — хотелось сказать Еве. К счастью, ее ответ Маринку удовлетворил, и она спросила:

— А ты сама как? Много работы?

— Много. Первый отпуск за два года. Подумать страшно.

Маринка покачала головой и назидательно произнесла:

— Так нельзя. Труд из обезьяны сделал человека не для того, чтобы он превратился в лошадь.

Объявили посадку. Ева вскочила и засобиралась, но Маринка продолжала расслабленно сидеть.

— Ой, успеем, — сказала она. — Там даже не пускают наверняка, так, перестраховываются. Я еще не допила, давай уж спокойно посидим...

В самолет они влетели, как две взмыленные скаковые лошади.

Отдых начался!

* * *

Варфоломей проснулся от пристального взгляда. На собранном комод, свесив волосатые ноги, сидели бесы. Рядом пристроился Амадей. Троица молча смотрела на Варфоломея. Черт запустил в них подушкой и крепким словом.

— И тебе доброе утро! Как дела?

— До этого момента — неплохо...

Варфоломей поднялся и почесал мохнатую грудь.

Амадей хрюкнул, рыло его смешно дернулось:

— Как тебе новый мир?

Варфоломей был мрачен, как любой нормальный человек с утра. То есть зол, как черт.

— Нормально.

Амадей перешел сразу к делу:

— Ты ж еще работу не нашел?

— Нет.

— Ну и отлично! Я решил, что нельзя тебя так просто бросать, как котенка, поэтому собирай вещички. Прокатимся, музыку послушаем. Мой долг — заняться твоим образованием. А то, знаешь ли, душа за тебя болит.

Варфоломей криво улыбнулся:

— Ага, конечно... душа.

— Ну ладно, чтобы быть честными, оставим душу в покое. Меня немного тревожит факт, что в моей родной и любимой Москве появился дикий черт из Ада, который ничем не занят, а дни напролет просто шатается по городу. Да у меня мех на жопе взмок, когда я за тобой по «ИКЕА» таскался! А вчера в ресторанчике ты так на официанта посмотрел, что меня ужас разобрал... Но поздравляю, ты прошел первую проверку на выживаемость.

— Хм... отлично. Значит, цели нет, а проверки есть.

Варфоломей недоверчиво хмыкнул, чуть подумал и решил не обижаться на «дикого черта из Ада».

— Еще бы! Но сейчас проверка — это тьфу. Но нынче не то что давеча... Вот раньше — один неверный шаг, и на кол могли посадить. Или четвертовать... Тоже не айс. А сейчас... Ну в полицию заберут, ну в психушку... Хотя там такие очереди, что не всех берут еще! Но я в тебя верил!

Бесы спрыгнули с комода и забежали вокруг Варфоломея. Завертели хвостами, и он рассеянно почесал им лысые макушки.

— Верил он в меня, — проворчал черт.

Амадей продолжил:

— Да, между прочим. Я покой потерял. Сначала показалось хорошей идеей предоставить тебя самому себе. Так сказать, в омут с головой. Бросить в мир, чтобы ты тут сам варился. Устраивался. Но проклятая гиперответственность! Надо сказать, меня волнует, чем ты собираешься

заниматься. А то знаешь: «Как дорожит своим деньком малюточка-пчела... бла-бла-бла... Всегда для праздных рук найдет занятие Сатана». Цитата неточная, но неважно. — Амадей был крайне взволнован. — Убивать тебя случайно не тянет? Нет? Ну... не знаю... Крови теплой выпить не хочется?

— Хм... — неопределенно промычал Варфоломей, — даже не знаю. Если только прямо сейчас.

Амадей замер, а потом его лицо расплылось в улыбке:

— Ты шутишь, а я уж подумал... Не пугай меня так. Я ж не зря тебе сказал, что можешь делать все, что люди делают. А люди убивают. Некоторые — вообще кровожадные.

— Тогда в чем проблема? — поинтересовался Варфоломей.

Не то чтобы он планировал заняться убийствами, спросил скорее из принципа.

— Понимаешь, — тут в голосе Амадея прорезалась сталь, — свобода воли — на то она и свобода. Я не могу диктовать тебе, что делать. Но у меня тоже есть эта самая свобода. Я тут давно, и у меня сложилась прямо железная уверенность: черт-убийца здесь не нужен.

Варфоломей посмотрел в глаза своего собеседника, в них взметнулось адское пламя. Лицо Амадея утратило расслабленность и благодушие, обнажилась звериная сущность. В этот момент Варфоломей отчетливо понял, что его лучше иметь среди своих друзей, чем среди врагов.

Амадей деловито посмотрел на золотые часы («Картье», если это имеет значение) и сказал:

— Заболтались мы тут с тобой. Собирайся быстрее. В Венецию поедem.

* * *

Варфоломей сидел в частном самолете и заметно нервничал:

— И эта штука летает?! Да пошло оно... — пробурчал он, поглядывая в иллюминатор.

— Варфоломей, не многие могут позволить себе такой комфорт. Не кисни, привереда. Ты уже пробовал икру? Во-во-во... берешь и запиваешь шампанским. Отлично, правда. И расслабься, отдайся ощущению полета... Мой друг любезно предоставил нам свой самолет. На самом деле он мне здорово обязан, но все равно люди еще склонны к душевным порывам.

Варфоломей вцепился в подлокотники, когда самолет начал вырывать на взлетную полосу.

— Нас ждет прекрасный город, — вещал Амадей. — Древнее искусство, музыка, мороженое, маски. Кстати, ты в Москве демонов не встречал?

— Нет, — напряженно ответил Варфоломей.

— А с ведьмами не пересекался?

— Нет. А кто это?

— А, так... не бери в голову. Завидую я тебе, Варфоломей. Первый полет — совершенно особенное дело.

Самолет мягко оторвался от земли и набирал высоту. Варфоломей прилип к иллюминатору и с детским восторгом смотрел, как дома, машины, деревья становятся игрушечными, а поля превращаются в подобие лоскутного одеяла.

Амадей наблюдал за ним, откинувшись в своем кресле:

— Видишь, этот мир — территория безграничных возможностей. Тут даже рожденный в Преисподней может летать.

* * *

Ева вдыхала итальянский воздух, подставляла лицо жаркому солнцу и щурилась от обилия непривычно сочных красок вокруг. Говорят, что Питер похож на Венецию. Ничего общего! Каналы с изумительной изумрудно-голубой водой, запах морской соли, дома с таинственными черными провалами стрельчатых окон, словно вылепленные из разноцветной пастилы, и огромное количество стильных мужчин. Ощущение карнавала, гондолы и катерки, покачивающиеся на привязи... Разве такими словами кто-то стал бы описывать культурную столицу России? Нет.

Ева с Маринкой погрузились в вапоретто и понеслись по волнам мимо дворцов, глядя на открыточную панораму города.

— Сейчас прибудем в наш отель, а потом найдем итальянский ресторан. Умираю хочу пиццу, пасту и каких-нибудь морских гадов на закуску, — сказала Маринка. — А потом пойдем гулять. Ох, ты только посмотри, Ева, какая красота вокруг!

Ева кивала и поправляла волосы, которыми играл ветер.

Вапоретто доставил их на площадь Святого Марка. Мрамор. Тучные голуби. Бесконечная толпа туристов. Ева послушно шла за Маринкой, которая уверенно лавировала в людском потоке. Кафе, траттории, желатерии, кондитерские, рестораны и ресторанчики были на каждом шагу и искушали необыкновенно аппетитными запахами, зазывали витринами со

всевозможными деликатесами. Маски. Дешевые сувениры и одетые в мрамор площади, каналы и пробки на горбатых мостиках — все сплеталось в причудливый калейдоскоп.

— Ты знаешь, что итальяшки хотят ограничить въезд туристов в Венецию? — отдуваясь, спросила Маринка. — И правильно сделают, многовато народа.

Прямо перед ними проход в узкий переулок заслонила группа японцев, которые в едином порыве щелкали фотоаппаратами, словно бойцы на плацу — затворами ружей.

— Вроде бы наш отель расположен в тихом месте. Судя по отзывам, — сказала Ева.

Отель они выбрали с романтическим названием «Палома». То есть «голубка».

На вывеске величественного венецианского особняка винного цвета красовалась белая голубка с оливковой ветвью в клюве. Кто бы мог подумать, что голуби умеют улыбаться, когда несут оливковые ветки?

Маринка склонила голову набок.

— Что не так у нее с пропорциями?

— Клюв должен быть меньше. И хвост неправильный.

Художники профессионально разгромили рисунок, после чего вошли в гостиницу.

Тяжелая дверь привела Еву и Маринку в зеленый сумрак и прохладу временного жилища. За стойкой им кивнул итальянец с львиной гривой седеющих волос:

— Синьоры...

Портье царственно склонил голову. В этом жесте была бездна снисходительности. А дальше на языке Шекспира разыгралась традиционная пьеса «Заселение», в ходе которой, естественно, сначала не могли найти данные о бронировании, и над подругами нависла нешуточная угроза, что их номер отдан другим туристам. Но все разрешилось благополучно, паспортные данные были внесены в систему, получен тяжелый средневековый ключ с номером «четыре», и вот уже чемоданы отбивают колесиками победоносную дробь по ступенькам.

— Ого!

Ева обзревала огромную комнату. Старинное зеркало в золотых разводах в золоченой раме от пола до потолка, две двуспальные кровати с балдахинами, величественные медные светильники.

— Понятно, почему этот старый хрен не хотел нас заселять...

— Да, на фотках все было... проще. Они, похоже, ошиблись... По

ходу, наш номер действительно кто-то занял, — сказала Ева.

— И хорошо! Как я благодарна этим людям! Нет, ты только посмотри! — Маринка прошла в ванную. — Да тут олимпийский бассейн поместится. Так, Ева, если они попытаются нас выселить, прикидываемся валенками, ничего не понимаем, ни на каком языке не говорим. Остаемся здесь жить!

Скрипучие ставни были распахнуты, внизу плескалось море. С замиранием сердца Ева следила за тем, как длинная гондола скользила по воде. Гондольер в тельняшке посмотрел в их окно, белозубо улыбнулся и, махнув рукой, затянул приятным баритоном сентиментальную песню. Ева зажмурилась на несколько секунд и открыла сначала один глаз, потом второй. Венеция была на месте.

— Так, я быстро в душ, а потом пойдем найдем ресторан.

— Угу...

Ева не двигалась, она продолжала слушать песню и смотреть на воду в канале.

— И мы не поступим, как типичные туристки! — Голос Маринки эхом отражался от кафельных стен. В ванной легко можно было давать оперный концерт: такая акустика. — Мы не поплывем на гондоле! Никаких гондол! Вся эта романтическая чушь нам ни к чему!

— Конечно!

Ева высунулась из окна и сделала фотографию. Ее смартфон резко пиликнул. Оказалось, мама прислала три фотографии Григория, который валялся на веранде в самых живописных позах. К снимкам прилагался подробный отчет о том, как хорошо кот поел и сколько раз посетил туалет.

* * *

Со скоростью, выдававшей в них жителей Москвы, Ева и Маринка влетели в крошечный ресторанчик. Обеим понравилось, что столики представляли собой большие бочки, словно их только что скатили с какой-нибудь пиратской шхуны. К тому же написанное мелом меню на входе радовало знакомыми названиями.

Подруги устроились за бочкой и с хищным наслаждением наблюдали, как суровый хмурый повар крутит тесто, превращая колобок в тончайшую лепешку. Легкими элегантными движениями ладони он насыпал на тесто сыр.

— В жизни не видела ничего прекраснее.

Пицца отправилась в печь, в которой яростно плясало алое пламя.

Официант материализовался перед столиком и налил в бокалы красное тягучее вино.

— Ну, за начало нашего отдыха!

— Ура-ура!

Звякнуло стекло.

Ева и Маринка молчали. Ожидание было вознаграждено: когда Ева вонзила зубы в огненную, правильно хрустящую пиццу с тягучим сыром, она тихонечко застонала.

Потом были фетучини с белыми грибами и пармской ветчиной, утопающие в невероятном сливочном соусе. Пармезан нежно плавился, оливковое масло блестело золотом.

Нужны ли тут слова?

— Это вкусовой оргазм!

— О, да!

Подруги лениво потягивали вино.

— Но ты же понимаешь, что мы просто обязаны съесть десерт и выпить кофе?

— Конечно.

— Ох, Ева, как хорошо, что ты подумала о Венеции! Это как раз то, что мне было нужно.

Народу в ресторанчике прибавилось. Теперь повар работал еще быстрее. Белоснежные круги теста мелькали в воздухе, словно игнорируя законы гравитации.

— А знаешь, это так здорово — просто выбраться. Будем ходить и смотреть на картины, наслаждаться едой и архитектурой. Главное, никаких мужиков!

Маринка так строго посмотрела на Еву, словно подозревала, что та тайно провезла в чемодане мужика.

Еву удивил такой напор, а Маринка продолжила:

— Я недавно поняла, что он от нее никогда не уйдет.

— Кто?

Ева расслабилась и потеряла бдительность.

— Мой Максим. Конечно, он никакой не мой, а подлый женатый Максим. Вот скажи, как можно пять лет быть такой наивной и верить, что он разведется?

Ева слушала.

— Мой тебе совет: никогда не верь женатым. Все они будут петь, что жена плохая и вообще такая-сякая, его не понимает... и как только, так

сразу... Но при этом возвращаться он будет к ней, ездить в отпуск — опять с ней. А потом... «дети не могут расти без отца» или «развод ее погубит, разобьет ей сердце, она не сможет оправиться». Понимаешь, за эти пять лет я загнала себя в какой-то ад. И все это вранье... Короче, я поставила ему ультиматум: либо я, либо она. Мы расстались, сердце разбито у меня... Зато он понял, что любит свою жену. Представляешь, он вспомнил, что давал ей клятву! И я перешла из разряда «самой любимой на свете» в разряд «ошибок»!

Маринка стукнула рукой по бочке, ее бокал жалобно звякнул.

В таких случаях не скажешь, «да ладно, все будет хорошо», поэтому Ева продолжила молчать, только подлила еще немного вина себе и Маринке. Но подруга обладала поистине железной волей и просто неистребимым оптимизмом.

— Кроме депрессии, общественного порицания, упущенного времени и потери самоуважения в этих отношениях были свои плюсы. Во-первых, нескучный безудержный секс... — Маринка улыбнулась, встряхнула головой и принялась загибать пальцы: — Две персональные выставки. Периоды отчаяния, что весьма продуктивно для творчества. Периоды небывалого подъема и восторга, что еще более продуктивно для творчества. Хотя я, знаешь ли, люблю пострадать, сконцентрироваться на этом чувстве душевного дискомфорта. Когда душу выворачивает, там можно найти много всего интересного. Но сейчас я чувствую, что мне необходимо одиночество, никаких отношений... То, что мне нужно, — это обрести себя. В конце концов, может же женщина быть полностью самодостаточной и независимой?

— За независимость и самодостаточность, которую мы обретем в солнечной Венеции! — Ева улыбнулась и подняла бокал.

— Да! Так и будет!

Глава 7

— Люблю этот город, Варфоломей! Вдохни поглубже! Воздух тут особенный. Чуешь? Остатки магии, отблески проклятий. Такие дела тут творились! Эх... сколько воспоминаний! М-м-м... Жаль, что сейчас нет карнавала. Нарядили бы тебя... Рога бы показал во всей красе, — Амадей хрюкнул от переполнявших его чувств. — И главное, никто бы ничего не заподозрил.

Варфоломей сидел на пуфике и примерял мокасины Tod's из мягчайшей кожи.

— Ну как? — Амадей склонил голову набок. — Твои ноги уже ощутили райское блаженство? Готовы порхать, словно... хм... словно стая бабочек?

— М-м-м... — неопределенно ответил Варфоломей.

Он немного стеснялся своих ног. Да и сравнение ему совсем не понравилось. Где бабочки, а где чертовы ноги? Все-таки копыта выглядят солиднее. А пальцы — такие беззащитные! И шевелятся смешно. Да еще улыбчивые девушки-консультанты очень пристально смотрели на его стопы. Это черта смущало.

Варфоломей привык, что на него в Аду все таращатся, как на диковинку, и рассудил, что Земля в этом отношении ничем не лучше. Он не мог знать, что этим вечером Лучия, которая принесла ему черные мокасины, на привычный вопрос своей тетушки: «Как сегодня твой день?» — ответит: «О, тетя, сегодня я видела мужчину с самыми красивыми ногами. У него такие ровные пальцы! И ни единой мозоли, словно он никогда в своей жизни не носил башмаки».

— А мне пришлось походить в лаптях. Вот где была пытка-то, — доверительно сообщил Амадей. — И побегать в них пришлось. К обуви вообще молниеносно привыкаешь, когда за тобой гонится толпа с вилами и горящими факелами. Прямо вот любой дискомфорт снимается. Нет. Только не красные, — это уже было сказано девушкам, которые упорхнули в недра магазина за новыми коробками.

— Надо скорее определяться. Тебе еще бы фрак добыть. Оперу нужно слушать во фраке. Даже не спорь. Тут я старомоден, как говно мамонта. Одежда помогает настроиться на нужный лад... погружает в правильную атмосферу. И мы черти, а не варвары, чтобы слушать благородную музыку в джинсах!

Завтракать Ева с Маринкой спустились под бодрое «Бон джорно». Седовласого «льва» сменил белозубый парень. Форменный пиджак был расстегнут, галстук небрежно завязан, а густые волосы взъерошены, но вид в целом был шикарный. Вполне возможно, этот улыбчивый венецианец являлся прямым потомком самого Казановы. Он проводил «синьор» в гулкий сводчатый зал, где их ждал завтрак со свежими круассанами и итальянским кофе с нежной пенкой.

Пока Ева щебетала о выставках и всяких чудесах древнего города, Маринка задумчиво смотрела куда-то в сторону.

— Марин, ты чего? Ты здесь? Ты меня слышишь? О чем задумалась?

— Да так... Извини, просто неважно себя чувствую. Знаешь, такое ощущение, что мигрень начинается.

— Ого! А у тебя есть с собой лекарства? — заволновалась Ева.

Маринка слабо улыбнулась.

— Да-да... все будет нормально. Знаешь, ты, наверное, иди, сходи на экскурсии. А я приму меры: полежу в затемненной комнате. Знаешь, полный покой, сон... Надеюсь, не накроет... — Она странно хихикнула. — Главное — я не хочу тебя напрягать. Гуляй, отдыхай... Отрывайся, подруга. Один день музеев я пропущу. Если что, на связи. — Маринка постучала ногтем по экранчику своего телефона.

Ева не успела опомниться, как оказалась на улице, сжимая в руке сумочку. Она немного попереживала, но эгоистично решила, что не даст испортить свой отпуск, и пошла гулять.

Вернулась уже вечером. Когда поднялась к номеру, за дверью раздался протяжный стон. Потом еще один.

«Ничего себе, как Маринке плохо. Все-таки мигрень ее накрыла».

Ева ощутила укол совести: она целый день гуляла и наслаждалась. Дрожащие руки быстро открыли замок.

— Марин...

«А нет, не плохо. Накрыло, конечно, но не мигрень».

Ева тихонечко попятилась, успев сохранить в памяти белые лодыжки своей подруги, скрещенные на пояснице парня. Судя по форменному

пиджаку, который валялся на полу, это был тот самый «шикарно-взьерошенный» потомок Казановы с завтрака.

Накрыло Маринку сильно. Можно сказать — крепко.

Из-за двери снова раздались стоны и вскрики. Любовники даже не заметили невольного свидетеля, полностью отдавшись страсти.

Ева мудро рассудила, что стоять под дверью — это как-то не очень, и вышла на улицу. Понадеявшись, что парочка не выйдет за рамки Маринкиной кровати и ее собственное ложе останется девственно чистым и непорочным, Ева решительно пошла прочь от отеля. Ноги сами несли ее по улочкам, мостикам...

С одной стороны, Ева была возмущена: вот она, женская дружба во всей красе! Но с другой — восхищена. Нельзя не признать молниеносность, с которой Маринка спланировала и реализовала свой план. И еще немного Ева завидовала...

Синие сумерки сгущались, каналы окутывала туманная дымка, отчего казалось, что палаццо висят в воздухе. Левитирующий таинственный город с темными тайнами... Ева зябко подернула плечами: ее захлестнуло ощущение опасности и тревоги. А потом она поняла, что заблудилась. Забрела черт знает куда, оказалась в стороне от пешеходных маршрутов.

Вокруг не было вездесущих туристов с камерами: стояла странная, звенящая тишина. Черные провалы окон смотрели вопросительно. Не было ресторанчиков и сувенирных лавок. Из тумана вынырнула фигура, закутанная в плащ, — чумной доктор.

По рукам побежали мурашки. Ева едва не закричала, когда незнакомец отвесил церемонный поклон, махнув пером по мостовой. Сердце колотилось, как безумное. Разум подсказывал, что это просто актер, который торопится на какое-нибудь венецианское шоу. Но, не дожидаясь, когда шаги стихнут в тумане, Ева бросилась бежать.

* * *

— Ой, ну ладно тебе! Ну где здесь можно заблудиться? Где ты вообще этот туман нашла? Это все художественное преувеличение... Погода-то ясная.

Ева и Маринка сидели в номере и ели пирожные. Наперегонки.

— Сама не поняла, где оказалась, но очень хотела оттуда выбраться. А потом — раз! — и через минуту я уже у отеля. Знаешь, как говорят: нечисть крутит. Но ты в любом случае провела день гораздо интереснее...

Маринка напустила на себя притворно-скромный вид, затрепетала накрашенными ресницами.

— Хочешь, завтра встанем пораньше и вместе пойдем встречать рассвет на Сан Марко? Ну котик, ну не обижайся... Просто нужно было снять стресс...

Она внимательно посмотрела на Еву и довольно потянулась, как кошка, объевшаяся сметаны. Ева испытала острое раздражение и невольно подумала о том, когда у нее в последний раз был секс. Вспомнила два последних неудачных свидания... Съела еще одно пирожное.

А Маринка продолжала философствовать:

— Расставание — это... знаешь ли, очень больно. Как... м-м-м... восковая эпиляция. Сидишь с наклеенной полоской, смотришь на нее, терзаешься, страдаешь... И знаешь, что приносит облегчение? Нужно, чтобы кто-то взял — и отодрал.

Ева усмехнулась.

— Кто-то говорил «никаких мужчин»... — не удержалась она, уколов Маринку.

— Да, первоначально план был такой. Но я же женщина, я не могу все решить раз и навсегда. Тем более... ты его видела? М-м-м... какая крепкая задница! Прелесть.

— Да ну тебя!

Ева поморщилась, но губы сами изогнулись в кривоватой улыбке.

— Ко-о-тик, ну зачем ты кривишься? Морщины появятся раньше времени. У тебя вид, как будто ты съела дольку лимона. А знаешь, у Анжело наверняка найдется какой-нибудь друг...

— Марин, нам скоро уезжать. Ну какой друг...

— Еще два дня. Это ого-го сколько времени! Будет не просто отпуск, а «итальянское приключение». М-м-м?..

Она подмигнула Еве и засмеялась, но Ева не разделяла Маринкину веселость: она все больше хмурилась.

— Да ладно тебе! Что ты надулась, как мышь на крупу? Осуждаешь?

— Нет. Ты большая девочка. Но могла бы просто сказать... а не придумывать мигрень.

Ева расставила все по местам и почувствовала себя занудой.

— Это было бы не так интересно, — лукаво заметила Маринка. — И потом, я же говорю... Нет... я тебе клянусь, что ничего заранее не планировала. Это был порыв вдохновения. Импровизация.

— Ага, конечно.

— Нет, серьезно. Все, знаешь ли, получилось само собой. Легко и

непринужденно. Наши флюиды совпали. М-м-м...

Ева поднялась и прошла в ванную, закрыв за собой дверь.

* * *

Варфоломей слушал оперу и прикидывал, сколько это может продолжаться. Он то и дело бросал косые взгляды на сидящего рядом Амадея и поражался выражению райского блаженства у того на лице.

Сначала черт честно пытался вникнуть в происходящее на сцене. Но через час сдался. Нет, пели действительно прекрасно. Но без предварительной подготовки высидеть трехчасовую оперу — то еще испытание.

Веки отяжелели, и Варфоломей прикрыл глаза. Бархатная темнота зала обволакивала и действовала усыпляюще. В какой-то момент он не выдержал и погрузился в блаженную дрему. Разбудили его аплодисменты.

Варфоломей восторгнулся. Зал рукоплескал стоя. Когда зажегся свет, он с удивлением увидел, что по щекам Амадея, оставляя мокрые дорожки, бегут слезы.

— Браво! Брависсимо! — Амадей не жалел ладоней. — Это было роскошно!

Через несколько минут толпа любителей оперы выплеснулась на улицу.

— Как в Раю побывал, — поделился Амадей. — Ох, еще немного — и воспарю.

Он распустил свою бабочку и расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке.

— Даже дыхание перехватывает. Ты как? Нормально?

Варфоломей чувствовал себя выпавшимся. Свежий ночной воздух прогнал оцепенение, вызванное чрезмерным давлением классической музыки.

— Никогда такого не слышал, — не погрешил против истины он.

— Слушай, меня сейчас разорвет от избытка чувств. Нужно как-то заземлиться.

Амадей завертел головой.

— Да, определенно. И тебе познакомиться с нужными демонами не помешает. В нашем мире без связей — никуда.

Черти долго петляли по улочкам. Варфоломею стало казаться, что они шли целую вечность. Иногда Амадей останавливался, возвращался на

несколько шагов, а потом снова шел вперед. Несколько раз он крутился вокруг своей оси. А еще под ногами путался серый туман. Он выполз из канала и увязался следом, разрастаясь, принимая причудливые формы, пока не окутал все вокруг плотной стеной.

Варфоломей перестал что-либо видеть, к тому же его раздражала сырость, которая противно холодила нос.

— Почти, почти пришли. Осторожно, тут ступеньки, — суетился Амадей. В голосе звучало предвкушение.

Варфоломей вовремя остановился и поэтому не споткнулся.

Они с Амадеем поднялись по лестнице, из-за двери доносилась приглушенная музыка.

— Нет... — выдохнул Варфоломей. — Только не музыка. Только не опять. Мы же уже...

Ни слова не говоря, Амадей толкнул дверь.

Варфоломей боролся с желанием развернуться и скрыться в тумане. Он всегда трезво оценивал свои силы и понимал, что еще одну оперу ему не осилить. Едва ли в мире найдется человек шесть, способных прослушать две оперы подряд, но Варфоломей об этом не догадывался.

Амадей не дал ему шанса на трусливое отступление, подхватил под локоть и втянул в красное нутро дома. Туман остался за порогом, свернулся кольцами и приготовился ждать. Это был весьма странный туман.

Варфоломей успел заметить черные бархатные шторы и красное освещение комнат, успел услышать приглушенный женский смех, а потом на него прыгнула совершенно обнаженная женщина, душно обняла и впечатала мокрый скользкий поцелуй прямо в шею.

— Привет, красавчик! Что-то я тебя раньше не видела, — прошептала она.

Варфоломей машинально попытался ее от себя оторвать. Он слегка повернул голову, чтобы увидеть, что к Амадею присосалась вторая точно такая же. Но одежды на ней было больше. Кто скажет, что туфли и чокер — не одежда?

— Амадей! — проурчала вторая. — Давно не виделись. Почему не заходишь?

— Дела, София, совсем замотался.

В этот момент Варфоломей потерпел поражение, и незнакомка опять добралась до его шеи, а ее руки начали поглаживать черта против шерсти. Почему-то у него возникло ощущение, что рук у дамы было не две, а минимум четыре. А еще она умудрялась тащить Варфоломея дальше в красные комнаты.

— Пойдем со мной, милый. Пойдем... ты такой... — речь ее стала бессвязной.

Амадей, посмеиваясь, прошел следом. Он приобнимал ту, что назвал Софией, за талию.

— Ольга, не пугай Варфоломея, он только что из Ада прибыл. Еще, считай, не видел ничего.

— Так я покажу... м-м-м... все...

Женщина выпустила Варфоломея и чуть отстранилась. У нее были темные волосы, которые в красных отсветах казались огненно-рыжими.

Все, что еще смог понять Варфоломей о внешности Ольги, — это жадные, неестественно полные губы.

— О, из самого Ада? Так ты падший ангелочек?

Амадей грустно вздохнул и заворковал очень ласковым голосом:

— Нет, он тоже черт, дорогая. Это можно понять по первичным, так сказать, признакам: по его рогам... хм-м... по отсутствию крыльев.

— Да? — губы вытянулись удивленной буквой «о».

— Сейчас, девочки, мы придем.

Амадей по-хозяйски пошлепал Софию по заднице.

Ольга окончательно отлепилась от Варфоломея и ушла вперед, призывно покачивая бедрами. Похоже, ее совершенно не смутила ошибка.

— Ой, дура, — вздохнул Амадей, — ой, дура... Ну как можно тебя принять за ангела? Но... у нее есть другие достоинства. В конце концов, не всем же академиками быть.

Варфоломей в это время брезгливо вытер шею.

В зале у шестов извивались танцовщицы. Вот откуда была слышна музыка.

Амадей окинул взглядом блестящие тела.

— Ну, тут не очень весело. Как банально. Ангелица и чертовка. Пф-ф! Ничего нового.

Он схватил Варфоломея за рукав и потащил в зеркальный коридор, не дав полюбоваться танцем.

Навстречу вышла женщина в черном латексном костюме, ведущая на поводке полноватого мужчину.

— Ба! Дмитрий Андреич, привет! — Амадей раскинул руки.

— Ну-ка рядом. Сидеть! — грозно скомандовала латексная тетка и дернула за поводок.

Дмитрий Андреич с готовностью плюхнулся на попу.

— Я смотрю, слушается. Хороший мальчик, — сказал Амадей. — Вы в Москве будете, мне обязательно позвоните, обговорим...

Он не успел закончить фразу, как неожиданно Дмитрий зарычал и попробовал Амадея укусить за ногу.

— Будешь наказан, — с упоением сказала его «хозяйка». — Кусаться вздумал! Я тебя научу хорошо себя вести.

Она резко дернула за поводок и потащила «собачку» куда-то в коридор. Дмитрий заскулил.

Амадей вздохнул и доверительно сообщил Варфоломею:

— Владелец заводов, газет, пароходов... А если серьезно — мужик нечеловечески богат. Все, к чему прикасается, превращается в золото, доллары, биткоины. Говорит, что устает от ответственности и вот так отдыхает. Отказывается принимать любые решения. Не мог его не поддразнить... Прикольно он себя повел... А?

— Где мы? — хрипло спросил Варфоломей.

— Ну, тут такой клуб по интересам. Знаешь, каждый найдет себе занятие по душе. Люди общаются...

Амадей толкнул неприметную дверь.

— А главное, секс здесь совершенно безопасный. Можно не бояться нежелательных последствий.

Варфоломей уставился на причудливое переплетение рук, ног, тел на огромной круглой кровати.

— Тесно общаются, — хмыкнул он.

— Здесь можно встретить демонов человекоподобных, естественно, чертей, — Амадей показал на себя и Варфоломея, — ведьм всех направлений, колдунов, магов... Только не спрашивай, чем они различаются, сам точно не знаю. Как тебе, кстати, Олечка? Понравилась?

Варфоломей вспомнил мокрые жадные губы и скривился.

Амадей кивнул:

— Понял. Давай выпьем что-нибудь бодрящее.

В уютном зале С барной стойкой жарко пылал камин. За исключением бармена, сосредоточенно протирающего стаканы, тут никого не было. И вообще в этом зале все выглядело подозрительно нормальным. Кроме...

— Кстати, о всяких созданиях природы: а в Аду вампиры есть?

Амадей снял со стены плетку и рассеянно принялся крутить ее в руках.

— Это те, которые кровью питаются? — уточнил Варфоломей.

— Ага... кровососы. Знаешь, как говорят? Вампиры очень странный предмет — вроде сосут, а радости нет.

Варфоломей усмехнулся.

— В Аду они не прижились. Все эти их взгляды магнетические... Быстро выперли.

— Вот и здесь не прижились. Я, ты знаешь, патриот. Люблю жить в России. Но там вампиров или упырей всегда мало было. Зима долгая, а у них и так кровь стылая. Зато много в Италии и Испании. Дай Люцифер памяти, точно век не назову. Ну так вот: я тогда взял фриланс, как говорят сейчас. Сотрудничали со Святой Инквизицией, отловили, поджарили... освободили землю от этих скотов.

Амадей отложил плетку, глаза затуманились воспоминаниями.

— Да, неплохое время было. Между прочим...

Амадей хотел еще что-то рассказать про инквизицию, когда в зал вошла демоница. В первую секунду у Варфоломея перехватило дыхание, словно его ударили, перед глазами предательски потемнело: показалось, что перед ним — Кайли.

Потом он сам удивлялся своей реакции, поскольку трудно было бы найти двух более непохожих демониц. Разве что гордая плавность движений и цвет волос.

Демоница отвернулась к бару. Звякнул лед о стекло. Бокал наполнился ядовито-зеленой тягучей жидкостью.

Как замороженный, Варфоломей следил за изящной ручкой незнакомки. Каждый острый коготок был украшен россыпью маленьких камушков, они красиво поблескивали. Варфоломей встретился с демоницей взглядом. Ее губы изогнулись в улыбке, кокетливо обнажив кончик белого клыка.

Ни слова не говоря Амадею, Варфоломей развернулся, быстрым шагом прошел по зеркальным коридорам и крепко хлопнул входной дверью. Туман так и лежал на лестнице у входа. Варфоломей пнул его, можно сказать, от души. Он переходил мостики и сонные площади. Ноги сами несли его по венецианским дворикам.

Оказалось, они пробыли в этом странном доме гораздо больше времени, чем он предполагал. Небо приобрело жемчужную бледность. За особняками Варфоломею не было видно, но на востоке появился розовый росчерк, предвосхищающий восход солнца.

Глава 8

Ева трясла Маринку за плечо.

— Вставай...

Маринка протестующе заворчала и натянула на себя одеяло.

— А... что... Сколько времени?

— Скоро рассвет.

Маринка сморщилась.

— Не-е могу.

Она перевернулась на другой бок и глубоко вздохнула.

Ева постояла несколько секунд, подхватила сумку и на цыпочках вышла из номера, затворив дверь.

На самом деле она обрадовалась. Интуитивно чувствовала, что рассвет на площади Сан Марко нужно встречать либо в гордом одиночестве, либо с возлюбленным. Этот момент требовалось положить в копилку очень личных воспоминаний.

Ева вышла на пустынную, странно притихшую площадь. Никого. Даже странно. Она бесшумно шагала под мерное, ласковое воркование еще сонных голубей. Один сизый вспорхнул из-под ног, мягко задев крылом.

Взгляд блуждал от Дворца дождей к волшебным часам на башне Святого Марка, устремлялся к стремительно синеющему небу и опускался на мрамор площади в безуспешной попытке охватить всю открывающуюся величественную красоту. Ей принадлежало все...

Неожиданно уединение было нарушено. Все произошло быстро и странно. Стоило всего-навсего моргнуть, как вместо архитектурных красот Ева уставилась на расстегнутый ворот белой рубашки, шею, волевой подбородок со светлой щетиной и наконец-то встретилась с пронзительным взглядом небесно-голубых глаз.

— Да отвяжись от меня, наконец! Вот ангельская напасть-то!

Варфоломей пытался избавиться от тумана, который цеплялся за его ноги, поэтому Еву перед собой просто не заметил и был удивлен в той же степени, что и она.

Ева машинально шарахнулась назад и чуть не упала:

— Ой! Откуда вы... Я вас не видела.

Варфоломей ухватил Еву за руку, помогая вернуть равновесие. Как ни странно, она его узнала. «Сосед со спиной, „ИКЕА“, глаза голубые», — пронеслось у Евы в голове.

У Варфоломея ничего не пронеслось.

— Извините, это все туман... — Варфоломей махнул рукой в сторону, — прицепился. Я вас не увидел.

Ева оглядела пустынную площадь, но никакого тумана не было и в помине.

— Вы же... вы... Это вы были с коробками из «ИКЕА», там, в Москве, Мастерской переулочек, двенадцать? — сказала она, чтобы убедиться наверняка. — Вас еще сшибли в подъезде? Тот старик, который чертей иногда гоняет?

— Бесов, — сухо поправил Варфоломей. — Но... да. Сшибли.

Ева колебалась долю секунды. Точнее в таких случаях будет сказать: не колебалась ни секунды. Она поправила волосы и обворожительно улыбнулась.

— Получается, мы с вами соседи. Я Ева.

— Варфоломей, — представился Варфоломей. — Получается, что так. Брови Евы удивленно приподнялись.

— Необычно... — начала она, но, заметив промелькнувшее в глазах Варфоломея раздражение, поспешила исправиться: — Наверняка вы это слышали миллион раз.

— Сто миллионов раз, честно, — недобро усмехнулся черт.

Ева мысленно отругала себя: с чего это ей вздумалось комментировать имя? Мало ли как человека назвали.

Она искренне смутилась из-за собственной бестактности, и Варфоломей внезапно ощутил к ней симпатию. Черт изучал стоящую перед ним женщину. Настороженность сменилась легким любопытством, а потом и вовсе заинтересованностью: Ева совершенно не была похожа на демониц и чертовок. И дело не во внешних отличиях. Не в цвете кожи или отсутствии клыков, когтей, рожек. В ней не было сшибающей с ног уверенности в собственной неотразимости и агрессивной сексуальности.

Губы не жадные и мокрые, а красивые и нежные. Легкий топ подчеркивал упругую грудь, что способствовало возникновению весьма приятных мыслей... И образ Кайли в этот момент как-то утратил былую резкость, отодвинулся в сознании черта чуть дальше.

Ева не подозревала о мыслях Варфоломея.

— Но все-таки, как вы так незаметно возникли?

— Место тут такое... особенное, — отозвался он.

— Волшебное? — спросила Ева. — Согласна, я совершенно потерялась в этом пространстве, засмотрелась...

Варфоломей с интересом выслушал, как Ева сама нашла объяснение

его внезапному появлению. Сейчас он наблюдал способность людей отрицать очевидное и находить объяснения необъяснимому.

Ева и Варфоломей прогуливались по площади, продолжая мило беседовать. Черт оказался чуть впереди и, повинувшись чисто хулиганскому порыву, махнул хвостом.

Ева удивленно замолчала, а потом тряхнула головой, словно отгоняя увиденное.

— Что случилось? — невинно спросил Варфоломей.

— Показалось, — решительно отмахнулась Ева, потому что четко знала: у людей хвостов не бывает. — Тоже решили встретить рассвет на Сан Марко?

— Не то чтобы планировал. Скорее так сложилось.

А место и впрямь оказалось волшебным, потому что совершенно неожиданно друг для друга и для самих себя Ева и Варфоломей оказались за столиком в кафе.

Венеция просыпалась. Туристы начали свое бесконечное движение. Многие магазины были еще закрыты, но любители шопинга уже кружили рядом с витринами, высматривая скидки.

Варфоломей свободно расположился на стуле и закатал рукава рубашки. Ева посмотрела на руки Варфоломея. Широкие сильные предплечья были покрыты завитками белых волос.

Черту показалось забавным поговорить с человеком. Более того, он решил рассказать о себе правду. И на вопрос Евы о том, чем он занимается, ответил весьма подробно:

— В данный момент — ничем. Ищу, чем бы заняться. Я только переехал в Москву из Ада, а там работал с возражениями и недовольством населения, — рассказывал Варфоломей с убийственной серьезностью. — Переговоры разного рода, освобождение заложников, предотвращение вооруженных конфликтов — такая вот чертова работа. Но хуже всего были жалобы на новое дорожное лавовое покрытие.

— Ого! Разнообразные задачи.

— А недовольство возникает везде. Иногда даже на пустом месте, — поделился опытом Варфоломей.

— Хм-м... да, наверное... Думаю, это тяжело, такая ответственность. Изматывает. Так ты военный?

Переход на «ты» произошел сам собой.

— Нет. Если по-вашему, что-то среднее между дипломатом, специалистом по переговорам и клерком, который заполняет тонны бумаг. Сплошная бюрократия.

Варфоломей ненадолго замолчал, взгляд его затуманился, мысленно он перенесся на последние свои переговоры. Дорожное покрытие пылает негасимым пламенем. Магия хлещет повсюду. Запах гари и паленой шерсти. Пот заливает глаза, и Варфоломей выдергивает меч из тела древнего монстра. Переговоры закончены.

— Так что теперь хочу заняться чем-нибудь другим. Раз уж никто не говорит, что делать, — бодро закончил черт.

— И ты работал не в России? — уточнила Ева.

— Да, за границей. Можно даже сказать — за гранью, — улыбнулся Варфоломей.

Вообще, встретить Ева Варфоломея в Москве и расскажи он ей вот так о своей профессии, ничего хорошего из этого не вышло бы. Полудипломат, полупереговорщик — звучит почти невероятно, подозрительно похоже на выдумку. Она бы отнеслась к нему весьма настороженно, серьезно призадумалась, пустилась анализировать и непременно пришла бы к выводу, что он очень подозрительный тип. Да еще и безработный по факту. На женщин слова «попробовать что-то новое» или «найти себя», сказанные мужчиной старше восемнадцати лет, действуют как сигнал воздушной тревоги. И, как правило, вызывают такую же реакцию: убежать и спрятаться.

Но Ева была расслаблена, а еще чувствовалась в Варфоломее какая-то спокойная уверенность, внушающая доверие.

Имелось и другое объяснение, почему Ева ощущала себя совершенно свободно. Технически ее новый знакомый являлся соседом по подъезду, а Ева считала, что нельзя встретить свою судьбу... вот так просто. Все равно что найти «свой» салон красоты со «своим» стилистом рядом с домом. Нет, конечно, такие случаи бывают, но... скажем, они слишком редки.

Еще Варфоломей совершенно не вписывался в тип мужчины, с которыми Ева обычно встречалась. Она мысленно охарактеризовала его как «слишком brutальный». Так что была настроена лишь на приятный флирт и кофе.

— Сложно, наверное?

— Да нет, нормально, привыкаешь. Иногда даже интересно. Но думаю, раз приехал в Москву, считай, в новый мир, можно и поэкспериментировать. По большей мере переезд был вызван личными причинами.

Ева кивнула.

— А ты чем занимаешься? — поинтересовался Варфоломей.

— Я художник-иллюстратор.

Официант не торопился. Облокотившись на стойку, он отчаянно жестикулировал, беседуя с поваром.

Варфоломей привлек его внимание, попросив кофе.

— Ты говоришь на итальянском? — удивилась Ева.

Черт помолчал и пожал плечами:

— Наверное... как-то не задумывался.

— Как можно не задумываться?

— Не знаю. Я просто говорю, — ответил Варфоломей.

Он на чистейшем итальянском обратился к официанту, обстоятельно расспросив о погоде и меню.

Ева внимательно слушала мелодию незнакомых слов.

Когда озадаченный официант отошел, черт сделал очевидный вывод:

— Да, определенно, я говорю на итальянском.

— Я, конечно, не специалист, но звучало отлично, — сказала Ева. — Можешь, наверное, сделать карьеру переводчика.

— Хм... как вариант.

Варфоломей не придавал значения тому, что люди говорят на разных языках. Этот факт как-то ускользнул от его внимания, ведь сама природа заложила в чертах способность находить общий язык с любыми людьми. Понимать, говорить и даже читать для него было так же естественно, как дышать. А дыханию никто не придает значения. Конечно, до тех пор, пока с ним не возникает никаких затруднений.

* * *

— Мне пора, — сказала Ева, не двигаясь с места.

Они стояли на горбатом мостике, вокруг текли волны туристов. Еву толкнули, и она оказалась очень близко к Варфоломею. Второй раз за это утро. Их руки сами собой переплелись и сцепились в объятия. Но они этого не замечали.

— Было приятно познакомиться.

— Мне тоже, — совершенно искренне сказал Варфоломей.

Оба замолчали, продолжая удерживать друг друга, как двое утопающих в этом людском море.

Ей не хотелось уходить.

Ему было приятно рядом с ней.

Ева подумала о том, что, когда вернется, возможно, номер будет оккупирован и охвачен любовным огнем. И придется в одиночестве

бродить по городу. На Маринку она уже не слишком рассчитывала. Интуиция просто кричала: придумай предлог! Вам не нужно расставаться! Не сейчас!

Пауза затягивалась. Нужно было принять решение и в конце концов отпустить друг друга.

— Голуби! — неожиданно вырвалось у Евы.

— Что? — не понял Варфоломей.

— Ты можешь помочь? — План родился спонтанно. — Если у тебя, конечно, есть время?

Варфоломей отчего-то обрадовался.

— Есть.

Каждый вздохнул с облегчением, радуясь, что появилась отсрочка в расставании.

— Можешь меня сфотографировать? — Ева достала телефон. — Есть тут одна маленькая пьяцца...

* * *

— Ева, давай беги! Да что ж за бесы ленивые! Нет, ты только на них посмотри!

Варфоломей сжимал телефон в руках, а Ева бегала по маленькой венецианской площади за голубями.

Концепт фото был прекрасен: девушка в движении, развевающиеся волосы, блестящие глаза и разлетающиеся серые голуби — все это на фоне живописных особняков песочного цвета.

Но венецианские голуби не желают летать. Они лениво ходят, переваливаясь с боку на бок. Когда Ева бежала на голубиную стаю, они осуждающе смотрели на нее глазами-бусинками и степенно расступались. Потом сбивались в кучу и возмущенно курлыкали, словно обсуждая это досадное происшествие.

Ева смеялась, размахивала руками, топала ногами, но у этих голубей были принципы. Птицы упорно ковыляли прочь, не делая попыток расправить крылья.

Варфоломей смеялся вместе с Евой. Он попытался пробежаться сам, убеждая Еву, что «голуби должны его испугаться», но это были птицы без страха и упрека.

Ева сделала несколько снимков Варфоломея, он получился беззаботным и счастливым.

— Какие-то пешеходные голуби. Ладно, хватит, — сдалась Ева. — Как насчет мороженого?

— Же-ла-то. Здесь — же-ла-то, — певуче растягивая слоги, поправил Варфоломей.

Но перед этим они завернули в темный магазинчик, где продавались блокноты, перьевые ручки, чернила и печати из сургуча, а потом — в лавку с волшебным венецианским стеклом.

Совершенно необъяснимым образом они оказались на катерочке, катались по каналам и глазели по сторонам. Ева мысленно сопоставляла увиденное с прочитанным в Интернете.

— О! Смотри! — она вскинула ладонь, указывая вперед. — Видишь? Видишь ту белую башню?

— Да. Красиво.

Ева усмехнулась:

— Знаешь, что на ней аристократки сушили волосы?

Варфоломей оценил высоту башни:

— А что, другого места не нашлось? Зачем туда лезть? Это какая-то человеческая женская традиция?

— В стародавние времена, уж не помню когда (у меня всегда плохо с датами), в моде были волосы цвета золота. Короче, аристократки хотели стать блондинками.

— Какое странное желание, — сказал Варфоломей, прикидывая, как это: захотеть быть светловолосым в Аду. Добровольно.

— Актуально и сейчас. Но раньше было сложнее, приходилось отбеливать волосы конской мочой.

— Люди странные...

— Ага... И чтобы не смущать сограждан, красавицы забирались на башню и там сушили волосы под лучами солнца, чтобы лучше выгорели.

Варфоломей расхохотался так, что на них обернулись две английские туристки.

— Минутка бесполезных исторических фактов от Евы, — сказала Ева.

Так они провели вместе целый день. Разговаривали, ели, гуляли. Им было легко. Уже поздно вечером Варфоломей проводил Еву до ее отеля. Немного смущаясь, она расцеловала его в обе щеки на итальянский манер.

— Еще увидимся.

— Да, — уверенно подтвердил он.

— Чао.

— Чао.

Поднимаясь к номеру, Ева довольно улыбалась.

— И где же нас носила нечистая сила? — поинтересовалась Маринка, естественно, не подозревая, как близка к истине.

— Думаю, у меня было свидание, — ответила Ева.

— О... Хорошее?

— Очень. Ну, мне лично понравилось. Думаю, мы увидимся опять. И очень скоро, — убежденно сказала Ева. — Если не здесь, то дома. Представляешь, Варфоломей — мой сосед! В Москве мы живем не просто в одном доме, а в одном подъезде.

— Как интересно! А не хочешь ли поехать в Рим со мной и Анжело? У него будет выходной, так что можно...

Ева оценила отсутствие воодушевления в Маринкином голосе. Чувствовалось, что подруга мечтает получить отказ, чтобы с чистой совестью наслаждаться своим собственным итальянским приключением. Ева была нужна Маринке с Анжело, как собаке — пятая нога.

— Нет, думаю, лучше я еще посмотрю этот город. Венеция заслуживает, чтобы ей уделили время.

Маринка вздохнула с облегчением.

Обе остались довольны друг другом.

Глава 9

— Вот ты где? — Амадей выглядел помятым и злым. — Чем занимаешься, Варфоломей?

— Гуляю.

— Гуляет он... Ну, спасибо тебе. БОЛЬШОЕ.

Варфоломей посмотрел на Амадея.

— Я к нему с открытой душой, а он просто разворачивается и уходит в неизвестном направлении. Шарахается, не побоюсь этого слова, как черт от ладана!

— Извини.

Варфоломей не посчитал нужным оправдываться, да и раскаяния не испытывал.

Амадей устало потер глаза, потянулся и болезненно скривился, потирая спину.

— Уй-йя... — прошипел он.

— Что случилось?

— Вера со мной случилась. И в такой неподходящий момент... — Амадей покачал головой и прищурился. — А все из-за тебя, Варфоломей.

— Это каким же образом?

Варфоломей прокручивал в голове моменты, проведенные с Евой.

Амадей снова скривился:

— Ведьмочки очень расстроились, когда ты ушел. И я только собирался их утешить... оказать моральную помощь...

— Ага.

— Вот откуда в чертях этот цинизм? Вот что это за «ага», Варфоломей?

— Я слушаю... Так во что ты поверил?

— В очередной раз в русскую женщину. Ох, черт, как же больно! «Есть женщина в русских селениях... коня на скаку... пожар в избу...» И главное, какое чутье... Чертовы самолеты! Это прямо беда, что можно так быстро сюда добраться.

— Да что случилось-то, что за Вера?

— Сергеевна. Моя Вера Сергеевна. Не любит она других ведьм. В принципе. А если ведьма ближе, чем в ста метрах, так вообще нервной становится. Эмоциональная. Чертов темперамент в сочетании с тяжелыми предметами — это, я тебе скажу, не для слабаков.

Он снова охнул и продолжил. В голосе сквозили плохо скрываемая гордость и даже некоторое восхищение:

— Не знаю, как она чувствует. Только, понимаешь, подумаю сделать шаг влево, как она появляется. Колдовство какое-то. А сейчас еще этот чертов Интернет...

— Что не так с Интернетом?

— Билеты, каршеринг, «букинг. ком» — все в один клик. Не на метле же она в Италию прилетела?

Варфоломей кивнул, хотя совершенно не сочувствовал проблемам Амадея.

— Столько лет вместе, а все еще ревнует, — довольно сообщил Амадей.

— А ты?

— Что — я?

— Ревнуешь? — поинтересовался Варфоломей. Так просто, чтобы разговор поддержать.

Но реакция превзошла все ожидания.

— Ты на что намекаешь? Что моя Вера на кого-то другого смотрит? — В глазах Амадея взметнулось адское пламя, губа вздернулась, обнажая клык. — Это ты на что это намекаешь, а, Варфоломей?

— Воу-воу-воу... успокойся. Я просто так спросил.

— Спросил он! — огрызнулся Амадей. Его взгляд стал затравленным. — Какое сегодня число?

Варфоломей собирался ответить, но Амадей схватился за смартфон.

— Почему уведомление не пришло? Годовщина! Что дарить?!

Он резко развернулся на месте и исчез. Когда дымок развеялся, на земле осталась только маленькая кучка серы.

* * *

Маринка не поленилась встать ни свет ни заря, чтобы поехать с Анжелю в Рим. Ева же сделала вид, что спит. Когда Маринка покинула номер, она почувствовала себя совершенно свободной и счастливой. Мысли то и дело возвращались к новому знакомому. Ева как раз пила кофе в гордом одиночестве, думая, как они с Варфоломеем погуляют по Венеции, когда ее пронзило осознание, что они так и не обменялись телефонами или другими контактами.

Она попробовала найти Варфоломея на «Фейсбуке», поиск выдал

много всего, но на аватарках не было никого похожего.

— Синьора сегодня одна?

Официант убрал пустую тарелку с ее столика и приветливо улыбнулся.

— Да, — ответила Ева. — Похоже, одна.

День как-то сразу померк. Никто не любит, когда идеальные планы рушатся.

— Синьоре нужно сходить к церкви Санта-Мария деи Мираколи.

Английский звучал с сильным итальянским акцентом, и Ева не сразу уловила название места.

— Красивая церковь? — скорее из вежливости поинтересовалась она.

— Да, красивая, но там вокруг рынок с сокровищами. Старыми сокровищами. — Он пощелкал пальцами, пытаясь подобрать подходящее слово: — Всякие вещи.

Ева улыбнулась и поблагодарила, отдала пустую чашку.

— Ну что ж... посмотрим, какие там сокровища.

Официант отвлекся от своих прямых обязанностей и любезно показал на карте, где находится место.

— Вам понравится, синьора, — напутствовал он, лучезарно улыбаясь.

* * *

Чем дальше Ева находилась в Венеции, тем больше становился город. Он словно расширял свои границы, открывая все новые и новые грани. Каждый камень хранил какую-нибудь историю и требовал, чтобы ему уделили время. Поэтому к церкви Санта-Мария деи Мираколи Ева добиралась неприлично долго.

Рынок с сокровищами оказался блошиным. Здесь гулял дух веселого надувательства и азарта, и каждый мог почувствовать себя кладоискателем. Ева влилась в людской поток и принялась протискиваться между рядами.

С потускневших фотографий смотрели дамы в вычурных нарядах, поблескивали стразами дешевые брошки, груды пыльных фолиантов манили ценителей. Откровенное барахло соседствовало с настоящим антиквариатом. Ева залюбовалась каминным порталом с причудливой резьбой, потом принялась рассматривать свое отражение в старинном ручном зеркале.

— Лучше не смотреться в него долго.

Губы Евы дрогнули, улыбка появилась на ее лице раньше, чем глаза убедились, что рядом действительно стоит Варфоломей.

— Почему? — спросила Ева, отложив зеркало.

Сегодня Варфоломей был одет в черную рубашку-поло, легкие полотняные брюки. И, надо признать, выглядел весьма эффектно.

— Удивительно, что мы здесь встретились.

— Мы же договорились, — в свою очередь удивился Варфоломей.

— Так почему нельзя посмотреть в зеркало?

— В Аду говорят, что зеркала плохо влияют на человеческую душу, могут ее похитить. Но это все сказки. Гораздо неприятнее то, что на таких вот старых вещах, особенно с камнями, — Варфоломей показал на тусклые кристаллы, украшающие раму, — отлично держатся проклятия и обрывки заклинаний.

Он посмотрел на свое отражение и нахмурился. Вещица на самом деле хранила запас магии, и если в обычных зеркалах, чтобы рассмотреть свои рога, Варфоломею приходилось напрягать зрение, то в этом он видел их очень ясно.

— А ты не боишься, что с твоей душой что-то случится? — поинтересовалась Ева.

— Нет, — серьезно ответил черт.

— Значит, ты работал в Африке?

Варфоломей удивился причудливости женской логики.

— Почему в Африке?

— Ну, колдовство... Там же культы... вуду... — улыбнулась Ева.

— Ха! А знаешь, действительно, — черт развеселился. — Таких белых, как я, там не было. Так что да, как вы говорите, «черный континент».

Женщина, которая продавала зеркало, была похожа на цыганку. Видя заинтересованность потенциальных покупателей, сверкнула темными глазами и разразилась длинной тирадой на итальянском, помогая себе руками.

Варфоломей слушал и кивал. А Ева переминалась с ноги на ногу.

— Что она говорит?

Варфоломей что-то спросил на итальянском. В ответе женщины Ева различила одно знакомое слово: «Диабло». Варфоломей рассмеялся и увлек Еву прочь от лотка.

— До чего вы, люди, смешные. Она рассказала, что хозяйка этой штуки была колдуньей и пыталась вызвать демона. Вроде как даже успешно. Представляю: демон прямо все бросил и полез между мирами! Эти ребята за столько лет так научились изворачиваться...

Варфоломей прикусил язык, вспомнив, что магией в этом мире

пользуются очень мало и не стоит смущать Еву ненужными подробностями.

— Вещи с легендой продаются лучше. Ты так свободно рассуждаешь о демонах, как будто они и правда существуют.

Ева насторожилась. Африка — Африкой, но демоны... Это было чересчур. Она даже фантастику не особенно жаловала, так что подобного рода рассуждения вызывали у нее чувство неловкости.

— Ну... Я просто поставил себя на место демона. Полез бы я в этот мир, если бы кто-то зажег пару свечей, начертил на полу всякие знаки и вылил кровь черного петуха на зеркало? — вывернулся Варфоломей.

Ева засмеялась. С облегчением.

— Ого! Владелица зеркала, похоже, слишком хотела его продать и переборщила с легендой. Какие дикие подробности.

— Точно, — усмехнулся черт, радуясь, что Ева не понимает итальянски, потому что хозяйка зеркала не сообщила деталей ритуала по призыву потусторонних существей.

И тут Ева резко остановилась. Молния на ее сумочке была наполовину расстегнута.

— Вот черт! — Ева шарила в сумке рукой: кошелька не было. — Ворона! Кошелька нет. Нужно было внимательно смотреть по сторонам.

Любое столпотворение всегда привлекает карманников, и на блошином рынке они водятся в достаточном количестве. Пока взоры беззаботных туристов прикованы ко всяким блестящим мелочам, их кошельки так же блестяще вытягивают ловкие чужие пальцы.

Варфоломей расстроился.

— Точно пропал?

— Да, я всю сумку перерыла. Но ничего страшного. Там...

— Нет, — решительно перебил ее черт. — Как это — ничего страшного? Это был твой кошелек, в нем лежали твои деньги.

— Он был уже старым, и денег там...

— Мы должны его вернуть! — Варфоломей снова не дал Еве договорить. — Нет, ну до чего бессовестные существа! Больше ничего не пропало?

— Нет, остальное на месте. А паспорт я держу в сейфе отеля. Ладно, проехали и забыли. Да и где мы его найдем? Его никто не отдаст, а я не хочу тратить время на полицию. Оно того совершенно не стоит. Нервы дороже. И потом, говорю же, он был уже старым. Я даже подумывала его выбросить. А теперь есть повод купить новый.

— И выбросишь, — убежденно сказал Варфоломей. — Сама захочешь

— и выбросишь.

Кража почему-то сильно его задела. До самой глубины его бездушия.

Они с Евой вернулись к рынку. Вид у черта сделался хищным, он рыскал между рядами, как большой спаниель в поисках дичи, с той лишь разницей, что был совершенно не похож на спаниеля.

Ева едва поспевала за ним и слабо протестовала.

— Варфоломей, не нужно...

Варфоломей не то чтобы применил магию, чтобы вычислить воришек. Просто у чертей имеется особое чутье на всякого рода пакости, махинации, обман, манипуляции.

Он уверенно направился к троице молодых людей, которые лениво расположились прямо на камнях мостовой. Несмотря на расслабленность, выглядели молодцы неприятно. Один маленький, с очень темным лицом, о втором можно было бы сказать — откормленный (когда он отворачивался, на загривке собиралась жирная складка-валик), третий был довольно тощим, но с огромным несуразным носом. Сразу же вспоминались фильмы об итальянской мафии. Ева заволновалась и осталась стоять в некотором отдалении.

Варфоломей улыбнулся и обратился к парням на итальянском, при этом показывая на Еву. Те красноречиво разводили руками и пожимали плечами.

Не нужно владеть языком, чтобы догадаться, что парни все отрицали и утверждали, что «ни о каком кошельке слыхом не слыхивали». И «вообще, шел бы ты, мужик, своей дорогой и не мешал честным людям культурно отдыхать».

Варфоломей заулыбался, голос его стал вкрадчивым, почти ласковым.

Двое парней поднялись и окружили черта, но он, казалось, совершенно не обращал на это обстоятельство внимания. А у Евы похолодели кончики пальцев. Она прямо чувствовала, что вляпалась в неприятную историю.

Ей представилось, что эти аборигены сейчас нападут на Варфоломея и придется каким-то образом его спасать и везти в больницу. Все, что она могла сделать, — это запомнить, как они выглядят, чтобы потом нарисовать в полиции портреты. И Ева во все глаза наблюдала за происходящим.

В это время Варфоломей совершенно по-дружески положил ладонь на плечо маленького верткого парня с золотым зубом и заглянул в глаза воришке. Душонка у того была совсем маленькая, никчемная, сморщенная, какая-то недоразвитая, но самомнение раздувало ее и заставляло трепетать. Имелись здесь и амбиции, которые не давали покоя. Стыд давно

атрофировался, зато в избытке присутствовала сентиментальность, смешанная с человеческой жестокостью. Почему-то жестокость обычно принято называть «звериной», что довольно странно: животные не копят злобу.

— Кошелек нужно вернуть, — твердо сказал черт, а сам подумал: «Ну и зачем такая душа вообще нужна?»

Вор, которого звали Луиджи, облизнул враз пересохшие губы, глаза беспокойно забегали. Он начал усиленно потеть, а в голове беспорядочно заметались трусливые мыслишки о том, что этот белый мужик ничего не сможет сделать. Ведь не сможет же? И ничего не докажет. Тем более Тонио и Серджио рядом... А у Тони в кармане — острая и беспощадно опасная бритва.

Луиджи хотел огрызнуться и послать иностранца, но вместо этого рот выдал:

— Да, конечно. Мы же не какая-нибудь итальянская мафия. Мы нашли кошелек и как раз искали его владельца.

Варфоломей кивнул, показывая, что такая версия его вполне устраивает.

— Серджио, отдай кошелек. Как хорошо, что хозяева нашлись!

— Да, сегодня твой счастливый день! — сообщил черт и улыбнулся. Очень по-доброму.

Луиджи вздрогнул. Говорят, в минуту страшной опасности вся жизнь проносится перед глазами. У Луиджи ничего не пронеслось, он просто испытал самый сильный страх в своей жизни. Карманник балансировал на грани потери сознания, и в какой-то момент ему померещились рога с тремя аккуратными завитками. Правда, видение почти сразу же померкло.

Варфоломей придержал обмякшего Луиджи и перевел взгляд на второго вора. Серджио очень удивился, когда вместо того, чтобы ткнуть назойливого туриста кулаком под ребра, отдал кошелек, хотя и не собирался этого делать.

Тонио просто впал в ступор и не мог пошевелить даже пальцем.

Варфоломей взял кошелек и, не доверяя человеческой натуре, заглянул внутрь: там было пусто. Он обвел укоризненным взглядом парней и покачал головой:

— В кошельке должны быть деньги...

Потом, когда троица пыталась понять, что же произошло, все сошлись в одном: на них нашло умопомрачение. Они явно перегрелись на солнце. Или (что тоже возможно) столкнулись с гипнотизером на отдыхе.

Но для себя Луиджи твердо решил, что ему явился сам дьявол. По

какой-то причине дьявол не забрал его в Ад, и вор рассудил, что сказалась близость церкви Санта-Мария деи Мираколи. В честь чудесного спасения от вечных мук Луиджи даже собирался пожертвовать три тысячи евро на церковный сиротский приют и бросить свое ремесло.

Правда, минут через пятнадцать этот порыв прошел, и Луиджи ограничился тем, что подкинул нищему монетку в два евро.

* * *

— Нет, Варфоломей, я не понимаю, как ты это сделал. Это невозможно!

Ева продолжала вертеть в руках кошелек. При свете дня тот казался совершенно непрезентабельным: из него торчали нитки, кожа была покрыта потертостями и царапинами.

— Просто попросил, — скромно ответил Варфоломей, хотя и был доволен.

— Угу, — отозвалась Ева. — Я еще могу представить, что они отдали тебе кошелек. Он ценности не представляет. Но деньги?

— Возможно, в них проснулось то... что вы называете совестью.

— Всякое случается, — философски заметила Ева. — Только один момент: в кошельке было пятнадцать евро, а вернули почему-то пятьсот шестьдесят четыре.

Тут Варфоломей понял, что перестарался. Но если он и вынес что-то из отношений с Кайли, так это то, что обезоружить и отвлечь женщину от какой-то идеи довольно просто: нужно с ней категорически согласиться.

— Да, Ева, ты совершенно права, — сказал Варфоломей.

— Но я специально не ношу деньги в кошельке! Это первое, что крадут из сумки. Деньги и карточки у меня в потайном кармане.

— Очень разумно, — похвалил Варфоломей.

Ева коротко улыбнулась.

— Воры что — возместили мне моральный ущерб?

— Да.

— Варфоломей?

Ева остановилась и ухватила черта за руку.

Он не сдавался:

— Да?

— Ты что... Только что ограбил воров?

— Нет, я хотел, чтобы они вернули твои деньги, но так получилось.

У Варфоломея был такой обескураженный вид, что Ева рассмеялась, заразительно и искренне.

— Идем, — сказала она и взяла черта под руку. — Нас ждет Венеция, и мы с тобой немножечко богаты.

* * *

Ева с Варфоломеем стояли перед небольшим, внешне непримечательным колодцем. Они влились в группу французских туристов. Варфоломей наклонился к Еве и, приобняв ее за талию, переводил рассказ экскурсовода.

— В этот колодец бросилась венецианка. От большой, но несчастной любви, — он хмыкнул.

Ева кивнула. Она оперлась на Варфоломея: ей нравилось чувствовать близость его крепкого, сильного тела. Дыхание щекотало кожу, и если бы Еве вздумалось придвинуться к нему еще хоть на миллиметр, его губы коснулись бы ее уха.

Со стороны они выглядели как влюбленная парочка.

— Ее душа не нашла упокоения, и она стала призраком. Хм-м... В общем, считается, что, если в колодце пересыхает вода, виновата эта самая Белая Дама.

— М-м-м... — Еве ужасно нравилось стоять вот так. — Прямо волшебный город. Одна мистика кругом.

Варфоломей промолчал.

— А что было дальше? — спросила Ева.

Туристы шумной группой продолжили забег по достопримечательностям. Теперь можно было подойти поближе к колодцу, но Ева продолжала прижиматься к Варфоломею.

— Дальше звучало бредово, — сказал черт.

Ева легонько толкнула его в бок.

— Рассказывай. Мне же интересно. Ты, оказывается, еще и французский знаешь. А на скольких языках ты говоришь?

— На многих. Ладно, но эти ваши венецианцы придумали следующее: они выбирали самого красивого неженатого молодого человека, и...

— И того?.. Сбрасывали в колодец? — ужаснулась Ева. — Приносили беднягу в жертву?

Варфоломей не смог сдержать улыбку. Он всмотрелся в Евины глаза. В них зажглось любопытство, придавая радужке зеленый оттенок. Черт был

внимателен, поэтому заметил золотые крапинки вокруг зрачка. Оказывается, человеческие глаза могут быть такими красивыми...

Он перевел взгляд на ее губы, и в этот самый момент окончательно признался себе, почему разыскал Еву сегодня. Мысль в голове Варфоломея сформировалась, приобрела четкость и ясность: Ева была ему нужна. Вся. Целиком и полностью. Вот так просто. Он хотел ее тело, но не меньше хотел запасть ей в душу.

— Нет, — ответил Варфоломей. — Он всего лишь должен был проколоть палец, чтобы капля крови упала в колодец. После чего Дама возвращала воду.

— Красивая легенда. И капля крови — совсем не страшно. Я бы с удовольствием так платила нашим коммунальщикам. А что, вполне себе разумная плата за воду!

Ева подошла к колодцу. Варфоломей остался на месте.

— Ты же, Варфоломей, не женат? — голос Евы звучал отстраненно, как будто ее не очень-то интересовал ответ на этот вопрос. — А то, похоже, в колодце нет воды.

Ева вглядывалась в темную глубину, словно видела там что-то невероятно притягательное. Варфоломей же в этот момент откровенно рассматривал ее узкую спину и стройные ноги.

— Нет. Не довелось.

Еву очень обрадовал ответ, хотя четкого, далеко идущего плана у нее и не было. Пока. Тем не менее всегда лучше обладать такой информацией, чем не обладать. Убедиться не помешает. Мало ли...

* * *

Солнце клонилось к закату, но вечер еще не принес прохладу на венецианские улицы. Нагретые за день камни отдавали тепло, и легкий ветерок гнал жаркие волны, окутывая прохожих.

Ева подставляла лицо последним лучам и улыбалась. День получился насыщенным. Им с Варфоломеем удалось проникнуть во Дворец дожей и посмотреть картины. Ева поняла, что спутник весьма далек от живописи, но порадовалась, что он совершенно не скучал, а, наоборот, искренне интересовался. Некоторые полотна Варфоломей рассматривал прямо-таки с восторгом. Еве даже приходилось его оттаскивать.

У чертей тоже есть живопись. Но подходы и цели совершенно разные. Если люди пишут картины, чтобы запечатлеть какой-то момент, остановить

мгновение на века, то у чертей существует так называемая «скоростная живопись». Выполняется на самом завалившем листке бумаги, который только можно найти. Большим плюсом считается, если бумага покрыта пятнами. В идеале — салфетка.

Смысл в том, чтобы изобразить что-нибудь как можно быстрее. Но почему-то, как правило, получаются карикатуры. Наипошлейшие. Нет-нет... Просто чудовищные. Но это не главное. Нарисовав ТАКОЕ, художник-черт подстерегает какого-нибудь зазевавшегося беднягу и сует ему под нос (а точнее, под рыло) свое творение. Обычно несчастную жертву настолько шокирует уродливость рисунка, что она теряет дар речи. Самым стойким удастся выдать из себя «М-м-м...» или «Агрх...». После чего художник самостоятельно испепеляет картинку, рискуя получить по шее, если сделает это недостаточно быстро. Ну и, конечно, важно быстро унести копыта.

Поэтому когда Ева предложила посмотреть картины, можно представить себе удивление Варфоломея. Он с содроганием представил себе собрание чертовых картин, а узнав, что люди добровольно платят за вход двадцать евро, чуть не потерял веру в благоразумие человечества. Поскольку Варфоломей очень серьезно отнесся к истории своего нового мира, он согласился пойти в музей, хотя и с некоторой опаской.

Конечно, все оказалось не так страшно. Глядя на картины, Варфоломей пришел к выводу, что люди проявляли большую изобретательность в одежде. Также черт искренне порадовался, что попал в весьма удобный и практичный век. Даже фрак, который ему пришлось примерить для похода в оперу, на фоне волнистых воротников и «колготок» выглядел вполне ничего.

Некоторые модные веяния Варфоломей находил странными и необъяснимыми с позиций чертовой логики. Проходя мимо череды портретов, он развлекался тем, что представлял вместо людей... чертей. А ведь Амадей довольно давно топчет эту землю! Значит, ему волей-неволей пришлось примерить «некоторые луки».

Варфоломей вообразил нескольких знакомых чертей в мантиях, шелках и бархате, с надменным выражением выставивших рога. Зрелище получилось исключительным. Поэтому по дворцу он ходил со сдержанной улыбкой, что придавало его лицу одухотворенное выражение. Со стороны казалось, что этот турист проникся искусством на все двести процентов.

К счастью, Ева не стала пытаться объять необъятное и обходить весь Дворец дождей. Она уже побывала здесь с Маринкой, пронесшейся метеором по всем залам. Теперь Ева смотрела избирательно. Спокойно. Это

было весьма мудро, потому что «хождение до тошноты» убивает тягу к прекрасному. Да и желание посещать музеи в дальнейшем губит на корню. Так что Варфоломею повезло. Его первый опыт оказался весьма успешным.

Теперь Ева шла рядом с Варфоломеем, стараясь разобраться в своих ощущениях. Оба молчали, и тишина была на удивление комфортной и приятной.

Ева украдкой посмотрела на Варфоломея и натолкнулась на такой же изучающий взгляд. Оба внезапно уподобились охотникам, которые скрытно наблюдают и подмечают повадки намеченной дичи.

Варфоломей тут же сделал глоток из бумажного стаканчика. Горло вздрогнуло, пропуская горячий кофе. Ева машинально сглотнула.

— Хочешь? — спросил черт.

— Хочу.

Она сама удивилась тому, как прозвучал голос. В одном коротком слове крылся соблазн.

Варфоломей поднес к ее лицу стаканчик, чуть наклонил, а она обхватила пальцами его запястье. Ева сделала глоток и совершенно не почувствовала вкуса, зато губы начали гореть, словно от поцелуев.

Ева испытывала совершенно особый голод, не имеющий отношения к гастрономии. Хотелось насытиться любовью, и это было превыше нее.

— У тебя тут... — Варфоломей показал на свою верхнюю губу, — пенка...

Ева провела рукой.

— Все?

— Нет, сейчас...

Он коснулся ее щеки, потом обвел контур губ большим пальцем. Это было очень интимное прикосновение, в котором скрывалось обещание будущих ласк. Ева даже ненадолго задержала дыхание.

— Вот теперь все, — сказал Варфоломей.

Еще вчера Ева с уверенностью сказала бы, что не верит в возможность такого стремительного притяжения. Ее отношения никогда не начинались со страсти. Тем более со столь откровенной. Скорее — с легкого интереса или приязни. Отношения развивались медленно и поступательно, а постель всегда становилась неким логичным шагом. Необходимым элементом конструктора под названием «роман». В этой идеальной схеме не было места спонтанности и порыву.

Сейчас же у нее даже немного кружилась голова. Ее буквально раздирали противоречия. Желания были совершенно однозначны. Но... Разве можно начинать курортный роман с соседом? Это же полный абсурд!

И дался же ей тот факт, что Варфоломей жил с ней в одном подъезде?

«А если мы потом столкнемся в Москве... А это обязательно произойдет... Могут ли отношения начинаться с постели... Пятьдесят доводов за и пятьдесят доводов против... А если он подумает обо мне, что я... Можно ли идти на поводу у своих желаний? Что ты вообще о нем знаешь?..»

Слишком много мыслей. Слишком много эмоций. И ни одного однозначно правильного ответа.

Варфоломей прекрасно чувствовал состояние Евы, а главное — ее желание. Он не умел читать мысли, поэтому не понимал причин столь ожесточенной внутренней борьбы. Демоницы лишены сомнений и терзаний. Они всегда знают, чего хотят, а терзать предпочитают кого-нибудь другого.

Варфоломей аккуратно, но уверенно взял Еву за руку. На нужном повороте они ускорили шаг, повернув в сторону Евиного отеля.

От Варфоломея исходила опасная притягательная сила, которой было невозможно противостоять. Для Евы он стал искушением, а самый разумный способ побороть искушение, как известно, поддаться ему. Вот почему, когда они оказались под вывеской с плохо нарисованной голубкой, Ева сказала:

— Не хочешь кофе? У меня...

— Нет, — ответил Варфоломей, — кофе никто из нас не хочет.

На ресепшене никого не было.

Они чинно и неторопливо поднялись по лестнице. Ева открыла дверь и практически сразу же оказалась в крепких объятиях Варфоломея. Их губы соприкоснулись. Ева закрыла глаза, и...

— А вот и я! Ева, Рим был... прекрасен! Ой, я помешала?

Маринка с шумом ворвалась в номер, к счастью, без своего Анжело. Она остановилась, сканируя обстановку. Вне всякого сомнения, Маринка успела поймать момент, когда Ева и Варфоломей отшатнулись друг от друга. Появись она немного позже...

— Мне пора, — сказал Варфоломей.

— Да, наверное. Увидимся.

Под пристальным взглядом Маринки Ева и Варфоломей почему-то пожали друг другу руки. Он держал ее ладонь чуть дольше, чем нужно, словно хотел взять и увести Еву с собой.

Варфоломей обошел Маринку и покинул номер. Хвост недовольно метнулся в сторону, но, к счастью, не попал в дверной косяк, иначе черту стало бы еще более неприятно.

— Одобряю, — сообщила Маринка, когда шаги на лестнице стихли.

Она достала смартфон и посмотрела на часы.

— Надо начинать собираться.

Ева непонимающе посмотрела на подругу.

— Ты что, забыла, что мы завтра уезжаем?

— Совершенно. Мне нужно...

Она почти выбежала из номера, но в лобби Варфоломея не оказалась. Ева вышла на улицу и опешила: все снова заволочло туманом.

— Какие-то чертовы унесенные ветром, — пробормотала она. — Но что делать? Подумаю об этом завтра.

И тут Ева поняла, что у нее опять не осталось телефона Варфоломея.

Глава 10

На следующий день после расставания с Евой Варфоломей проснулся, посмотрел в окно и сразу почувствовал, что мир изменился. Нет, вид за окном не имел к этому ощущению никакого отношения. Там все так же стояли венецианские особнячки, светилось небо такой же невероятной голубизны, а море все так же плескалось и разбегалось стремительными волнами, когда по его глади скользили вапоретто.

Варфоломей натолкнулся на удивленные взгляды туристок, которые стремительно пронеслись на катерочке, и вспомнил, что лучше все-таки одеться. Натягивая штаны, черт ощущал пустоту и некоторую незавершенность. Проще говоря, он был в растрепанных чувствах.

Едва проглотив маленький шот эспрессо (горячего, черного и крепкого, как самое адское пекло), он отправился к Евиному отелю. Естественно, немедленно обнаружилось, что «обе синьоры уехали в аэропорт». Парень на ресепшене зачем-то уточнил, что они «улетели в Москву, а там наверняка очень холодно». Он даже энергично потер локти, стараясь продемонстрировать насколько.

Варфоломей не оценил актерские способности, но, глядя на эту неуклюжую пантомиму, понял, что давно не видел Амадея. И вообще: нужно же как-то возвращаться?

В телефоне раздались протяжные гудки. Амадей не отвечал. Тогда Варфоломей нашел вай-фай и попробовал найти билет на самолет в Москву.

Но если с людьми можно включить чертовское обаяние, чертово внушение, немного колдовства — все то, что помогло черту без загранпаспорта преодолеть две границы, — то с электронным разумом это не работало. На сайте каждой авиакомпании требовалось ввести номер паспорта. Холодный зависающий электронный разум был непреклонен. «Введите паспортные данные пассажира», — повторялось на всех языках.

Варфоломей уже подумывал связаться с Амадеем с помощью одного нехорошего ритуала, когда его телефон ожил и завибрировал.

— Звонил, Варфоломей? Привет, — раздался в трубке бодрый голос Амадея. — Как дела?

— Нормально. Я тут, в Венеции...

— Ох... вот черт! — выругался Амадей. — Точно. Ты в Венеции.

Воцарилась неловкая пауза. Варфоломей решил подтолкнуть разговор

в нужное ему русло.

— Неплохо было бы вернуться в Москву...

— Эм-м... да, конечно. Не то чтобы я забыл, а просто закрутился. Знаешь, как оно бывает? Продержишься еще пару деньков? Мне тут нужно одно дельце...

— Угу.

— Я тебе перезвоню. Ты... в общем... ну... увидимся.

Амадей скомканно закончил разговор и быстро отключился.

Варфоломей остался предоставлен самому себе. Он слонялся по городу без всякой определенной цели, прислушивался к разговорам и в итоге с ним произошло то, что происходит со всеми туристами. Варфоломей зверски захотел есть. Без всякой задней мысли он завернул в первый попавшийся ресторанчик, сел за столик...

К нему подошел демон и спокойно положил меню. Варфоломей уставился на демона, как... Пусть сравнение не блещет оригинальностью, зато точно: как баран на новые ворота. Демон кивнул и неспешно удалился за барную стойку, где принялся с усердием протирать стаканы.

Варфоломей машинально открыл меню, но продолжал смотреть на демона. А тот закончил с бокалом, взял с полки пузатую бутылку и плеснул рубинового вина. Так же неторопливо он вернулся к столику Варфоломея.

— От заведения, — сказал демон и поставил вино.

Варфоломей кивнул.

— Кстати, — продолжил демон, — очень рекомендую во-от эту штучку.

Он быстро пролистал меню, из подушечки его указательного пальца показался длинный загнутый коготь, которым он постучал по нужной строчке.

— Это прямо белиссимо. Я сейчас.

Демон ненадолго оставил Варфоломея. Встретил и проводил к свободному столику пару пожилых немцев, быстро принес несколько заказов с кухни, перекинулся парой шуток с компанией французов и снова оказался перед Варфоломеем, чтобы как ни в чем не бывало продолжить разговор.

— Нечасто тут чертей встретишь. Сам откуда?

— Из Ада.

— Это понятно! Я про страну, в которой ты устроился. Сразу видно, что иностранец. В смысле — не из Италии.

— В России. Из Москвы.

— Традиционно.

— А ты что здесь делаешь? Из какого мира?

Демон метнулся к стойке, принес себе бокал вина и расположился напротив.

— Болтаю с посетителями, помогаю определиться с блюдами... Еще и кормят бесплатно, а кухня тут бесподобная. Шикарная работа. Я Александр.

Варфоломей тоже представился. Потусторонние сущности пожали руки. Черт удивился, что демон назвал имя, но проигнорировал вопрос о собственном мире.

Александр оказался демоном разговорчивым. Не прерывая дружеской беседы с Варфоломеем, он кружил по залу и разносил заказы. А еще постоянно бросал странные взгляды на рога Варфоломея, пока тот с аппетитом ел что-то умопомрачительно тушенное в невероятнейшем соусе.

Убедившись, что посетители заняты своими тарелками, Александр взял еще бокал вина:

— Послушай, Варфоломей, можно задать тебе... эм... вопрос?

Варфоломей кивнул.

— Твои рога... Я вижу, они скрыты магией от людей. А нельзя ли сделать так, чтобы человечки могли их видеть?

Варфоломей удивленно поднял бровь, а демон вздохнул.

— Просто есть очень хорошая возможность твоими рогами подзаработать...

Предложение черта озадачило, а так как времени у него был вагон, разузнать, что к чему, показалось нелишним.

В ожидании ответа Александр напрягся и слегка занервничал.

— Ты извини, что я вот так? Просто сущность с рогами не часто встретишь, а дело верное.

— И что надо делать рогами?

— Нет, рогами ничего. Они просто должны быть.

Александр набрал в грудь побольше воздуха:

— Нужно поработать демоном по вызову.

Варфоломей поперхнулся. Демон быстро отодвинулся.

— Послушай, не спеши отказываться. Я все объясню.

Варфоломей раздумывал, как далеко следует послать демона, но, видимо, соус обладал волшебным умиротворяющим действием, поэтому черт решил посмотреть, что же последует дальше.

— Это как?

Почувствовав, что в ближайшее время морду ему бить не собираются, Александр придвинулся ближе и положил локти на стол.

— Все благодаря Дэну Брауну, — шепотом начал демон. — Он до того популяризировал всякие тайные общества, что их развелось видимо-невидимо. Адова бездна.

— Ну-ну... — голос Варфоломея звучал слишком уж спокойно.

— Так ты, похоже, не знаешь, кто такой Дэн Браун? — проницательно спросил демон и попытался натолкнуть Варфоломея на мысль: — «Ангелы и демоны» не читал? Ну хотя бы кино? «Код да Винчи» тоже неплох...

Не найдя в лице Варфоломея признаков узнавания, добавил:

— Эх, жаль, но неважно. Короче говоря, сейчас повылезала куча всяких мистиков, оккультистов, ну и всяких таких товарищей. Есть ребята серьезные, но в основном так... — Александр махнул когтистой рукой. — Некоторые занимаются тем, что вызывают демонов, чтоб нам поклоняться. Энергии тратят... кучу. Понимаешь, бери эту самую энергию и голыми руками загребай...

— Поклоняться демонам? — От такой абсурдной мысли Варфоломей расхохотался, но увидел, насколько серьезным стал демон, и спросил: — Ты не шутишь?

— Какой там. Есть два подхода. Одни, значит, поклоняются и считают, что, если нас, демонов, умилостивить, мы будем исполнять их жалкие желания.

Варфоломей даже перешел на исконный чертовский диалект.

— Удивительно! — воскликнул он на чертовом. — И что — исполняете?

— Нет, конечно, — ответил демон, выразительно фыркнув.

— А чего люди желают?

— Ой, скукота. Одно и то же. В первой тройке — власть, деньги, вечная молодость. Вот никак не возьму в толк, отчего каждый пятый, вызывающий демона, хочет быть властелином мира?

Варфоломей пожал плечами, но вопрос был риторический, и Александр бодро продолжил:

— Так... И второй подход. Эти ставят всякие ловушки, стараясь нас запугать и подчинить, чтобы мы (опять же!) исполняли всякие желания.

— Это более неприятно. И чего желают?

— Да того же самого. Не сказал бы, что неприятно. Начертят мелом на полу какую-то чертовню... без обид... бормочут что-то невнятное, покачиваются в балахонах... Ничего, что представляло бы реальную опасность. Но мне первые тоже больше нравятся. Подход, что ли, душевный какой? Я вот не люблю, когда на меня кричат: «Склонись передо мной, демон, служи мне!» Раздражает. Даже аллергия начинается. Я по

этому поводу даже к гомеопату обращался. Кстати, выписали очень хорошие крупинки.

Разговор грозил свернуть совсем не в ту степь. Гомеопатические крупинки Варфоломея не интересовали.

— Так зачем тебе нужны мои рога?

— Такой момент... Люди, они ж не видят магии, пока носом в нее не ткнешь. Они, тварюшки, такие упертые, что видят только то, что хотят. И тут хоть стой, хоть падай. А я, понимаешь ли, не вписываюсь в их представление о демонах. Проводя сложный и трудоемкий ритуал, они ожидают, что демон обязательно будет рогат, по возможности — мохнат, с хвостом... — Тут Александр осекся и, стесняясь, продолжил: — Желательно являться в мантии и языках пламени.

— Мантия же загорится! — проницательно заметил Варфоломей.

— Чужое горе никого не трогает. Все дело в завышенных ожиданиях. Некоторые вообще верят, что голова должна быть козлиной. Ну, это совсем чудачки. И тут, представь, являюсь я... Что им аура, что им демоническая сила? Этим людям даже когтей мало!

Демон быстро выпустил впечатляющие когти. Кончики вонзились в стол и оставили десять маленьких точек.

— Они во мне видят обычного человека, — продолжал сокрушаться Александр.

— Да, грустно, — сказал Варфоломей.

— А энергии хочется. Свеженькой, чистой... м-м-м...

Помолчали. Александр снял фартук и аккуратно повесил его на спинку стула.

— Да, непросто... — посочувствовал Варфоломей.

— Угу, — откликнулся демон. В его глазах зажглась надежда. — Так что ты думаешь? Энергию поделим пополам.

Он задумался и уточнил:

— Семьдесят на тридцать. Мне семьдесят, тебе — тридцать процентов.

Варфоломей присвистнул. Не то чтобы он серьезно рассматривал предложение Александра, но демоническая деловая хватка вызывала... уважение.

— Но рога-то у меня, — напомнил черт.

— Да, но тащить на ритуал тебя буду я? Всю работу по прохождению кругов — я, — демон принялся загибать пальцы, — разрыв пространства и времени — снова я.

Черт покачал головой.

— Торгуешься! Это хорошо! — в голосе Александра послышалось уважение. — Как тебе шестьдесят на сорок? А?

— Кстати, каким образом собираешься высчитывать процент энергии? — спросил Варфоломей.

— Как обычно, — последовал лаконичный ответ. — Чуть не забыл! Эти... которые нам поклоняются... они всякие бонусы обязательно предоставляют. Типа задабривают.

— Бонусы?

— Или приветственный набор. Обычно входят: черная кошка, девственница, уродливая чашка и кривой ножик. Готов все это тебе отдать.

Неизвестно, как далеко мог зайти разговор, если бы в ресторан не влетела Вера Сергеевна собственной персоной. Она стремительно направилась к столику, который занимали черт и демон. Полы черного кардигана развевались подобно крыльям. Волосы не были собраны в гладкую прическу, наоборот, имели дикий вид, щеки гневно пылали, а глаза... метали молнии.

— Где этот проклятый черт?!

— Вера? Вера Сергеевна? — Варфоломей не ожидал такого явления.

— ДА! Варфоломей, скажи мне, где Амадейка?

— Понятия не имею, — честно ответил Варфоломей. — Он исчез вообще-то.

— Ох, как же я зла! Нет... я не зла. Я просто в бешенстве. Как же он меня бесит!

Александр беззастенчиво прислушивался к разговору, от чего у него даже слегка заострились уши.

— Исчезни, демон! — властно приказала Вера.

— Может, кофе принести? — поинтересовался Александр, вспомнив о своих профессиональных обязанностях официанта, но с места не двинулся.

— Кофе не надо. Я уже выпила сегодня четыре чашки. Ох, сердце болит...

— Как вы меня нашли? — Варфоломей был потрясен. — Это какая-то человеческая магия?

— Ой, — отмахнулась ведьма. — Через приложение «Мои друзья».

Варфоломей удивленно уставился в экран своего телефона.

Вера ткнула пальцем:

— Вот, где человечки за руки держатся. Я тебя добавила и теперь могу видеть, где ты находишься. Так, на всякий случай. Чертов черт Амадейка свой телефон выключил...

Демон и черт удивленно переглянулись.

Вера потихоньку остывала.

— Я бы выпила чаю. Вот уйду от него... будет знать.

Она расправила складку на блузке.

— Эм-м, — многозначительно сказал Варфоломей.

— В Москву, что ли, теперь ехать... Или еще здесь побыть? — вслух размышляла Вера.

Казалось, она так глубоко погрузилась в свои мысли, что не замечала ничего вокруг.

— В Москву я бы вернуться не отказался, — сказал Варфоломей. — Только у меня паспорта нет, и я не могу купить билеты.

— Это не проблема, — отмахнулась Вера. — Решим в два счета.

— А как же ритуал? — подал голос демон. — Сорок три процента, — искушающим шепотом добавил он.

— Извини, в другой раз. С детства ритуалы не люблю. Так что придется тебе без рогов выкручиваться.

Варфоломей взял под руку Веру Сергеевну.

— В Москву, в Москву, — сказал он, не осознавая, что почти цитирует классика русской литературы.

* * *

На следующий день после расставания с Варфоломеем Ева вернулась в Москву. Она распрощалась с Мариной в аэропорту, и девушки разлетелись в стороны, как две птицы. Обе горячо и фальшиво обещали друг другу «звонить и писать» и «обязательно выбраться в какую-нибудь теплую страну поваляться на пляже».

После солнечной Италии все краски казались тусклыми, словно кто-то выключил яркость. Путешествие оставило в душе Евы ощущение незавершенности и ожидания перемен. Говоря проще, она была в растрепанных чувствах.

Перед тем как войти в подъезд, Ева замерла и огляделась. На какую-то секунду ей показалось, что Варфоломей тоже вернулся. И вот прямо сейчас появится. Подойдет к ней, коснется руки, и...

Естественно, никакого «и» не последовало. Ева стряхнула с себя это маленькое наваждение, на время отложив мысли о новом знакомом.

Выход из отпуска получился резким, как прыжок в прорубь. Москва требовала включиться в привычный ритм: немедленно раздались звонки, неотвеченные письма и уведомления в мессенджерах заявляли о себе

красными трехзначными цифрами.

Пришлось срочно, практически не распаковав чемодан, рисовать иллюстрации для журнала. Задача была несложной, к тому же редакция неожиданно расщедрилась на предоплату, что было вдвойне приятно.

Так что Ева с головой ушла в работу.

* * *

Вера Сергеевна и Варфоломей сидели в самолете, ожидая взлета.

— Да, сюда вы-с Амадейкой не так летели, — в голосе ведьмы слышалось злорадство.

Варфоломей промолчал. Отличие частного самолета от экономкласса было столь разительно, что он не видел смысла это обсуждать.

— Позвони ему еще раз, — попросила Вера.

Черт нажал кнопку вызова, но телефон абонента был выключен. Он покачал головой:

— И часто он так пропадает?

— Нет, — Вера задумалась. — Обычно я знаю, где его носит.

По проходу прошла стюардесса, проверяя, пристегнуты ли пассажиры и подняты ли все шторки иллюминаторов.

— Ладно, скоро я все выясню.

Голос Веры прозвучал так резко и угрожающе, что стюардесса обернулась.

Варфоломей поерзал в кресле, пытаясь поудобнее устроить ноги. Получилось не слишком хорошо. Он посмотрел на Веру. Та сидела, сжав подлокотники своего кресла. Между бровями залегла глубокая складка.

— А как вы встретились? — спросил Варфоломей.

— М-м-м... — отозвалась она.

А потом повернулась к своему соседу, который смотрел в иллюминатор, и тихо, но твердо приказала:

— Спи!

Голова мужчины свесилась на грудь. Он глубоко вздохнул и послушно засопел.

— Ни к чему нам случайные слушатели. Все равно лететь скучно, почему бы и не рассказать? Тем более никакого секрета в этом нет.

Вера придвинулась к Варфоломею, их локти соприкоснулись.

— Русь — не Европа какая-нибудь. У нас всегда было много ведьм, и мы пользовались уважением... Ну, почти всегда. Случись что у человека:

занедужил или, там, зависть заела, хочет соседскую скотину попортить, к кому бежать? К ведьме, конечно. Или муж бывает ревнив... Кто поможет смягчить крутой нрав? Снова ведьма. Я в себе с детства этот талант чувствовала, и глаз у меня знаешь какой был? Ух! Берегись.

Вера улыбнулась воспоминаниям и продолжила:

— Жила я себе, горя не знала. Бывало, иду, а мне бабы гостинчик суют: маслице свеженькое или пирог какой. Отвары я им разные готовила. Ну, всякое, конечно, бывало, но совсем темного я не делала. Но как-то приехал к нам в деревню один... Мужик видный, но злой шибко. Лютость в нем была нехорошая. Глаз на меня положил, проходу не давал. Попробовала я отворот на него сделать. Не помогло, еще хуже стало. Ходил и ходил, окаянный. И все повторял, что его буду. И тут вдруг, как назло, двое ребятишек пропали. Сгинули в лесу, как не бывало. И поползли по деревне слухи, что, мол, я их извела. Тут уж ничего не поделаешь, народ доверчивый, впечатлительный. В общем, вломились ко мне в избу. ЭТОТ во главе. Связали веревками крепко. Он меня за косу выволок и шепчет на ухо: «Ну что, ведьма, теперь все по-моему будет». А народ вокруг шумит, ярится: «Ведьма! Ведьма!» Ну и, само собой, предложения разные. Сжечь, утопить, на костер, в колодец... А этот гад только ухмыляется: «Одно твоё слово, ведьма, и все закончится». Я молодая была и глупая. В смысле, принципиальная. «Нет, — говорю ему, — не бывать этому». Да и странная надежда у меня была, что люди в себя придут. Для той деревни я много хорошего сделала. Но куда там. Как обезумели. Все темное, что в них было, поднялось. Крови им хотелось. И уже забыли про деток пропавших, лишь бы кого-то обвинить. И этот, конечно, подсуетился. Придумал, значит, что сейчас ведьму сжигать нельзя. В тот год и правда лето засушливое было. Разумная мысль, между прочим... Он сказал, что и в колодце меня топить не следует. Вода паршивой станет.

Вера улыбнулась:

— Вздумай они меня в колодец, Варфоломей, я бы точно его отравила. А ЭТОТ говорит: «Я ведьму сам утоплю, чтобы она никого проклясть не успела перед кончиной». И такую речь убедительную завернул, я аж заслушалась. Было в нем что-то странное. Это я гораздо позже поняла. Может, он сам колдовством баловался. Не знаю. Как бы там ни было, потащил он меня в чащу, к омуту нехорошему и глубокому. Забегая вперед, скажу, что люди все-таки глупость сделали. Надо было им энергию куда-то девать. А как ведьму топят, посмотреть не удалось. Мой домишко подожгли. Нашлись умы светлые, но недалекие, скверну они так изводили. Так вот деревня и сгорела. Потом молва пошла, что я их всех прокляла.

Знаешь, я чего не люблю? Вот сделаешь какое-нибудь сложное и темное колдовство — никто не заметит. Все на природу спишут. А когда палец о палец не ударишь, и, так сказать, ни сном ни духом, так бегают вокруг и кричат: «Ведьма! Ведьма!»

Вера принялась:

— О! Скоро обед будет. Я почему-то очень люблю еду в самолете. Не знаю даже почему. Вроде и невкусно, но мне нравится.

Действительно, показались тележки.

— Что для вас? Рыба с рисом или курица с макаронами?

Стюардессы попытались разбудить мужчину у иллюминатора.

— Ой, он до Москвы точно не проснется, — сказала Вера.

Словно в подтверждение ее слов мужчина громко всхрапнул.

Варфоломей и Вера выбрали курицу. Черт вяло ковырял белесые комочки в соусе. Еда почти не имела вкуса.

— На чем я там остановилась... А!

Вера продолжила:

— Так вот. Притащил он меня к омуту. Ну, понятное дело, сразу топить не собирался. Но я ему в бороду зубами вцепилась и рванула со всей злостью. Клок хороший... Красоту мужскую основательно испортила. Он рассвирепел, разъярился, схватил. Я кричу, кусаюсь: «Чтоб тебя черти взяли!» И тут прямо из омута выходит голый Амадейка. Отфыркивается: «Это кто ж сюда-то портал... Здравствуйте, люди добрые». Ну и что ты думаешь? Этот не растерялся, взял меня и в черта кинул, а сам нож достал. Мы с Амадеем в омут упали. На мне еще путы. Так бы и утопла, но Амадей вытащил. Я пришла в себя, а меня сам черт по щекам хлопает. Смотрю я, а ЭТОТ лежит, и нож его у него же в сердце торчит. Вот так. Ну, тут я села, черта оценила и говорю ему: мол, все, раз ты меня спас, я теперь с тобой останусь. А ведьмы слов на ветер не бросают. Осталась.

Глава 11

Через знакомых до Евы дошли сведения, что ее кроликов всюду эксплуатируют. Пришлось разбираться с этой неприятной ситуацией, поэтому вместо того, чтобы ехать за Григорием, Ева поехала на встречу с режиссером.

Режиссер Арсений измучил еще двух художников, но в итоге остановил выбор на Евиных иллюстрациях. Как это часто бывает, художника норовит обидеть каждый. Задумав Еве попросту не платить, Арсений провернул «кроличью подставу».

Решение было простым, как все гениальное. Режиссер привлек какого-то студента, который изменил Евиных кроликов до неузнаваемости (кстати, студенту тоже не заплатили). У Арсения имелось много недостатков, но он был человеком последовательным, и раз уж собрался не заплатить одному художнику, своих принципов придерживался до конца.

Так вот, студент «дорабатывал» кроликов. Чуть поменял форму ушей, чуть округлил глаза, удлинил лапы... Персонаж лучше не стал. При взгляде на кролика возникало стойкое ощущение, что зверек перенес тяжелую нехорошую болезнь и хочет, чтобы его избавили от мучений. В нем все еще угадывалась тень первоначального Евиного замысла, но... когда она увидела ЭТО, ужасно расстроилась.

Ева устроила жуткий скандал. Для порядка угрожала отправиться в суд, хотя понимала, что сие утопия. К сожалению, это понимал и Арсений.

— Очень хорошо, — холодно сказал он, — обращайтесь в суд.

Далее последовало: «Так мог нарисовать кто угодно», «Ничего уникального», «Посредственно».

Каждый режиссер по природе своей манипулятор. Важная часть профессии — это умение вдохновлять людей, но вместе с ним бонусом идет навык втоптывать в грязь, отнимать радость, лишать моральных сил. Арсений подошел к задаче основательно.

Ева поняла, что проиграла. Кража работы и обесценивание ее труда с ней уже случались. Но отступила Ева с «поля битвы» красиво. Просто поднялась в середине тирады. Элегантно послала Арсения и его проект по известному адресу и ушла. Она не собиралась держать в себе обиду, но иногда чувствуешь себя слабой.

Ева сжала зубы от отчаяния и боли. Бывают дни, когда все складывается. Пробки в десять баллов, такси вызвать совершенно

нереально, город стоит, машины истерически сигналият, МЧС объявило очередное штормовое предупреждение... И надо же было именно сегодня надеть туфли! Да, те самые, которые она достала перед отъездом в Италию!

Утром, когда Ева собиралась на встречу, это казалось хорошей идеей. Когда она ходила в них по квартире, туфли обещали удобство. Но все врут. Даже обувь. И теперь стопы горели адским пламенем, пальцы болели, а на пятках была сорвана кожа. Теперь-то она вспомнила, почему убрала их подальше.

Шаг. Еще шаг.

Ева мечтала вернуться домой и дать волю слезам. Она представила, как входит в свою до ужаса пустую квартиру и заваливается на кровать, а потом решила, что сделает крепкого чая, зажжет свечи и накроется пледом с головой. Сегодня она будет отчаянно жалеть себя в гордом одиночестве.

Дождь хлынул бурным потоком, словно кто-то сверху повернул пожарный вентиль. И надо же было так сложиться, что до дома оставалось каких-то несчастных триста метров! Ева сжала губы и упрямо двинулась к цели со скоростью старой одноногой черепахи.

Каждый шаг был мукой. Ева скорректировала план. Как только она доберется до дома и обретет способность нормально передвигаться, туфли отправятся жить в подъезд. Пусть ищут себе другую хозяйку!

— Гуляете?

— У тебя привычка возникать из ниоткуда, Варфоломей? — почти огрызнулась Ева.

Она остановилась, чтобы перевести дух.

— Почему из ниоткуда? Я недавно прилетел из Венеции.

— Ага...

Ева кивнула и натянуто улыбнулась.

— Эта вода с неба — довольно неприятное явление...

Варфоломей не подозревал о страданиях Евы, ему просто хотелось с ней поговорить.

— Да... — Ева сделала шаг, каблук подломился, — неприятно. Ой...

— Ты идешь как-то странно, — проявил мужскую наблюдательность Варфоломей.

Ева скрипнула зубами:

— Я очень натерла ноги, выкину эти туфли к чертям собачьим.

Варфоломей усмехнулся.

— Не думаю, что чертам нужны твои туфли. Помочь?

— Мне поможет только одно... Когда я доковыляю до дома и сниму это.

Ева никак не ожидала, что Варфоломей шагнет к ней и поднимет на руки. Даже вскрикнула и в первую секунду попыталась вырваться. Варфоломей удержал ее и быстро пошел к подъезду.

— Я не уроню.

Ева устроилась поудобнее и обхватила его за шею. Варфоломею было приятно держать Еву. Он чувствовал, что она слегка дрожит, и ему немедленно захотелось избавить ее от мокрого платья и согреть.

— Спасибо, — сказала Ева, не зная, что еще добавить.

Она не привыкла к тому, чтобы ее носили на руках, и такая забота ее просто ошеломила.

Варфоломей занес Еву в подъезд. Продолжая удерживать, попросил:

— Нажмешь кнопку?

Ева вызвала лифт.

— С доставкой до дверей квартиры? — поинтересовалась она.

— Ага, — подтвердил Варфоломей.

— Тебе не тяжело? А то здесь я уже могу сама...

На это черт только хмыкнул.

— Ты очень легкая.

Маленькие лифты не созданы для такого способа транспортировки. Ева задела ногой зеркало.

— Ладно,пусти... — смеясь, попросила она.

Варфоломей очень бережно поставил ее на пол, и на несколько секунд Ева оказалась в его объятиях.

— Какой этаж? — спросил он. Голос звучал хриловато.

— Восьмой.

Мокрое платье облепило фигуру Евы, ничего не скрывая, но оставляя простор воображению. Под тканью угадывались очертания напряженных сосков. Варфоломей откровенно рассматривал Еву, любовался. Желание избавить ее от туфель и этого чертова платья становилось навязчивым.

Ева впитывала его восхищение, оно возвращало ей душевные силы, вытесняло неприятные ощущения, захватившие душу после разговора с Арсением. Она снова подумала о своей постели. Рыдать весь вечер под пледом в одиночестве расхотелось, теперь она пыталась представить там Варфоломея. Будет ли он таким же чутким, как в тот момент, когда поднял ее на руки?

Захотелось прижаться к нему, ощутить его объятия еще раз. Секунды текли. Ева кусала губу, принимая решение. Грохот открывающихся дверей показался обоим оглушительным.

Ева вышла, стуча каблучками. Варфоломей последовал за ней. Он не

давил своей энергией. Давая Еве пространство, остановился в нескольких шагах от нее.

— Заходи... — решила Ева, и ее сердце бешено заколотилось.

Они проскользнули в квартиру.

Ева прошла на кухню, рухнула на табуретку и постаралась расстегнуть застёжку на туфлях. Ремешок намок, а пальцы чуть дрожали. Ева лихорадочно думала, правильно ли она поступает.

— Будешь чай, Варфоломей? — крикнула она.

— Можно... — отозвался черт.

Какое-то время он наблюдал за сражением Евы с застёжкой, а потом сел прямо на пол, накрыл ее руки своими ладонями.

— Давай я.

Он расстегнул, а потом снял туфлю, та упала на пол с громким стуком. Потом освободил вторую ногу.

Ева поставила пылающие огнем стопы на прохладную плитку.

— Как хорошо!

Варфоломей погладил Евину лодыжку и массирующими движениями принялся надавливать на напряженные икры. Ева вздрогнула от этого неожиданного удовольствия и едва не застонала. Движения Варфоломея были уверенными, он нажимал достаточно сильно, принося облегчение уставшим мышцам. Ева покачивалась на волнах удовольствия, она отдалась своим ощущениям и прикрыла глаза.

— Ты очень красивая, Ева, — Варфоломей провел пальцем по ноготкам с жемчужно-розовым лаком, а потом надавил на чувствительную точку посередине стопы. — Такие маленькие ногти, ими совсем нельзя царапаться.

Черт усмехнулся. Для него Ева выглядела удивительно беззащитной. Никаких клыков, когтей, даже хвоста, которым можно было бы стегнуть, как плеткой. Кожа очень нежная и тонкая.

Ева не могла вникнуть в смысл комплимента и едва не мурлыкала от приятных ощущений, которые дарили руки Варфоломея.

Варфоломей оставил Евины ножки. Она открыла глаза и выжидающе посмотрела на него.

Он подал ей руку и помог подняться. Потом очень медленно потянул молнию на платье. Раздался тихий «вжу-ух».

— Ты дрожишь...

— Замерзла.

Варфоломей притянул Еву:

— Так теплее?

Жесткая большая ладонь поглаживала ее позвоночник, вынуждая выгибаться навстречу мужчине.

— Да, — прошептала Ева.

Она больше не сомневалась. Ее руки обвили Варфоломея и начали свое исследование. Маленькие ладошки проникли под рубашку, и Ева на секунду смутилась. Она не подозревала, до какой степени Варфоломей волосат. Машинально поглаживала жесткую шерсть.

— Ты такой теплый...

Сгорая от любопытства, Ева помогла Варфоломею избавиться от рубашки.

Кончиками пальцев она прочертила дорожку по груди к животу, остановившись около пряжки ремня на его джинсах. Он поцеловал. Ева отвечала, пробуя пока еще незнакомый вкус его губ.

Рука Варфоломея переместилась Еве на грудь, дразняще лаская по краю кружева. Ей нравилось, что Варфоломей не торопится, она была в восторге от его силы. Ева погладила его плечи, попыталась обхватить бицепс. Чувствуя упругость мышц, сделала мысленную пометку узнать, каким спортом занимается Варфоломей.

Вдохнула запах мужчины, потерлась щекой о его грудь, как кошка. Показалось, что Варфоломей пахнет пряностями. И почему-то вспомнился запах зажженных спичек.

— Ев-а...

Звуки собственного имени отозвались в ее теле легкой вибрацией. Варфоломей легко подхватил Еву и посадил на кухонный стол. Холодная капля сорвалась с ее волос и потекла по шее. Ева вскинула голову, и Варфоломей немедленно воспользовался этим, проведя губами от уголка ее рта вниз, к шее... Слегка сжал зубами тонкую кожу, вызывая довольный вздох.

Ева обняла Варфоломея. Теперь ее руки поглаживали его спину, спускаясь все ниже и ниже. Черт опомнился, отстранился и поймал Еву за запястья: он решил быть честным.

— Я должен предупредить... эм-м... Возможно, ты к такому не привыкла. Тебе не видно сейчас, но... у меня хвост.

— Хвост? — Ева решила, что это метафора и Варфоломей стесняется называть вещи своими именами. — Что с ним?

— С ним все нормально, — ответил черт. — Хвост как хвост. Просто не удивляйся.

— Думаю, мы разберемся, — мурлыкнула Ева и с любопытством спросила: — Он что, слишком?..

— Довольно длинный.

Ева посмотрела Варфоломею в глаза.

— Тогда нам нужно быть осторожными... — сказала она.

Варфоломей порадовался, что ему встретилась Ева. Она так спокойно отнеслась к новости про хвост! Черт уже собирался рассказать про рога, но его слишком увлекли поцелуи. А как Ева выгибалась навстречу его ласкам, все дальнейшие разговоры показались лишними. Обоим хотелось большего.

Ева пьянела от предвкушения любви. Ей хотелось в постель, чтобы Варфоломей сжимал ее еще сильнее, ласкал, чтобы их тела переплетались.

— Давай переместимся, — взмолилась Ева. — Спальня там...

Она соскользнула со стола, соблазнительно прижавшись всем телом к Варфоломею, взяла его за руку и потянула за собой.

Дождь за окном не прекращался. Стало так темно, словно наступил поздний вечер или даже ночь. Ева чуть подтолкнула Варфоломея к кровати и устроилась сверху, сжимая его бедра своими. Ее пальцы подобрались к молнии на джинсах... Очень хотелось посмотреть на «хвост». Тем более что мужчины нередко склонны к преувеличениям. А заявка была интригующая.

Варфоломей в это время освободил Еву от кружевного плена бюстгальтера. Его руки ласкали, заставляя ее почувствовать себя желанной и прекрасной.

Неожиданно раздалось странное жужжание. В кровати что-то завибрировало. Варфоломей пошарил под собой рукой и извлек игрушку из Амстердама. Даже в полутьме он увидел, как Ева покраснела.

— О, черт! — сказала она. — Эм-м... это не мое. Это моего кота.

По лицу черта скользнула поистине дьявольская улыбка. Он кивнул и отбросил резиновое зеленое чудовище в сторону.

— Это... — Ева приложила ладони к пылающим щекам, попыталась отстраниться. — Это...

— Твоего кота, я понял.

Черт поймал Еву в кольцо своих рук и подмял под себя. Оказавшись сверху и перехватывая инициативу, он решительно прервал ее слабые попытки все объяснить. Поцелуем. Сладким. Нежным, жарким поцелуем, лишаящим всякого желания говорить.

И... да, ему определенно нравилось, как Ева смущалась. Она была полной противоположностью искушенной демоницы, поэтому Варфоломей решил не шокировать ее раньше времени. Он компактно свернул хвост и бдительно следил за тем, чтобы до него не добрались.

На секунду Ева застыла в его руках. Варфоломей чуть отстранился, упираясь кулаками в матрас. Давал время принять ее же собственные желания. Ева видела, как вздулись и прорисовались вены на его предплечьях.

— На чем мы остановились? — Варфоломей провел рукой по ее телу, а потом неторопливо избавил Еву от трусиков.

Ева хотела этого мужчину, но не могла поступиться собственной безопасностью.

— Секунду...

Она извернулась, перевернулась на живот и свесилась с кровати. Варфоломей лежал рядом, поглаживая ее ноги и чуть сжимая ягодицы. Дразнил. Пока он покусывал Еве плечо, та рылась в тумбочке.

— Нашла, — она извлекла блестящий квадратик и протянула мужчине.

Заминка была недолгой. Удивительно, что в двух, в общем-то, непохожих мирах техническая мысль развивалась в одном направлении и приняла одну форму.

И вскоре Ева таяла от наслаждения. Она обхватила ногами поясницу Варфоломея и качнулась к нему. Он поддержал ее движение. Сначала размеренно, затем — плавно наращивая темп.

Внезапно Варфоломей остановился.

— Пожалуйста, — шептала Ева, извиваясь в его руках...

— Мне сделать — так?

Варфоломей дразняще подался вперед.

Ева укусила его в плечо.

— Еще, — нетерпеливо взмолилась она и впилась руками в его плечи.

Теперь Ева поняла смысл выражения «владел телом». Ее телом именно владели, заставляя испытывать новые эмоции и ощущения, и Еве это нравилось. Варфоломей погружал ее глубже и глубже в наслаждение, оставалось только покорно принимать удовольствие. Принадлежать ему и откликаться.

Варфоломей любил ее вдохновенно и горячо, забывая обо всем. Он был счастлив. Правда, несколько раз ему пришлось как следует извернуться, чтобы хвост не был нащупан нежными руками, скользящими по его спине и бедрам.

Глава 12

Ева проснулась и посмотрела на затылок спящего рядом Варфоломея. Улыбнулась воспоминаниям прошлой ночи. Страсть, нежность, горячие ладони на груди и прерывистое мужское дыхание у самого уха...

Она не верила в судьбу, совпадения и случайности. Всегда считала, что отношения — это труд. Еще не верила, что можно найти любовника в своем же подъезде. Анекдот!

Ева покраснела. Надо же, поступила почти как Маринка в Венеции. Весь опыт говорил о том, что не бывает фантастического секса в первую ночь. Нужно привыкнуть друг к другу... феромоны должны как-то синхронизироваться. Тем не менее это произошло, и она была возмутительно довольна.

Ева повернулась к Варфоломею спиной, по ее бедру что-то скользнуло, и она запустила руку под одеяло. Ей показалось, что она нащупала веревку. «Это еще здесь откуда?» — подумала Ева и потянула «веревку» на себя. Потом потянула сильнее... и наконец дернула.

С хвостами нужно обращаться аккуратно. Хвост — это продолжение позвоночника. Варфоломей резко проснулся:

— Гр-р-р... хвост! — рыкнул он. — Осторожнее!

Ева выпустила хвост и вскрикнула. Хотя наличие хвоста у вчерашнего любовника было открытием неординарным, шокировало ее не это. И даже не мысль, как можно не заметить хвост у того, с которым провела бурную ночь (у Евы даже вылетело из головы, что Варфоломей честно пытался ее предупредить). Сейчас ее внимание было приковано к его лбу. У мужчины, который лежал рядом, росли самые настоящие... рога.

— Р-р-рога, — сказала она.

— Что?

— Эм... ничего.

Ева вскочила с кровати:

— Я... я сейчас.

Варфоломей сел и потянулся:

— Зачем было за хвост тянуть?

У Евы дернулся глаз.

— Я в ванную, — сказала она и бросилась прочь из спальни.

«Я схожу с ума. Я схожу с ума», — повторяла она.

Ева закрыла дверь и тихонечко вскрикнула: ее собственное отражение

преподнесло неслабый сюрприз. Волосы неопределенного светлого цвета стали темными. Ева схватилась за прядь. Почти черная, та отливала благородным шоколадным оттенком.

Ева удивленно моргнула, включила воду и сунула голову под струю. Тихо зашипела — вода оказалась слишком холодной. Потом опять глянула в зеркало. Мокрыми волосы выглядели совершенно черными. Ева лихорадочно искала разумное объяснение. Вариант с собственным безумием был отодвинут подальше. Логично предположить, что это розыгрыш.

Ева сузила глаза. Что же получается? Ей встретился полный безумец? Сначала довел до оргазма, а перед тем, как она проснулась, нацепил рога, хвост и перекрасил ее волосы в черный цвет? Ее пронзил страх, даже коленки слегка задрожали. Новая теория отдавала еще большим безумием.

— Ева? У тебя все нормально?

— Минуту, я сейчас!

Она зажмурилась, постояла несколько секунд и решила выйти, надеясь, что временное помутнение прошло и все ей просто привиделось.

Ева открыла дверь, осторожно высунулась. С кухни доносилось что-то вроде нескладного пения, гремела посуда. Она с опаской пошла на звук.

Абсолютно голый Варфоломей как раз наливал чайник. При свете дня Ева отлично видела мохнатую спину. Ее взгляд спустился ниже... Хвост! Хвост покачивался в такт пению. Мелодия была знакомой, но Ева никак не могла сообразить, что же это за песня.

Варфоломей повернулся и улыбнулся. Рога, естественно, никуда не делись. И нет, они не выглядели бутафорскими. Вполне себе органично росли.

Черт заметил взгляд Евы, устремленный на его лоб.

— Ты что... — осторожно спросил он, — видишь мои рога?

Ева издала едва тихий писк, так она пыталась сказать: «Да, черт возьми, я вижу твои рога. Что это за...»

Она кивнула.

Варфоломей отставил чайник и деловито поинтересовался:

— А хвост?

Ева снова кивнула.

— Хм... — сказал черт, — плохо. Так не должно быть... по идее.

Ева схватилась за стеночку и осторожно осела на пол. Варфоломей оценил обстановку, налил в кружку воды и прошлепал босыми ногами к Еве.

— Вот... попей.

Ева послушно выпила воды, но это не вернуло дар речи. Более того: перед глазами заплясали нехорошие зеленые круги.

— Ч-ч-ч-что, — выдавила она из себя, — я схожу с ума? Вчера рогов и хвоста не было.

— Были, Ева... Посмотри на меня!

Варфоломей попробовал поднять Еву, чтобы посадить на стул, но она сжалась, поэтому он устроился рядом на полу.

— С тобой все в порядке. Правда, ты не должна была это увидеть. Понимаешь, я черт.

Ева открыла один глаз:

— К-к-какой черт?

— Ну, обыкновенный, — ответил Варфоломей. — Хотя нет, — усмехнулся он. — Я все-таки неправильный черт.

— Черт... — повторила Ева. — Ты что, сумасшедший? Больной?

— Нет. Совершенно здоров.

— Но у тебя рога!

— Рога — это нормально, — поделился Варфоломей.

— И хвост, — упорствовала Ева.

— Хвост — это тоже хорошо.

Варфоломей говорил уверенно.

— Ты голый, — сказала Ева. — На кухне.

— Не очень люблю одежду. Приятнее так.

Евин мозг зацепился за привычное понятие. Ей вдруг стало невероятно весело.

— То есть... ты нудист?

— Это еще что такое? Звучит как что-то нехорошее, — нахмурился Варфоломей.

— Ну, это такие люди, которые любят ходить голыми, — сообщила Ева.

Она подумала, стоит ли потрогать рога Варфоломея, и решила, что это было бы невежливо.

— Если не считать того, что я не человек, можно сказать и так, — подумав, произнес Варфоломей.

Оба замолчали.

— Черт, значит, — наконец сказала Ева.

— Угу.

— А что ты сделал с моими волосами?

— Ничего.

Ева покусывала губу:

— Но они потемнели.

Варфоломей пожал плечами.

— Неожиданно, конечно, — сказала она. — Знаешь, у меня никогда не было, чтобы вот так... Конечно, всякие козлы встречались, но... Ты-то не козел. Хотя мог и предупредить.

Ева мысленно сама себя отругала. Предупредить о чем? Она представила, как выглядел бы разговор. Варфоломей: «Ева, я черт. У меня есть рога и хвост». Ева: «Ох, ничего себе, как интересно!»

Она тряхнула головой, отгоняя этот бред. Вид у Варфоломея был виноватый.

— Мог бы. Но вчера как-то не случилось подходящего момента.

Ева серьезно кивнула, а потом расхохоталась. Смех перешел во всхлипывания: она скатывалась в истерику.

— Вот черт, — повторяла она. — ВОТ ЧЕРТ!

— Да, — сказал Варфоломей и поднялся. — Похоже, мне пора.

Ева не двинулась с места. Варфоломей собрал одежду и подошел к двери.

— Я пойду? — спросил он.

— Наверное.

Ева бросила взгляд на Варфоломея, взявшегося за дверную ручку.

— Лучше тебе одеться, — спокойно сказала она.

— Точно. Я что-то не подумал.

Повисла неловкая пауза.

Черт торопливо оделся, а потом вышел, осторожно закрыв за собой дверь. Ева дико захохотала. Ситуация показалась ей безумно забавной.

— Вот почему, почему именно мне так везет?! Нет, это какое-то форменное безумие.

Ева поднялась. Черт — чертом, но сегодня нужно поехать к родителям и забрать кота. Кот — это святое.

Она машинально выпила чаю, оделась, собрала сумку и отправилась на вокзал. В электричке за окном мелькали пейзажи, так же мелькали Евины мысли. Идею записаться к психиатру она отбросила почти сразу, потому что совершенно не сомневалась в том, что видела.

Взяв прядь волос, Ева принялась ее рассматривать, пропуская между пальцами. Волосы еще немного потемнели и приобрели затаенную красную искру. Ева думала о Варфоломее. В голове всплывали воспоминания о его губах и руках, отзывающиеся в каждой клеточке ее тела. Тело сформировало собственное мнение о черте, в то время как мозг и сознание спорили, приводя разумные и неразумные доводы.

Ева едва ли присутствовала на семейном обеде. Она была глубоко погружена в себя, отвечала невпопад и односложно, чередуя «Да», «Ага», «Нормально» и глубокомысленное «М-м-м».

Она сама не заметила, как съела четыре пирожка с картошкой и невольно сломала Григорию всю игру «Я обиделся, блудная хозяйка, вымаливай прощение у такого шикарного кота, как я». Суровые и холодные котовьи взгляды пропали впустую.

* * *

Варфоломей вернулся домой. Бесы радостно пошуршали под ванной, но встречать не вышли: были чем-то заняты. Зато на кухне черт обнаружил настоящий самовар и связку румяных баранок.

— Откуда притащили? — пробурчал Варфоломей себе под нос.

Он налил чаю, отломил баранку и, не обращая внимания на вкус, сжевал. Потом подумал о Еве. Человеческая женщина ему понравилась. Очень. С ней он почувствовал себя счастливым, а то, как она приняла известие о его чертовской натуре и происхождении, внушило оптимизм. Учитывая уровень здешней магии, осведомленности о других мирах и прочем потустороннем, Ева держалась молодцом. С женщинами сложно во всех мирах — эту истину черт усвоил прочно.

Варфоломей подумал, что просто даст Еве время, чтобы она сама могла разобраться со своими чувствами. Приняв это потрясающее по своей простоте решение, он глубоко, удовлетворенно вздохнул, съел еще одну баранку и сосредоточился на другой проблеме. Никогда в жизни черт не проводил столько времени без дела. Отсутствие цели напрягало.

И тут он снова подумал о Еве...

* * *

Ева занесла Григория домой, высвободила из переноски, снабдила самым любимым кормом. Она пребывала в лихорадочно-рассеянном состоянии. Поговорить с Варфоломеем было жизненно необходимо. Разобраться. В конце концов, люди встречают чертей не каждый день.

Поэтому Ева отправилась в шестьдесят седьмую квартиру к Алене Игоревне, которая знала все про всех в их подъезде. Путем нехитрой манипуляции удалось выяснить номер квартиры Варфоломея. Телефона

черта у нее по-прежнему не было. Это стало своеобразной традицией их встреч.

Вооруженная информацией, Ева снова вернулась к себе. Глаза лихорадочно блестели.

— Гриша, что ты думаешь о чертях? — спросила она и быстро исправилась: — Если предположить — чисто гипотетически — что они существуют.

Кот о чертях совершенно не думал. Он исследовал свои владения с видом «И что вы тут без меня понаделали».

— А то, Гриша, нужно что-то решать. Вот теперь я знаю, где он живет.

Григорий не понял, о чем речь, подумал и решил потереться о ноги Евы, а потом принести ей в зубах фантик из своей фантичной заначки. Посчитав кошачий долг исполненным, он залег на кровать и мгновенно погрузился в сон.

Ева почесала его за ухом и сообщила:

— Я скоро вернусь.

Кот приоткрыл один глаз, но потом снова быстро заснул, хотя и отметил, что его человек сегодня ведет себя очень странно.

* * *

Варфоломей не сильно удивился, когда раздался звонок в дверь. Не торопясь подошел и посмотрел в глазок. Открыл.

— Ты голый, — сказала Ева вместо приветствия.

— Ева?

Ева очень старалась смотреть Варфоломею в глаза и не пялиться на его рога. Черт посторонился.

— Заходи...

Она отметила, что обстановка в квартире вполне себе человеческая.

«Нужно было что-то выпить для храбрости, — подумала Ева. — Валерьянки... ну или пустырника».

Бесы высыпали в коридор, один почти пылал от любопытства.

— Исчезните! — рявкнул черт, нахмутив брови.

— Что? — удивилась Ева и шагнула назад.

— Это я не тебе, Ева. Это... неважно... бесы.

Ева кивнула, как будто поняла, о чем речь. Она продумала несколько вариантов того, как начнет разговор с Варфоломеем, и теперь понимала, что ни одна из заготовок не годится.

— Хочешь чаю? У меня есть баранки, — светским тоном предложил Варфоломей.

— Да, спасибо, — Ева ухватила за подсказку.

Варфоломей исподтишка наблюдал за ее реакцией.

Еву можно было читать, как открытую книгу: на лице ясно отражались все эмоции.

— У тебя самовар, так интересно, — сказала она.

Варфоломей сложил руки на груди.

— Хм... да. Сегодня утром, — начала Ева, — меня несколько удивило, что у тебя обнаружились рога.

Черт понимающе кивнул.

— Я, честно говоря, не встречала... м-м-м... рогатых мужчин. И в чертей я не верила.

— А теперь веришь?

— Эм... — Ева сморщила нос, потом отпила чай. — Нет, и сейчас не особенно.

Варфоломей кивнул:

— В общем-то, правильно, чего в нас верить.

— А можно я твои рога потрогаю? И хвост тоже?

Варфоломей наклонил голову. Ева осторожно дотронулась до кончика рога — острый. Потянула, проверяя... Погладила все три завитка:

— Слушай, а зачем они? Вы, черти, как рога используете? Бодаетесь?

Варфоломей невольно рассмеялся: в голосе Евы звучало такое искреннее и неподдельное любопытство!

— Нет... Какой-то специальной функции они не несут, — черт смутился.

— То есть рога — украшение мужчины. Оригинально. А хвост?

Варфоломей поднялся, и Ева начала свое исследование. Пальцы от кончика поднимались все выше и выше... Варфоломей вздрогнул, хвост дернулся из Евиных рук.

— Щекотно!

— Ого! У тебя шерсть на спине дыбом встала! И мурашки на руках.

— Хвост — очень чувствительная часть.

— Прикольно, — только и сказала Ева. Она продолжала рассматривать Варфоломея и пришла к выводу, что голым он выглядел удивительно органично. Была в этом какая-то правильность. Вообще сейчас он напомнил ей древнее языческое божество.

— М-м-м... — глубокомысленно изрекла Ева и тяжело вздохнула. — Значит, ты черт.

— Точно, — Варфоломей улыбнулся.

В ванной раздались возня и приглушенные шепотки.

— Я на секунду. Беспокойные создания.

Он ушел и сделал внушение бесам. Они опять затихли.

Ева отломила со связки баранку и теперь теребила ее в руке. Стол покрывали крошки, но она этого не замечала.

— А я сегодня нашел работу, — поделился Варфоломей, расположившись напротив. — Спасибо тебе за идею.

— Мне? — удивилась Ева.

У нее возникло ощущение нереальности происходящего. Она сидит в квартире своего рогатого соседа-черта, и они ведут совершенно обыкновенный разговор.

— Слушай, у вас, людей, оказывается, большая проблема с пониманием друг друга. В общем, дали мне тестовое задание. Буду теперь заниматься переводами.

— Отлично, я рада, — только и смогла сказать Ева. Ощущение нереальности усилилось. — Черт-переводчик, — задумчиво протянула она. — Знаешь, что я тебе скажу?

— Что? — спросил Варфоломей.

Ева заметила, что глаза у него не слишком человеческие. Зрачок все время менял форму: то становился квадратным, то вытягивался в узкую полоску, а в самой глубине словно бы горело пламя.

— Ты хоть представляешь, как это все сложно...

— Переводить? Я посмотрел — ничего особенного. Текст странноватый, но в остальном...

— Да при чем здесь перевод! Я о другом... Ты представляешь, сколько на планете Земля людей? Тебе не понять, как сложно при этом встретить нормального мужчину.

Варфоломей мотнул головой, признавая, что ему не понять и к такому пониманию он не стремился.

Ева продолжила:

— И вот ты оказываешься в Венеции. И нет бы мне задуматься, что таких встреч, как у нас с тобой, не бывает. Шанс такому случиться — один на миллион. Ты встречаешь симпатичного, забавного, сильного, сексуального мужчину, который знает кучу языков...

Варфоломей коротко улыбнулся. Определения Евы ему польстили. Мужчины во всех мирах обожают, когда их хвалят.

— И что? Он оказывается не человеком!

— Да, — подтвердил Варфоломей. — У вас такой мир замкнутый! Вы

думаете, что единственные разумные существа во Вселенной. Но можно же шире смотреть на вещи?

— Можно... Но не каждый день узнаешь, что черти существуют, — заметила Ева. — Еще скажи, что инопланетяне бывают. Зеленые человечки!

— Про инопланетян ничего не могу сказать, сам не встречал, — ответил Варфоломей.

— Знаешь, я могла ожидать чего угодно. Можно легко нарваться на ипохондриков, нарциссов, эгоистов всех мастей, просто странных типов, нытиков, маминых сынков... У меня как-то был свой личный маньяк. Увидел меня где-то и преследовал. Писал странные письма и часами караулил в подъезде. Жутковато, скажу я тебе, — Еву понесло. — Нет, как правило, все это сразу видно, но некоторые маскируются. Весьма удачно. Как-то меня угораздило сходить на свидание с «практикующим садистом». Он себя так называл. Вроде парень как парень. Симпатичный. Нас подруга познакомила. Кстати, я из-за него больше не пью газировку на свиданиях. Представь: при первой же встрече человек тебе говорит, что он «доминант»? И предлагает «провести в мир своих темных желаний». Вот тут-то у меня кола из носа и пошла. Сразу, значит, доминант — и все тут. Я проверять не стала. Ну, понятно, что остался он со своими желаниями... И знаешь, я вот сейчас подумала: хорошо, на самом деле, что все так быстро выяснилось. Все сэкономили время и нервы. Но бывает еще хуже! Например, парень всем хорош! И умный, и симпатичный, и смотрит на тебя влюбленными глазами, а ты понимаешь, что он тебе вот вообще никак. Совсем. И подбешивает, и вообще не твой. И наконец...

Варфоломей очень внимательно слушал и не перебивал.

— ...самое ужасное. Он тебе нравится. Всем хорош. Но ты не нравишься ему, — щеки Евы покраснелись. — Он на тебя не смотрит и не замечает, ты для него пустое место, и... и... все. Ты понимаешь, как сложно? Это же какой-то Ад!

Ева вздохнула. Варфоломей вылил из ее чашки остывший чай и налил новый. Бесов слышно не было. Пока Ева говорила, они незаметно перебрались на кухню и расселись на плите, подперли щеки трехпальными ладошками и развесили уши.

— И вот я встретила тебя. У тебя — рога и хвост. Ты... любишь ходить голым. Итак, — очень строго спросила Ева, — какие еще сюрпризы у тебя в запасе? Потому что, черт возьми, ты мне понравился. Очень. И мне...

Она замолчала и не договорила «...было так хорошо с тобой».

— Сюрпризы?.. — Варфоломей развел руками. — Даже не знаю. Я белый.

— Ок. Блондин с голубыми глазами. Мечта. Я вообще-то спрашиваю про недостатки и тайные пороки.

Брови Варфоломея удивленно взлетели вверх, но он благоразумно решил не просвещать Еву касательно оттенков черного.

Ева тяжело дышала, словно только что пробежала стометровку за рекордное время.

— Так что мы будем делать, Ева? — спросил Варфоломей и сам же ответил на свой вопрос: — Предлагаю сегодня остаться у меня.

Ева кивнула, выпрямилась и с достоинством сказала:

— Только у меня кот с дачи вернулся. Обычно я кормлю его часов в девять вечера.

Глава 13

Если бы Ева решила воспользоваться лифтом, чтобы попасть к себе на этаж, она бы обязательно столкнулась с Амадеем, который именно сегодня решил повидать Варфоломея. И тогда Еву ждал очередной шок. Она бы увидела безрогого черта, но зато с рылом. А потрясений на сегодня было достаточно. К счастью, она предпочла пройти по лестнице.

Амадей зашел в квартиру, не утруждая себя звонком. Он был взволнован до такой степени, что протиснулся через замочную скважину.

— В смысле? — сказал Варфоломей, наблюдая за этим явлением.

— Ой, поживешь с мое в этом мире, еще и не такие фокусы освоишь, — сказал Амадей и отряхнулся.

Варфоломей отметил, что черт выглядел осунувшимся и усталым, поэтому второй раз за день предложил гостю чаю.

На кухне бесы сидели вокруг чашки Евы, подъедали крошки от баранки и лакали так и не выпитый ею остывший чай. Пировали.

— Зря ты им разрешаешь сидеть на столе. Еще и чашку поставил. Разбалуешь, на шею сядут.

Амадей громко хлопнул ладонью по столу, бесы забегали туда-сюда, а потом исчезли. Варфоломей поспешил чашку спрятать.

— Или я не пойму, гость у тебя, что ли, был?

Амадей принялся, глаза его сузились.

— Да, — сказал Варфоломей и неожиданно вдохновенно соврал: — Заходил какой-то странный человек. Предлагал спасти души и купить книгу.

— А! — Амадей расслабился. — Надо же... Они еще ходят по квартирам?

Варфоломей сам не мог понять, почему не захотел говорить о Еве. Сработала чертова интуиция. Она четко сказала: не надо. И сейчас он порадовался, что стал свидетелем того, как его соседка гнала одного такого «торговца спасением».

Амадей прислонился к стене и удовлетворенно вздохнул:

— Я этих типов просто обожаю. В поселок-то они не суются, да и вообще сейчас их не видно. А раньше прямо табунами бегали. Но я их всегда с радостью впускал и рассказывал, рассказывал, рассказывал о душе и всем таком! Да они от меня выползали просто! Спасались... самым натуральным бегством. И квартиру обходили стороной потом. А вот Вера,

наоборот, их терпеть не могла...

Амадей замолчал, а потом улыбка исчезла с его лица и он стал предельно серьезным:

— Я на самом деле извиниться пришел. Прости, Варфоломей, и не держи на меня зла, что я так тебя в Венеции кинул. Дела и правда были важные.

— Что-то случилась? На тебе прямо рыла нет.

— Да... — Амадей махнул рукой. — Мы когда с тобой расстались, я ж подорвался Вере Сергеевне за подарком. Хожу, значит, думаю... И тут, как всегда... До чего некоторые — нудные существа! Каждый век одно и то же: «Пройдемте, Амадей, с нами». Ну и застрял я с этими моралистами: «А почему это вы идете против законов природы?» Вот скажи мне, Варфоломей, против каких таких законов я иду? Это же смешно. И в конце концов, что такое век? Ну, или три века. Сколько мы там с Верой вместе? Что, неужели четыре с половиной... Хм... Я каждый раз забываю. Это она все помнит. В любом случае! Кому какое дело?!

Амадей разошелся и выглядел весьма воинственно. Он принялся покачивать ногой и пальцами отбивал ритм. Варфоломею показалось, что Амадей выстукивает ту самую оперную арию, после которой он заснул.

— Три века? Ерунда какая, — удивился Варфоломей.

— Вот! Какие тут вообще могут быть счеты? Развели бухгалтерию! Год туда, год сюда... А знаешь, сколько всякой бюрократической возни из-за такого сущего пустяка? Из-за такой вот ничтожной мелочи. Тоже мне, моду взяли... Экологическое и гармоничное существование! Выступают за естественность. И вот эти лозунги дурацкие: «Ведьмы — тоже люди!», «Ведьма должна жить, как человек». Кому должна, тому простила. Что ж им теперь, не жить, что ли? Восемьдесят — ну ладно, лет сто — и все? Шутники.

— О ком речь? Кто тебе нервы мотает?

— Да тайная канцелярия наша родная, кто ж еще. Затейники. Им, голубчикам, все неймется. А ты еще с ними не сталкивался?

— Нет.

Варфоломей сложил руки на груди.

— Значит, столкнешься, — безапелляционно объявил Амадей. — Они обычно не вмешиваются в наши дела, но иногда... когда вожжа под хвост попадет... Тогда они чертей вспоминают и проявляют ненужное рвение. — У Амадея на лбу выступили бисеринки пота. — Умаялся. Я тут подремлю немного, ты не против?

И, не дожидаясь ответа Варфоломея, заснул прямо на стуле.

Ровно через пятнадцать минут Амадей открыл глаза. Выглядел он бодрым и отдохнувшим. С хрустом потянулся и сказал:

— Ну вот! Чувствую себя человеком. Эти чиновники и инстанции столько энергии выпили! Думаю тебя, Варфоломей, пригласить к нам с Верой на годовщину. Решили отметить в узком кругу друзей. Приглашение пришло. Зря, что ли, учился писать каллиграфическим почерком? Так что ты проверь почтовый ящик.

— Хорошо. Буду ждать.

Варфоломею не терпелось выпроводить Амадея и засесть за перевод. Хотелось хорошо сделать тестовое задание и получить работу. Тем более из всего многообразия переводческих возможностей он выбрал то, что поможет лучше разбираться в людях, в их мечтах, надеждах и планах.

* * *

Ева вернулась к себе. Ноги слегка дрожали, но это было приятно. Даже слишком. Полное удовлетворение, если не больше.

Григорий прикинулся самым ласковым в мире котом, поскольку был голоден. Ужин был просрочен на час. Ева исполнила долг котовладельца, а потом не раздеваясь легла на кровать и закрыла глаза. Нужно было остановить бег мыслей. Взять паузу. Отпустить напряжение.

Она всегда обладала богатым воображением. Вот и теперь ей представился зал суда, такой, который она неоднократно видела в фильмах и сериалах. На месте присяжных сидело двенадцать Ев. Ева же была судьей. Присутствовали Ева-прокурор и Ева-адвокат. Варфоломей находился на месте обвиняемого.

Была еще Ева-стенографистка. Почему-то она носила очки, а волосы были завиты мелкими кудряшками.

Слово взял прокурор:

— Ваша честь...

Ева-судья благосклонно кивнула.

— У меня есть неопровержимый аргумент. Прошу принять во внимание, что он черт.

Ева-стенографистка быстро застучала пальцами по клавишам старомодной печатной машинки. В конце строчки послышался громкий «дзинь».

Сама же Ева по своим ощущениям пребывала в этом зале суда где-то под потолком. Ее тело стало легким, как перышко. Она парила и

наблюдала.

Ева-прокурор продолжила:

— Прошу приобщить к делу доказательства: рога и хвост. А также он, — прокурор кивнула на Варфоломея, — сам признался, что он черт.

Евы-присяжные зашептали, заерзали на своих местах.

Ева-судья не преминула постучать молотком:

— Тишина, тишина в зале суда!

Ева, парящая под потолком, только слегка удивилась, что молоток был для отбивания мяса. У нее в верхнем ящике правого кухонного шкафчика хранился точно такой же.

— Слово предоставляется защитнику.

Ева-адвокат поднялась со своего места, игриво подмигнула подсудимому черту и подошла к Евам-присяжным.

Она облокотилась на бордюр, который отделял зал суда, и вкрадчиво произнесла:

— Ну рога, ну хвост. И что? Ну черт... Я даже отрицать не буду.

— Ага! Прошу занести в протокол! Даже защитник этого не отрицает! — взвилась прокурор, так что судье пришлось вновь пустить свой молоток в дело.

— Девочки, — Ева-адвокат снова повернулась к Евам-присяжным, — секс с ним — потрясающий.

У стенографистки очки съехали на кончик носа.

Ева, парящая под потолком, кивнула.

— Это мой первый аргумент. И вот вам второй: потрясающий секс, которого у нас с вами не было... напомним, коллега, как давно?

Она с торжеством повернулась к прокурору.

— Это грязный прием.

И снова к присяжным:

— И, кстати, хвост... очень даже. А в нужный момент — так вообще.

Евы-присяжные согласно закивали.

— И потом... Рога, хвост... не такие уж существенные недостатки для мужчины. Черт, не черт... Лишь бы человек был хороший! Что тут думать, надо брать от жизни все. Попался лимон — сделай лимонад. Попался черт — сделай...

Ева не узнала, чем закончилась проникновенная речь, но и так поняла, что все Евы-присяжные проголосовали единогласно. За Варфоломея. Еву закружило, потащило наверх, она летела прочь из зала суда... И проснулась от того, что упала с кровати. Оказалось, подрыхла до утра.

— Ну и бред. Приснится же такое...

Ева потерла лоб и болезненно сощурилась. Несмотря на то что небо было завешено тучами и свет в окно лился довольно тусклый, он нестерпимо резал глаза. Понадобилось время, чтобы привыкнуть к освещению, словно она только что вышла из темного подвала.

Ева осмотрелась. Обстановка выглядела не совсем привычно. Кровать и комод, конечно, остались прежними, но вокруг появилось нечто вроде неоновой свечености. Квартира приобрела футуристический вид. Она потерла глаза — все вернулось в норму.

— Ой-ей-ей, — сказала Ева и, чтобы окончательно прийти в норму, решила порадовать себя завтраком в кафе. Небольшое буржуйство в виде яиц пашот с голландским соусом или что-нибудь такое... Сложносочиненное и не ежедневное.

Еще одна причина сбежать из дома — Варфоломей. Ева запретила себе думать про зарождающиеся отношения с чертом. Даже после заседания «суда» она немного боялась, что черт может нагрянуть внезапно. Нужно было свыкнуться с мыслью.

Быстро собравшись, Ева отправилась в «СтарЛайт». Красные диванчики, неограниченное количество кофе, легкая музыка, да и вся атмосфера всегда действовали на нее умиротворяюще.

Она как раз делала заказ, когда краем глаза заметила, что голова мужчины за соседним столиком начала светиться зеленым. Свет получался мягким, рассеянным, как от лампы с зеленым абажуром. Ева моргнула, и голова снова стала нормальной, с небольшой аккуратной лысинкой на затылке.

Официантка принесла завтрак, ослепительно улыбаясь. То есть ее улыбка светилась в прямом смысле, Ева отчетливо это видела.

«И все равно нужно завтракать», — решила она и принялась за еду.

Но больше зрение не выкидывало никаких шуток.

Как и любая женщина, Ева была склонна к изображению всяких ужасов. С аппетитом жуя булочку с лососем, она представляла, как ее упаковывают в белую смиренную рубашку и отвозят в комнату с мягкими стенами, вздумай она рассказать кому-то о том, что люди вокруг «отсвечивают». Еще Ева представила, что кот Григорий останется сиротой, и вздохнула. И тут же, будучи неисправимой оптимисткой, решила, что «пройдет само».

Так как Ева была еще и ответственной, пообещала себе сходить к офтальмологу. Проверить зрение никогда не помешает. А экспресс-проверку зрения делают в торговом центре... Значит, можно пошататься по магазинам.

Ради интереса Ева поискала в Интернете «свидание с чертом» и «если твой парень — черт», но всезнающие «Яндекс» с «Гуглом» не выдали ничего толкового. Правда, зрение Ева проверила. Оно оказалось двестипроцентным. Она видела так четко, как никогда в жизни, и могла с легкостью прочитать самую нижнюю строчку.

Это была хорошая новость. Но, как известно, новостей обычно бывает две. Уже по дороге домой Ева почувствовала себя плохо: ее начал бить озноб, лоб горел огнем. Поэтому, когда градусник показал температуру тридцать девять, все сложилось. Эти цветные пятна перед глазами, решила Ева, были вестниками гриппа.

Она легла в постель, обложившись котом, чаем и книгой. Но читать не получалось. Строчки прыгали, буквы разбегались в разные стороны. Комната начала покачиваться и кружиться.

Ева решила поспать... чтобы прийти в себя, но подушка под щекой становилась неприятно горячей, и ее приходилось постоянно переворачивать. Было то жарко, то холодно под одеялом, она постоянно ворочалась, пока Григорий не лег ей на грудь и не заурчал. Тогда Ева затихла. Снова снилась какая-то чертовня: в комнату вошел Варфоломей.

— Я звонил. Извини, что зашел вот так, нарушая ваши местные законы, кажется, законы физики. Решил проверить. У тебя из-под двери... хм-м...

Он нахмурился и положил ладонь Еве на лоб. Ей понравилось ощущение, его ладонь была приятно прохладной. Она хихикнула.

— Привет, нарушитель законов физики, — сказала Ева. — А что у меня из-под двери?

— Да энергия хлещет. Ты бы поосторожнее, — сказал Варфоломей. — С магией лучше не шутить.

— Ага, — согласилась Ева. — Ты весь пылаешь, как будто вокруг тебя огонь и он закручивается такими вихрями... вж-ж-ж...

Она махнула рукой, показывая, как именно идут завихрения.

— Что-то с тобой не так.

— Хорошо, что ты пришел, — сказала Ева и повернулась набок, — хороший сон.

— Эй, — Варфоломей потряс ее за плечо. — Чем тебе помочь-то?

— Хочу борща, — сказала Ева и поплотнее завернулась в одеяло. Наконец-то стало тепло.

— Что такое борщ?

— В телефоне... в заметках... рецепт, — с трудом и несколько бессвязно пробормотала Ева, проваливаясь в уютную черноту сна без

сновидений.

* * *

Она села в кровати. Чувствовала себя превосходно. Не было никакой усталости, голова оставалась ясной. Горло и нос — в полном порядке. Ева принялась. В квартире пахло борщом. Умопомрачительно.

— Гриша, — позвала она кота. — Ты что, борщ варишь?

Кот проигнорировал зов.

Ева скрутила волосы в узел, в очередной раз удивившись новому цвету. Вот еще одна загадка, которая не давала покоя. Встав и оглядевшись, порадовалась: никаких цветных пятен, неоновых всполохов, подозрительных свечений — все стандартно и привычно. Выглянула в окно — мир был до скуки нормальным.

Дух борща дурманил, нестерпимо захотелось есть. Ева подумала о том, что сможет выжать из своего холодильника. Кухня притягивала, как магнит.

— Интересно, и чего это ты не идешь, когда зову? — сказала она Григорию, который нашелся в коридоре. Кот сидел и немигающим взглядом смотрел в угол. Причем пребывал, судя по его виду, в режиме «охота». Даже уши топорщились хищным образом.

— Ты чего, там же никого нет...

— Ева, пришла в себя? — раздался сильный, с приятной хрипотцой мужской голос.

От неожиданности Ева заверещала. Как говорят в таких случаях — словно подстреленный заяц. Она повернулась и увидела голого Варфоломея, державшего кастрюлю, от которой поднимался ароматный пар.

Ева перешла на ультразвук.

— Это я, — сказал черт, — сварил борщ.

Ева неловко взмахнула руками. Она все еще не могла осознать, кто перед ней. Мозг вообще отказывался принять факт наличия голого мужчины в ее квартире. В ответ на взмах руками борщ, до того момента мирно пребывающий в кастрюле, вылетел вверх и завис под потолком, переливаясь всеми оттенками свеклы.

— Ева, только не волнуйся, — сказал Варфоломей.

Он поставил кастрюлю на стол и строго посмотрел на парящий борщ, после чего тот быстро вернулся в кастрюлю. Лишь несколько капель упало

на пол.

— Что... что?

У Евы не нашлось больше слов.

— Аккуратнее, — попросил Варфоломей.

— К-к-к-ка-а-ак?..

— Просто магия, — отмахнулся черт и сосредоточился на том, что считал действительно достойным внимания: — Слушай, я попробовал. Довольно вкусно получилось.

Ева же попробовала взять себя в руки.

— Как ты сюда попал? Так... что... Это был не сон? Ты... сварил борщ, потому что я попросила? По маминому рецепту?

Последнее обстоятельство казалось особенно фантастическим.

— У тебя что-то с магией произошло. Но я в этом не специалист. Нет, не сон. Попал сюда через замок, а потом, когда в магазин ходил за продуктами, взял твои ключи. Да, я сварил борщ. Поедим?

Варфоломей решил методично ответить на все вопросы, хотя и не очень понимал, отчего Ева так взвинчена и никак не сообразит, что к чему, когда все и так совершенно очевидно.

— Хорошо. Мы поедем, — решила она, — и поговорим...

Черт и Ева расположились за столом. Кастрюля гордо возвышалась на подставке в центре. Варфоломей разлил борщ по тарелкам.

Ева взяла ложку и только собралась задать первый вопрос, как в коридоре раздался ужасающий грохот. Кот пушистой молнией влетел в кухню, сделал круг, едва не выбивая когтями искры из напольной плитки, и снова вылетел в коридор. А потом из комнаты раздался звон и треск.

— Бесов гоняет, — с улыбкой пояснил Варфоломей. — Развлекаются.

— Настоящих? Или это фигура речи?

Ева посмотрела на рога черта (кстати, теперь они не выглядели шокирующими. Рога как рога) и сама же ответила на свои вопросы:

— Логично. Раз есть черти, то почему бы и бесам не быть.

Варфоломей кивнул, подтверждая правильность догадки.

Ева осторожно попробовала борщ. Было очень вкусно и горячо. Если бы перед ней возникли сейчас две тарелки: одна, приготовленная мамой, а вторая — Варфоломеем, и пришлось бы выбрать, где вкуснее, то... это стало бы непосильной задачей.

Она затаила дыхание, стараясь не лишиться чувств от радости. Обычно мужской пол как можно дольше симулирует полную беспомощность в плане готовки, и вывести мужчину на чистую воду очень сложно. И заполнить себе такого, который способен приготовить борщ, —

все равно что вытянуть счастливый лотерейный билет.

«Он идеален! — пронеслось в голове Евы. — К черту рога!» Скупая слеза умиления скатилась по ее щеке.

— Варфоломей...

В комнате снова раздался грохот. Судя по звуку, Григорий смел все, что лежало на комод. По счастливой случайности там не было ничего бьющегося.

— Мы с ним поладили. Очень умное существо, зря не болтает, — сказал черт, доливая в свою тарелку борща.

— Да, кот у меня не говорящий. Был. Или пока я спала, все изменилось? — насторожилась Ева.

— Ему просто это не нужно. Он и так понятно объясняет.

Какое-то время оба молча ели. Наконец Ева решительно отложила ложку, промокнула уголки губ салфеткой и сказала:

— Спасибо. Это было потрясающе. И я очень тронута твоей заботой. Прости, что верещала в коридоре. Просто твое появление стало полной неожиданностью. Для меня это шок, что ты — раз! — и оказался у меня. И еще я вижу всякие странные вещи: головы у людей светятся... и вот борщ летает. Оказывается, еще и бесы... Это так непривычно и, знаешь, если честно, пугает.

— Но сейчас же ты не видишь ничего странного?

Ева уставилась на черта, сидящего напротив.

— Эм... нет... Наверное. Ух ты...

Она замолчала.

— Что?

— Я просто только сейчас заметила, как у тебя хвост свешивается. А тебе удобно на нем сидеть?

— Нормально, — сдержанно ответил Варфоломей. — Так о чем еще ты хотела поговорить? Только старайся не волноваться, береги магические силы...

— Какие силы? Эм... Не знала, что они у меня есть.

— Здесь, в смысле, в этом мире, твое состояние называют «ведьмовством».

Варфоломей сказал это с затаенной гордостью. Наконец-то! Он знал об этом мире что-то такое, чего не знала исконная жительница.

— Ты только что назвал меня ведьмой? — переспросила Ева.

— Да, — подтвердил черт.

— Удивительно... Еще вчера я ею не была. То есть я же обычный человек, — кокетливо сказала она.

— С женщинами это случается. Сегодня не ведьма, завтра — наоборот.

Ева расхохоталась, но, посмотрев на выражение лица черта, прекратила. Он выглядел весьма серьезным.

— То есть ты не шутишь? И что, я могу колдовать? Летать по воздуху на метле? Двигать предметы взглядом?

Представляя себя булгаковской Маргаритой, Ева взмахнула руками и произнесла: «Пых-бдыщ». Ей казалось, что именно так должен выглядеть магический пасс. Ничего не произошло.

— Летать — очень сомневаюсь. По поводу колдовства... Если умеешь, то можешь. Почему бы и нет.

Ева подавила нервный смешок:

— Не знаю. Я никогда не пробовала... э-э-э... магичить... ведьмачить... Тьфу ты, колдовать. Это же невозможно.

Варфоломей сложил руки на груди.

— Тогда в чем вопрос? Ева, ты меня запутала. Раз ты не умеешь колдовать — не колдуй. Никто не заставляет тебя применять магию.

Ева задумалась. Перспективы, открывшиеся перед ней, были интересны, но довольно безумны. Лучше исследовать новые возможности постепенно.

— А волосы? Почему они изменили цвет, а?

— Тебе очень идет, — сказал Варфоломей.

— Спасибо! — Ева улыбнулась. — Мне тоже нравится. Всегда такой хотела. Но почему...

— Считаю, твое желание исполнилось, — решительно перебил Варфоломей. — Будь осторожна с магией, силами не разбрасывайся.

Ева заметила небольшое движение и поняла, что сейчас черт встанет и уйдет. Мягко положив свою руку на его, она попросила:

— Не уходи! Останься.

И черт остался...

Евина мама оказалась права: борщ оказывает самое благотворное воздействие на отношения.

Глава 14

Варфоломей все глубже погружался в новый мир, вращался в нем. У всех миров есть такое свойство — затягивать. Стоит попасть в новое место, как через какое-то, совсем непродолжительное время оказывается, что мир опутывает тебя невидимыми, но прочными нитями: появляются связи, обязательства и обязанности.

У черта завелась работа. На электронную почту пришел ответ по тестовому заданию. Из всех возможностей, которые дает преимущество совершенного владения любым языком, Варфоломей выбрал переводы художественной литературы.

Сейчас люди стараются свести голосовое общение к минимуму. Наступила эра переписок. Мессенджеры торжествуют. Поэтому удивительно, что после того, как на планшете Варфоломея зажегся значок, указывающий на то, что в папке «Входящие» появилось новое сообщение, телефон Варфоломея зазвонил.

— Алло, — раздался в трубке жизнерадостный женский голос, — это Варфоломей?

— Да, здравствуйте, — подтвердил черт.

— Это из издательства вас беспокоят, — зачастил голос. — Мы получили ваше тестовое, и нам очень понравился перевод. С вами хочет встретиться наш главный редактор Галина Михайловна. Вы можете подъехать?

Редакция располагалась в центре, в старом особняке и занимала две комнаты. Практически все свободное пространство от потолка до пола было уставлено книгами и какими-то папками с бумагами. Пахло пылью и типографской краской. Когда Варфоломей протиснулся в это литературное гнездо, из-за углового стола поднялась худенькая девица замученного вида с волосами серого цвета.

— Ой, а вы Варфоломей? Не передумали? — в ее голосе звучало удивление. — А это я вам звонила. Меня Надя зовут. Ассистент редакции. Вы проходите, садитесь. Галина Михайловна сейчас будет.

Варфоломей с интересом осматривался.

— У нас такой беспорядок. Редакция переезжает. Вот только мы остались, — сообщила Надя. — Может, чаю, пока вы ждете?

Черт кивнул.

— Черный, зеленый?

— Черный.

Надя похлопала глазами и уставилась в монитор, не двигаясь с места.

В этот момент появилась сама Галина Михайловна — царственная дама с высокой прической и тлеющей коричневой сигареткой в уголке неровно покрашенного алого рта. Был в этом откровенный вызов правилам пожарной безопасности и общественному комфорту. Сигаретка чадила вонючим сизым дымом. Глаза Галины Михайловны казались огромными за толстыми стеклами внушительных очков.

— Это кто? — спросила она у Нади, кивнув на черта.

— Переводчик, Галина Михайловна.

— А... Хорошо. А то я уж подумала... Здравствуйте. Мы тут переезжаем... Разруха. — Она стряхнула длинную колбаску пепла в тяжелую пепельницу. — Посмотрела я ваш перевод, Варфоломей. Решила и на вас посмотреть. Тоже.

Галина Михайловна затянулась и выпустила струйку дыма.

Вообще смотреть на переводчиков редакторам сейчас не нужно. Можно находиться на максимальном отдалении друг от друга. Но подавлять и властвовать по электронной почте гораздо сложнее. Поэтому Галина Михайловна предпочитала один раз заманить на встречу и оставить первое неизгладимое впечатление. Чтобы при получении письма перед глазами переводчика вспыхивал ее образ.

Варфоломей как загипнотизированный смотрел в ее большие, чуть навывкате глаза и внимал.

— И как, посмотрели? — не выдержал черт, подавив желание потрогать рога, на месте ли.

— Да. Вот смотрю и вижу, что вы совершенно не понимаете, куда пришли.

Она поцокала языком и покачала головой. Высокая прическа колыхнулась.

— Так вот... — Галина Михайловна говорила размеренно, делала частые паузы, а голос ее был хриплым. Это придавало каждому слову весомость. — Так вот... Вы пришли в редакцию, которая выпускает женские романы. Понимаете?

Варфоломей кивнул, пока он не видел в этом ничего страшного.

— Любовные романы, — строго продолжила редактор. — В основном фантастика, но попадаются и исторические. Есть серия современных.

Она выразительно посмотрела на Варфоломея, как будто ожидая, что он начнет спорить или задавать неуместные глупые вопросы.

Галина Михайловна была из тех женщин, которые считают, что

окружающие должны понимать ее с полуслова, желательно — с полумысли. Поэтому любой вопрос расценивала как вызов мировому порядку.

— Сроки у нас жесткие. И очевидно, что много платить неизвестному переводчику мы не можем. Но это так, детали. Вот скажите, Варфоломей... Вы понимаете, что нужно женщинам?

— Э-э-э...

Вопрос был масштабный.

Отсутствие ответа Галину Михайловну не смутило.

— Нужна мечта. Ну и достойная романтика. Вы, Варфоломей, сексом занимаетесь? — тон ее стал совсем суровым.

Надя скрылась за своим монитором. Черт, обладающий слухом гораздо более острым, чем любой человек, уловил, что она тихонько, почти про себя, шептала:

— Сбежит, сбежит.

— Да, — спокойно ответил Варфоломей.

— Это хорошо! — провозгласила Галина Михайловна. — Значит, вы в курсе, что у людей не бывает «нефритовых жезлов», «копий любви», а также «кисок», «жемчужин наслаждения» и...

Варфоломей затаил дыхание. Он чувствовал, что Галина Михайловна готовится произнести что-то по-настоящему ужасное. Черт машинально вцепился в подлокотники.

— Пещерок страсти! Никогда! — с чувством произнесла Галина Михайловна. — Чтобы я этого в переводах не видела. Понятно?

В этом «Понятно» слышались звон металла и жар огня, обещавшие адские муки в случае неповиновения.

— Предельно.

— Я хочу видеть живой интересный текст. С хорошей энергетикой и динамикой.

— Угу.

— Разве это чрезмерные требования?

— Совершенно нет.

— Замечательно. Надюша пришлет вам файл с текстом, договор и то, что еще нужно. Это, собственно, все, что я хотела вам сказать. А, нет... Еще одно!

Варфоломей, который уже было поднялся и собирался уходить, остановился:

— Что? — заинтригованно спросил он.

Сейчас Галина Михайловна как никогда напоминала императрицу. С

таким видом Екатерина Вторая могла объявлять своим придворным монаршую волю.

— Я терпеть не могу «ведь». Это ужасно старомодно и... В общем, забудьте это слово.

Она с силой загушила сигарету о дно пепельницы.

Варфоломей кивнул.

Вышел он из редакции с улыбкой. Галина Михайловна напомнила ему черта, под началом которого Варфоломей служил в адском легионе. Если что-то происходило не так, как он ярился... Даже искры пробегали в густой шерсти. Какой страх умел наводить! А когда переходил на ЗЛОВЕЩИЙ ШЕПОТ, то слышно его было на много километров...

Вот и Галина Михайловна умела внушать окружающим суеверный ужас. Знала толк в устрашении. Младшие редакторы трепетали в ожидании ее едких комментариев и облегченно вздыхали, когда начальница кивала. Поводом для безудержного веселья могло служить сухое: «Сойдет». Услышь кто-то от нее слово «нормально», бедняга мог бы не выдержать свалившегося на него внезапного счастья.

Варфоломей дышал московским бензиновым воздухом и уже мысленно предвкушал, как вернется домой и займется переводом, когда рядом с ним, словно из-под земли, появился человек с постным и каким-то неприметным лицом. Одет он был в серый бесформенный плащ, а в руке держал оранжевый металлический кейс.

— Простите? Варфоломей? Черт?

Голос был таким же серым и неприметным, как и одежда, и звучал очень тихо, словно его хозяин не слишком привык выражать мысли вслух. Незнакомец выжидающе уставился на черта. Маленькие водянисто-голубые глаза смотрели, словно из какого-то укрытия.

Варфоломей не остановился, но смерил человека изучающим взглядом и пришел к выводу, что лучше с ним дела не иметь. Было в нем что-то опасно бюрократическое. Но остановиться пришлось, потому что дорогу преградили двое крепких молодых людей, до этого старательно делавших вид, что заняты изучением витрины аптеки с последними моделями женской ортопедической обуви. Кстати, были хорошие скидки.

Черта взяли в окружение.

— Мы бы хотели с вами поговорить, — сообщил тот, с оранжевым чемоданчиком.

— Кто это — мы?

Варфоломей оценил внешность молодых людей. Судя по всему, эти если и говорили, то крайне мало.

— Мы — люди, которые заинтересованы в сохранении этого мира в целостности и сохранности.

Объяснение поражало расплывчатостью и неинформативностью.

— Против мира ничего не имею, — сообщил черт и попытался пройти, — хороший мир.

Он усмехнулся, вспомнив подходящее ситуации выражение, на которое наткнулся в Интернете: «Благими намерениями вымощена дорога в Ад».

Черт ощутил, что перед ним — явные переносчики этих самых благих намерений. А он вообще настороженно относился к существам, которые радеют за целый мир. Это всегда подозрительно. За большими и громкими идеями обычно стоят чьи-то шкурные интересы.

Неприметный человек шагнул ближе, и в бок Варфоломею уперлось что-то твердое. А вот это уже было хамство. Хамства черт не любил.

— Не откажитесь поехать с нами. Беседа не отнимет много времени.

Голос «неприметного» звучал проникновенно и убедительно.

Прохожие обходили четверку как досадную преграду на пути. Никто не обращал на происходящее никакого внимания.

— Я сейчас занят, — сухо сказал Варфоломей, после чего сделал резкое, едва заметное глазу движение рукой. Хруст выбитого сустава потонул в городском шуме. Устрашающего вида длинный нож с мелодичным звоном упал на плитку. Было в этом что-то символическое: плитка является своего рода свидетельством благих намерений городской администрации.

Человек вскрикнул, лицо его посерело, он согнулся, уронив свой чемоданчик, и принялся баюкать поврежденную руку. Черт быстро наступил на нож. Двое молодых людей бросились вперед. У одного под полкой куртки показалась кобура, к которой он потянулся. Зря.

По чертовым меркам люди довольно медлительны. Варфоломей не стал дожидаться, когда в ход пойдет огнестрельное оружие: белую шкурку нужно беречь. Со стороны могло показаться, что парень неловко споткнулся, а светловолосый мужчина заботливо поддержал его. Но черт не церемонился. Нападавший не успел ничего сделать. А кисть, побывавшая в сильном чертовом захвате, беспомощно повисла: кость сломалась слишком легко. Похоже, кому-то не хватало кальция в организме.

Варфоломей использовал парня в качестве щита.

— А ближе подходить не надо, — весело сказал черт, обращаясь прежде всего к тому, у кого обе руки были еще целы. — Я могу уделить вам немного времени. Только мы никуда не поедem. Все, что вы хотите мне

сказать, можно сказать... вон, в «Шоколаднице». Договорились?

— Да. Отпусти его. Черт... — прохрипел серый человек.

Он, похоже, слегка оправился от боли.

— И железку подберите, — сказал Варфоломей серьезно. — Нечего мусорить в таком чудесном мире.

Через несколько минут четверка устроилась за тесным столиком. В кафе было шумно, играла музыка. Парень со сломанной рукой имел бледный вид, губы его сжались в тонкую линию, а в глазах полыхала нескрываемая ненависть. Будь его воля, Варфоломей был бы мертв.

Черт ему улыбнулся. Жутковато.

Первым заговорил «бюрократ», так Варфоломей мысленно назвал человека в сером.

— Меня зовут Алексей Зайцев.

Повисла пауза.

Варфоломей заподозрил, что это имя должно было что-то ему сказать, но не сказало. Черт кивнул, давая понять, что принял к сведению сию важную информацию.

— Это Сергей Мальцев, — Алексей кивнул на парня со сломанной рукой, — а это Эдуард Белый.

У Эдуарда было простое, широкое лицо с россыпью рыжих веснушек. Имя Василий подошло бы ему куда больше.

— Хорошо. Алексей, Эдуард и Сергей, так о чем вы хотели со мной поговорить?

Алексей извлек из внутреннего кармана паспорт и продемонстрировал Варфоломею.

— Да, Алексей Зайцев, — подтвердил черт. — И что?

На щеках «бюрократа» появился слабый румянец.

— Моя семья, — холодно прошелестел он, — уже два века занимается поддержанием баланса. Зайцевы входят в Международный совет по потусторонним делам. Мой долг ограждать мир от пагубного влияния нечисти. Тем более незарегистрированной.

Казалось, столь эмоциональная речь отняла у него все силы. Дальше Зайцев заговорил гораздо спокойнее.

— Мы о вас получили сигнал.

— Какой же? — заинтересовался черт. Он почему-то представил что-то вроде сигнальной ракеты, выпущенной над его головой.

«Бюрократ» открыл оранжевый чемоданчик и достал пухлую папку с бумагами. Как назло, в этот момент появилась официантка с меню.

— Сразу что-то закажете? — с профессиональным радушием

поинтересовалась она.

— Немного подумаем, — за всех ответил Варфоломей.

Когда девушка отошла, черт сказал:

— Так что за сигнал?

— Вот, извольте.

Из папки появился лист бумаги, исписанный размашистым почерком. Это был донос, адресованный сразу нескольким людям. Участковому района, в котором проживал черт, главному врачу психиатрической больницы № 5 и почему-то популярному телеведущему.

Зайцев быстро убрал листок, но Варфоломею удалось заметить, что начинается бумага со следующих слов:

«К нам в подъезд въехал мужик. Мутный он какой-то. Бесов моих к себе забрал, они больше не заходят, а выпивать одному скучно...»

— Мы обязаны реагировать. Проверять, так сказать. Установили слежку и выявили, что вы черт.

Варфоломей пренебрежительно фыркнул, мол, тоже мне открытие.

Зайцев нахмурился и прошелестел:

— Вы пока не были замечены в обычных делах, которыми традиционно занимаются ваши.

— Что? — не понял Варфоломей.

Смысл был скрыт за лютой канцелярщиной.

— Мы бдительно следим за тем, чтобы такие области, как торговля оружием, работоторговля, игорный бизнес оставались человеческой прерогативой и естественной привилегией, — продолжил Алексей. — Это означает, что существует система квот. На сегодняшний день новоприбывшие демоны, черти и другие нелюди не могут заниматься... Вот, сами посмотрите на официальный документ.

Из папки был извлечен следующий лист, на котором красовались красивые печати с разными оккультными символами.

Варфоломей бегло пробежал по бумаге глазами.

— Все до ужаса солидно.

Зайцев не заметил сарказма и серьезно кивнул.

— Но если вы хотите заниматься чем-то из этого перечня (на стол легла еще одна бумага), то необходимо связаться со мной. Вот тут внизу контакты. Мой телефон, электронная почта, вайбер, вотсап, скайп, «Телеграмм» и обычный почтовый адрес. Заявка будет рассмотрена в

течение ста двадцати лет. Если по естественным причинам я не смогу закончить, этим продолжит заниматься один из моих потомков.

— Угу, — откликнулся Варфоломей. — Смотрю, все продумано. Похоже, с вами мир в безопасности. Но я пока как-то не планирую заниматься... э-э-э... — он бегло просмотрел список, — созданием боевых человекоподобных роботов класса А87. Что это вообще такое?

— Это вы сейчас так говорите, — строго сказал Алексей. — Список оставьте себе.

— Я запомню.

Черт вернул бумагу.

— Может быть, вы уже определились, чем будете заниматься? — подозрительно спросил чиновник.

В Варфоломее взвырвало чертово упрямство.

— Может быть, — подтвердил он, сложив руки на груди.

— Озвучите?

— Нет.

Взгляды ненадолго скрестились. Казалось, воздух между чертом и человеком уплотнился и потемнел, чуть потеряв прозрачность. Раунд. Алексей первым отвел глаза. Он сидел, ссутулившись.

— Мы следим за тем, чтобы магия использовалась только в том объеме, который необходим для естественного выживания потусторонних существ. Но не менее важно, чтобы мировой магический фон не был смещен.

Варфоломей почувствовал, что его внимание выключается. Он никак не мог сосредоточиться на том, что нес Алексей. Стало очевидно, что пора уходить и оставить этих людишек с их собственными проблемами.

— К вам могут быть применены разные санкции, если вы станете нарушать, смешивать или блокировать магическую гармонию. Также категорически запрещается увеличивать емкость...

— Слушайте, я не силен в теории магии, — сказал черт. — Вы сами-то понимаете, что говорите?

Варфоломей перешел на адское наречие и весьма красноречиво обобщил понятие «магической гармонии». Он бы объяснил Алексею принципы магического реализма, но черта прервали.

— Вы определились с заказом?

На этот раз девушка была настроена более решительно. Она строго постукивала ручкой по блокноту.

— Еще минуту, — Варфоломей обаятельно ей улыбнулся и заметил имя на бейджике, — Анжела.

— Вообще-то здесь ресторан, и просто так сидеть нельзя, — сказала Анжела, демонстрируя истинное лицо гостеприимства московских кофеен.

Положение спас Эдуард. Он не выдержал и заказал себе кофе. Анжела не спеша пошла передавать заказ баристе. Бросив через плечо полный презрения взгляд, она без слов донесла мысль, что думает о людях, которые занимают хороший столик и заказывают всего одну чашку кофе.

— Ладно, я, пожалуй, пойду, — сказал Варфоломей. — Не особенно было приятно с вами познакомиться. Но к миру у меня никаких претензий, и я разрушать его не планирую. Законы магии попираť тоже не буду. Так что, надеюсь, не увидимся.

Он сделал ударение на «не увидимся». Очень значительно.

Алексей не стал настаивать на продолжении разговора. И только добавил:

— Если бы вы согласились проехать с нами, мы бы вручили вам буклет с правилами поведения в этом мире. Еще у нас есть подарочный комплект для чертей. Туда входит ручка с нашим логотипом и...

Что еще туда входит, черт не дослушал, перебив:

— Не люблю, когда ко мне приставляют ножи. Так что придется как-нибудь прожить без буклета и подарочного комплекта.

Он поднялся и вышел, оставив троицу ждать кофе.

У Алексея Зайцева нервно дернулась щека.

— Чертовы черти, — сказал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к своим коллегам. — Надо установить за ним наблюдение. Желательно круглосуточное.

* * *

Варфоломей вернулся домой, быстро разделся и включил ноутбук. Перед открытием файла черта охватило легкое волнение, даже хвост слегка дрогнул.

Он ушел в чтение с головой. И чем дальше Варфоломей читал, тем более странной казалась история. Открыв белый компьютерный лист, черт принялся печатать. Тут всплыло еще одно досадное препятствие — печатал он куда медленнее, чем воспринимал текст. Мысль таким образом успевала ускользнуть и вывернуться совершенно неожиданным образом.

Но Варфоломей был не из тех, кто пасовал перед трудностями. Он упорно трудился несколько часов, честно пытаясь вникнуть в проблемы героини, некой Эллион, которая решила стать охотницей на фейри.

В качестве отдыха черт почитал в Википедии о фейри и пришел к выводу, что создания эти крайне неприятны, хотя люди склонны ко всякого рода диким придумкам. Чего только про чертей не понаписали! Так что за достоверность информации ручаться не приходилось.

От долгого сидения за компьютером у Варфоломея затекла спина, и он почувствовал, что нужно размяться. Встал, походил по квартире, сжевал шоколадку и пачку «Юбилейного» печенья. Спокойно выпил чаю и какое-то время переписывался с Евой, договариваясь о встрече. Наконец-то эти двое обменялись телефонами.

Черт рассматривал странные значки в сообщении Евы, которые напоминали перевернутые розовые попы, и пытался расшифровать этот культурный код, когда понял, что в доме стоит какая-то странная, даже подозрительная тишина. Обычно бесы возились, сопели, звенели чем-то. Раздавалось их бормотание. А тут — ничего. Глухо.

Это должно было его насторожить и натолкнуть на размышления, но не натолкнуло. Варфоломей спокойно вернулся к ноутбуку и обнаружил следующее. Вместо двадцати страниц текста с переводом «В плену короля фейри» Линсей Данине (между прочим, мирового бестселлера) было написано следующее:

«ЫЫЫВапрооылджргуйтнелдмрчгмп   полоранмпрамт
олрванупдшщцзгарт симмроыовпмс
иероыпвенгвпми   дылвпрамшвапм   шгрмавоотмоврамагрм
ворамоивоармвармоавтмв   улорам   аормовам   рчлор
орсовсролвнкгпшфйзуа90в90900000000000 вораолыфреффбфбб».

Варфоломей оторопел.

— БЕСЫ! — рыкнул он во всю мощь своих легких. Тишина стала еще тише, если такое вообще возможно. Она приобрела осторожность и затаенность. Картина «преступления» была налицо, точнее, на монитор. Судя по всему, бесы прыгали по клавишам в свое удовольствие. Варфоломей попытался вернуться к сохраненной версии, но, как назло, они умудрились нажать сочетание ctrl+S и увековечить набранную ими бессмыслицу.

Ситуация здорово взбесила. Придется все начинать с начала. В сердцах черт захлопнул ноутбук, быстро оделся и отправился прогуляться. На улице как раз поднялся ветер, так что Варфоломей мог остудить свой пыл в прямом смысле. Все-таки нехорошо, когда из ушей валит пар. Дискомфортно. В состоянии «злой как черт» он дошел до ближайшего

парка и побежал по дорожке. Ноги легко несли его вглубь. Напряжение отпускало. Чертом он был отходчивым, но припугнуть бесов стоило, а пробежка способствовала составлению плана мести.

Бегал черт долго, потом еще подтягивался на турнике, который устроили энтузиасты здорового образа жизни. Настроение от физических упражнений улучшилось, и он почти убедил себя, что повторный набор текста будет полезной тренировкой.

Еще он вынес весьма ценный и достаточно универсальный урок, который рано или поздно получают все (рано его получают котовладельцы и родители маленьких детей): отходя от компьютера — включай блокировку или закрывай чертову крышку.

Глава 15

Ева с сомнением посмотрела на телефон, размышляя, правильно ли сделала, отправив Варфоломею сердечки в сообщении. Не слишком ли это... Но главное, в ответ черт сердечек не прислал. Ева пыталась понять, хороший это знак или нет. Она убеждала себя, что сердечки ее совершенно не волнуют, не в них же дело... И потом, вспомнила Ева, она независимая, современная, уверенная в себе женщина, которая может делать любые глупости с полной ответственностью и серьезностью. Так что если она отправила сердечки, то так тому и быть.

Варфоломей собирался прийти к девяти часам: так они условились, а значит, времени, чтобы подготовиться, было достаточно. Ева решила придумать достойный ответ на борщ. Взыграла кулинарная гордость. Не то чтобы она совсем не умела готовить, просто когда живешь одна, нет никакого стимула это делать.

Сделав круг по квартире, она заказала продукты и попыталась сосредоточиться на работе. От переживаний набрала заказов на иллюстрации выше крыши. Видимо, стресс вылился в трудовую жадность.

Но полностью сосредоточиться не получалось. Ева то и дело вставала и раскладывала на кровати разные платья, решая, какое лучше подойдет для вечера. Но главное, какое приятнее будет снимать.

Она отвлекалась на сайты, просматривая рецепты и красивые картинки с процессом приготовления всяких дивных блюд и безумно сложных соусов. Рулет с говядиной с мятным соусом... Курица в медовой корочке с гранатами... От одних названий текли слюнки. На многих сайтах было выставлено время готовки, а также указан уровень сложности.

Сначала Ева изучала рецепты для среднего.

— Нет, нужно быть какой-то чудо-женщиной, чтобы легко и непринужденно это приготовить. Что? Шесть часов суммарное время? Да вы шутите... Откуда у меня столько времени? Так... а это... посмотрим. Снимите курицу с костей... Ну нет, до свидания! Ага! Торт средней сложности. Пф-ф! Только если ты шеф-повар или продал душу за такое умение.

Ева решительно закрыла страницу. В итоге в двадцать тридцать Ева поставила в духовку шарлотку; в двадцать сорок пять на столе очень художественно были разложены приборы и расставлены красивые тарелки, на плите стояла тяжелая чугунная сковородка, а на доске лежали два

больших куска мяса, которые она просто посолила и поперчила. Ева нарезала помидоры и украсила их свежей зеленью. В двадцать пятьдесят пять она уже была в красивом платье с легким, но эффектным макияжем; в двадцать пятьдесят восемь зажгла несколько свечей, отчего атмосфера приобрела праздничный, даже торжественный вид.

Ровно в девять Варфоломей позвонил в дверь. Черти всегда приходят вовремя, особенно туда, где их ждут.

— Привет, — Ева улыбнулась. — В который раз убеждаюсь, что тебе очень идет одежда.

— Привет.

Варфоломей привлек Еву к себе и поцеловал. Со стороны они выглядели как совершенно обычная пара.

Зазвенел таймер в духовке.

— Я сейчас. Раздевайся пока.

Ева вернулась на кухню и достала пирог. У шарлотки самый уютный в мире запах. Аромат печеных яблок сразу дает ощущение тепла и безопасности. Выложив шарлотку на блюдо, Ева посыпала ее сверху серебристо-снежной сахарной пудрой, которая осела легким облачком. Потом пришла очередь корицы. Ева сделала эффектный зигзаг. Главное, чтобы сотворить это маленькое вкусное чудо, не нужно тратить шесть часов.

Варфоломей все еще возился в коридоре и зачем-то открыл входную дверь.

— Вкусно пахнет, — сказал черт.

Ева не повернулась, но на ее губах появилась улыбка. Она как раз включила под сковородкой газ, и металл достаточно разогрелся, чтобы капнуть немного оливкового масла и бросить мясо. Кусочки аппетитно зашипели.

— Как прошел твой день? — спросила Ева и наконец-то повернулась.

Оказалось, что Варфоломей уже успел раздеться (полностью, по своему обыкновению) и теперь стоял в дверях с каким-то большим свертком.

— М-м-м... мясо... — Черт очень кровожадно посмотрел на сковородку. — Сегодня переводил текст. Стоило отвлечься, как бесы умудрились все стереть. Я пошел в парк, размялся немного, и вдруг...

Варфоломей развернул сверток. Там лежало небольшое полено.

— Что это? — подозрительно спросила Ева, сразу прикидывая, как бы потактичнее избавиться от гнилушки.

— Это...

Варфоломей произнес название, в котором было много рычащих согласных. Ева смогла уловить только «хрюль».

— Тебе не нравится?

— Ну нет, почему же не нравится... Эм-м... довольно симпатично. Нравится!

Ева улыбнулась и перевернула мясо на другую сторону. Она вспомнила про дареного коня и его зубы, а также то, что дорого внимание, а не подарок.

— Как думаешь, куда его лучше поставить? — неловко спросила Ева.

Взяв тарелки, она положила на них мясо, сочащееся розовым соком.

— На стол. На мой взгляд, довольно красиво. Не ожидал здесь встретить. Сразу про Ад вспомнил, — поделился Варфоломей.

Ева чуть не спросила: «А что, в Аду тоже есть поленья?», но вовремя прикусила язык. Черт выглядел ужасно довольным.

Они сели за стол. Полено стояло в центре, что несколько портило композицию. Варфоломей быстро поднялся и щелкнул выключателем. Свет в кухне погас. Ева посмотрела на пламя зажженной свечи, а потом перевела взгляд на полено. Оно светилось. Из него прорастали причудливые «цветы». Они слегка покачивались на тонких ножках, переплетались, словно танцевали под одну им слышимую музыку.

— Ого... это же цветы!

Ева протянула руку и почувствовала странный холодок, когда дотронулась до одного «цветка».

Варфоломей с аппетитом поглощал мясо.

— Такого необычного букета мне никогда не дарили.

— Цветы? — удивился Варфоломей. — Хм... я бы так не сказал.

Ева снова посмотрела на полено. Теперь его покрывали светящиеся точки. Как лампочки — новогоднюю елку.

— Оно живое?

— Почти.

Ева немного подумала, а потом поднялась и сходила за высокой стеклянной вазой, куда положила дивное полено. Стекло слегка искажало образы, мягко рассеивая свет, но получившийся светильник был прекрасен.

— Это магия, да? — спросила Ева.

— Самая простая.

Варфоломей быстро закончил с мясом и приступил к шарлотке. Григорий беспрестанно крутился вокруг в попытках выпросить что-нибудь со стола, ну или в крайнем случае — дожидаться подходящего момента.

— Варфоломей, а ты можешь научить меня колдовать?

— Вот это колдовство, — сказал вместо ответа он, прожевав пирог и подцепив еще кусочек. — Превратить яблоки в такое!

Ева почувствовала гордость. Черт ненадолго задумался, тряхнул рогами.

— Я никого колдовать не учил. Но подумаю об этом. Кстати, к тебе бесы не заходили?

— Нет, бесов, к счастью, я не видела.

— Ну а ты видел? — обратился к коту Варфоломей.

Григорий сел и уставился на него хитрым взглядом. Ева наблюдала, как кот и черт играют в гляделки.

— И что он говорит? — усмехнулась Ева.

— Требуется информация своих кошачьих конфет, которые стоят в верхнем шкафчике на второй полке. Торгуется.

Ева поднялась, достала банку с лакомством и протянула Варфоломею.

— Мне уже тоже очень интересно, что он скажет.

Черт вручил коту одну «рыбку». Григорий аккуратно взял ее в зубы и дал деру. Ева была готова поклясться, что убежал кот беззвучно, но издевательски хохоча.

— Он сказал, что бесов не видел.

— Ну, это тоже можно считать информацией, — смеясь, сказала Ева. — Здорово, что вы друг друга понимаете. Это как азбука Морзе работает? Он усами дергает, и ты...

Ева не договорила.

Варфоломей притворно грозно зарычал и подхватил ее на руки.

* * *

Ева устроилась на Варфоломее. Оба лежали уставшие, голые и разнеженные. Простыни были смяты, а одеяло сползло на пол, да так и осталось лежать там. Черт вальяжно перебирал Евины волосы, любуясь цветом прядей, а Ева утыкалась носом в его плечо и временами несильно кусала. Особенно когда он забывал ответить на ее вопрос или пауза была слишком уж длинной.

— А единороги? Единороги существуют?

Глаза ее азартно блеснули.

— Возможно.

— Драконы?

— Хм-м...

— Вампиры?
— Здесь точно нет. Извели.
— Это хорошо. Они мне не нравятся. Эльфы?
— Это еще кто?
— Ну такие... Высокие бледные красавчики с острыми ушами.
— Не вижу причин, почему не могут существовать остроухие мужчины.

Варфоломей вздохнул, Ева, похоже, решила разузнать обо всех существах, населяющих Вселенную. Немедленно.

— Демоны?
— Сколько угодно.

Черт тихо порадовался, что Ева не стала углубляться в эту тему и не попросила перечислить все виды.

— А бесы? Почему их видишь ты и кот, а я не вижу?
— Все еще впереди.
— А...
— Ева!
— Ты же расскажешь мне про Ад? Эй! Не спать!

Ночью Ева проснулась от непривычного звука, который шел из кухни. Легкое скрежетание сменялось раздражающим постукиванием. Она настороженно прислушалась. Это точно был не кот, потому что Григорий лежал в ногах, свернувшись клубочком.

Звук повторился. «Стук-стук-стук», потом «хр-хр-р-р-ш-ш-ш-шр», как будто кто-то проводил ногтями по стеклу.

Ноги Евы стали ледяными. Она вцепилась в одеяло.

— Варфоломей, — тихо позвала Ева, — на кухне кто-то есть.

Черт заворочался и сел, как будто и не спал вовсе. Ева почувствовала себя спокойно.

Варфоломей с шумом поднялся и пошел на кухню.

— Ева, — позвал он через несколько секунд, — иди сюда.

— Что там? — осторожно спросила она и пошла к нему, кутаясь в одеяло.

Оказалось, что полено-подарок Варфоломея стоял на подоконнике и покачивался.

— Но как? — Ева посмотрела на пустую вазу, которая стояла на столе. — Оно что — перелетело?

— На улицу хочет, — сказал Варфоломей.

Ева подошла поближе и заметила, что «полено» выпустило сотню маленьких ножек, которые скреблись о стекло. Взвизгнув, дернула ручку и

распахнула окно. «Подарок» Варфоломея стремительно рванулся к свободе и растворился в ночной тьме.

— У него ножки. Оно летает! ВАРФОЛОМЕЙ! Почему ты не сказал?

У черта был самый невинный вид.

— Всегда говори, чего ожидать, а то я чуть было не... Ой, кошмар! Ты видел? Оно летает?

— Из него делают мазь для полетов, — сообщил Варфоломей.

— Извини, — спохватилась Ева, — твой подарок улетел. Я просто запаниковала. У него была куча таких маленьких ножек Это ужасно. И они все «шур-шур» по стеклу. Лучше бы оно просто светилось. За ужином было красиво. Оно хоть не опасное?

— Ева, я бы никогда не стал подвергать тебя опасности, — ответил Варфоломей очень серьезно.

* * *

На следующий день Ева предложила Варфоломею избавиться от «плохой кармы с переводами» и поработать над текстом у нее. Тут выявились все плюсы проживания в одном подъезде. Варфоломей сходил за ноутбуком и вернулся через несколько минут.

Ева за это время сварила маленькую кастрюльку кофе. В турке получалось слишком мало для двоих, а большого кофейника в доме не было. Она явила еще одно кулинарное микрочудо, которое пришлось черту по вкусу: яичница с помидорами и колбасой.

Закончив завтрак вчерашней шарлоткой, оба уютно расположились по углам. Григорий пытался всех контролировать и спал то около одного, то около другого.

Варфоломей снова набросился на перевод. Присутствие Евы вдохновляло, ему нравилось, как шуршала кисть по бумаге — это помогало концентрироваться. Нравилось, как пахло в доме. Варфоломей вдохнул аромат печеных яблок с корицей, магии, недавней страстной любви и кофе.

Черт печатал сегодня гораздо быстрее.

«Эллион вытерла кинжал, испачканный в зеленой крови поверженного фейри, и выпрямилась. Поймав свое отражение в оконном стекле, она убедилась, что ее платья из тяжелого красного шелка выглядит все так же совершенно...»

Варфоломей порадовался, что на этот раз состоянию платья уделили не слишком много времени. Он пришел к выводу, что люди придают просто огромное значение выбору одежды. Эта Эллион если не убивала фейри, то наряжалась. И, судя по всему, выбор платьев у нее был просто огромен. А впереди ждало ужасающее количество страниц.

«Вдруг за ее спиной раздался тихий вздох. Эллион резко повернулась... Ее взгляд встретился с пылающими глазами фейри...»

Ага, вот, похоже, и король. Варфоломей перевел эпичную битву. На пяти листах эти двое бросали друг друга в стены, разносили дубовую мебель в щепки, не говоря уже об оконных стеклах, случайных вазочках и очень дорогих статуэтках из слоновой кости.

Похоже, король фейри совершил тактическую ошибку: он слегка порвал платье. Ух! От этого у Эллион открылось второе дыхание. Она почти победила, но тут король применил одно хитрое заклинание...

— Нет! — Варфоломей отложил ноутбук. — Это поразительно! Почему этот самый фейри не мог сразу применить колдовство? Чего ждал? Я сижу, перевожу эту бессмысленную битву, и на пятой странице он, понимаешь ли, вспомнил!

Ева подошла и почесала Варфоломею лоб между рогов.

— Ну мало ли? Не сообразил сразу. Забыл.

Черт возмущенно фыркнул.

Ева взяла листок бумаги и сделала набросок. Изобразила Варфоломея, склонившегося над компьютером.

— О, похоже, король фейри захватил в плен Эллион, поместил ее в свой дворец, и...

Несколько минут черт читал. Было слышно только, как клацало колесико мышки, когда он пролистывал страницу вниз.

— И она планомерно начала портить ему жизнь, — вынес он вердикт. — Интересно, дальше сказано, почему он это терпит?

— Варфоломей? — задумчиво позвала Ева.

Она отложила набросок и теперь валялась на кровати, почесывая коту пузо. Григорий благосклонно принимал ласку.

— М-м-м... — отозвался черт.

Теперь у него получалось печатать пятью пальцами из десяти, и не нужно было постоянно смотреть на клавиатуру.

— Слушай, а как тебя дома называют? — спросила Ева.

— Так... секунду... кажется, она собирается его соблазнить и «страсть пылает ярким факелом». М-да, странно. Каким таким факелом? И любят слово «пылающий»: уже раз десять что-нибудь пылает. Что ты спросила?

Варфоломей порадовался неожиданной передышке.

— Я спросила, как тебя называли дома? Как твое имя в Аду сокращали?

— Никак!

От такого абсурдного предположения Варфоломей снова фыркнул.

— Что, у тебя никогда не было домашнего прозвища?

— Нет.

Ева перебралась поближе к Варфоломею:

— Вот так все время и называли — Варфоломей?

— Конечно.

Черт скосил глаза на монитор и еще раз перечитал получившийся абзац. Выходила чушь. Автор совершенно запутался с метафорами.

— Варфоломеюшка, сделать тебе чаю? — спросила Ева с хитрым видом.

Черт заметил маневр, глаза его сощурились.

— Я придумала, — сказала Ева как ни в чем не бывало. — Буду называть тебя Варфоломейчик.

Варфоломей три раза посчитал количество букв.

— Но получается же длиннее?

Черт вступил на скользкую дорожку.

— Ну и что, — сказала Ева, пожимая плечами. — Хорошо же звучит?

— Неплохо, — согласился Варфоломей и проницательно заметил: — Но ты же спрашивала про СОКРАЩЕННОЕ имя.

Ева посмотрела на него долгим ласковым взглядом из серии «ничего-то ты не понимаешь».

— Я пойду делать себе чай. Если надумаешь — кричи.

Не нужно пытаться понять, объяснить и тем более победить женскую логику. Варфоломей усмехнулся и с затаенной нежностью пробормотал себе под нос:

— Человечек.

Ева высунулась из коридора:

— Ты что-то сказал?

— Нет, ничего.

В тот день Варфоломей так и не ушел от Евы.

Они не делали никаких громких заявлений. Никто из них не сказал: «Слушай, а давай попробуем...», или «У нас с тобой отношения», или что-

то еще в том же духе.

Они ничего не планировали. Не думали, надолго ли они вместе. Наоборот, оба старательно избегали любых разговоров о будущем. Просто были — и все. Ева и Варфоломей совершенно неожиданно для самих себя оставили одиночество в прошлом.

Глава 16

Постепенно две жизни проникали друг в друга и сливались. Это происходило легко... и на удивление комфортно.

Ева постепенно захватывала территорию. Как признак того, что она рядом, в доме Варфоломея незаметно стали появляться ее вещи. Все началось с зубной щетки. Потом в ящике комода завелась майка. Еще Ева планировала «забыть» свою расческу и, возможно, помаду на зеркале. Не специально, конечно. Исключительно для удобства. Но все-таки было в этом что-то очень древнее, всплывшее из глубин подсознания: в случае внезапного появления соперницы «в пещере» вещи должны свидетельствовать, что место рядом с этим мужчиной уже занято и ловить здесь нечего.

Ева вернулась из театра, где обсуждала новые эскизы костюмов. Вместо того чтобы идти к себе, поднялась на этаж Варфоломея. Кивнула старушке-соседке, которая как раз вкатывала к себе сумку-тележку, доверху набитую продуктами. Бабулька не улыбнулась, а одарила Еву подозрительным взглядом, мол, «ходят тут всякие». Ева невольно густо покраснела и толкнула дверь в квартиру.

Пройдя в комнату, она обнаружила черта за следующим занятием: он сидел на полу, а вокруг лежали прутья, из которых Варфоломей ловко плел что-то вроде маленькой корзинки.

— Ты почему дверь открытой держишь? Не знаю, как в Аду, но в Москве это небезопасно.

Ева поцеловала черта в щеку и потерла кончик его рога.

— Я же знал, что ты придешь, — ответил Варфоломей и тоже поцеловал Еву.

— Что это?

— Ловушка, — последовал лаконичный ответ.

Не зря говорят «злопамятный, как черт». Несмотря на то что Варфоломей продвигался в переводе книги нереально, нечеловечески быстро, он помнил, как бесы стерли результат его труда в первый день.

— Приманку я уже приготовил, — черт кивнул на комок черной смолы с воткнутыми перьями и обычными канцелярскими скрепками. — Бесы могут не появляться, но против этого не устоят.

Ева смотрела, как быстро и ловко работают его пальцы.

— И что ты с ними сделаешь, когда поймашь?

— Будут сидеть и думать о своем поведении, — отрезал Варфоломей.

Черт планировал дьявольскую хитрость: решил сплести две ловушки. Одну Варфоломей хотел оставить в своей квартире, а вторую собирался отнести к Еве.

Он не говорил об этом, но считал, что бесы и Евин кот состоят в сговоре. Неопровержимых доказательств не имелось, но черт был уверен, что Григорий тайно подкармливает их своим сухим кормом. В благодарность бесы приходят, когда Евы и Варфоломея нет дома, разрешают Григорию себя хорошенько погонять и ведут с ним долгие проникновенные беседы. В пользу этой теории говорило то, что кот подозрительно постройнел. Мышцы под шкурой так и перекачивались. Но какого-то серьезного стимула к физическим упражнениям у кота не было. И смотрел Григорий на Варфоломея с видом явного превосходства. Хотя, конечно, коты на всех смотрят с выражением: «Я кот, а чего добился ты», в этом взгляде светилось что-то особенное.

Варфоломей умел ждать. Он знал, что поймает бесов.

Ева села рядом с чертом, скрестив ноги по-турецки.

— Какое красивое плетение!

Как художник она ценила изящество во всех его проявлениях.

— Хочешь попробовать?

Варфоломей устроился позади Евы и вложил в руки недоделанную ловушку, направляя пальцы.

— Это магическая вещица, — сказал черт. — Так что считай, что сейчас мы колдуем. Немножечко.

— Но как это работает? Я не чувствую ничего особенного.

Ева быстро поняла принцип, и под чутким руководством Варфоломея сделала несколько рядов.

— Совсем ничего?

Черт придвинулся ближе и принялся покусывать Еве шею.

— Ау...

— А так?

Черт продолжил.

— М-м-м...

Пальцы Евы ослабли, она хотела отложить ловушку, но...

— Она светится, Варфоломей! — сказала Ева. — Я опять вижу свет. Вот здесь — красный, а тут — ярко-желтый... Как чертов светофор.

Варфоломей тихо засмеялся.

— Вот! Хорошо! Видишь, эти пятна образуют рисунок. Мы плетем по нему... Это удержит бесов.

— А заклинания? Нужно что-нибудь сказать?

— Не обязательно. Нет, здесь нужно загнуть в другую сторону. Давай я.

Черт быстро закончил плетение. По форме законченная ловушка напоминала яйцо. В центре было круглое отверстие, внутри располагалась приманка.

Ева (с помощью Варфоломея) сплела треть второй ловушки.

— Теперь чувствуешь магию? — спросил черт, насмешливо наблюдая за Евой.

Она прислушалась к своим ощущениям.

Кончики пальцев стали очень горячими, а сама Ева дрожала. Ее переполняли эмоции, она испытывала небывалый душевный подъем и... возбуждение.

— Не знаю, как насчет магии, — Ева улыбнулась, — но я ужасно хочу тебя. Прямо сейчас.

— У тебя или у меня сегодня ночуем? — спросил черт, страстно ее целуя.

* * *

Как-то само собой сложилось, что на неделе четыре ночи Варфоломей жил у Евы, а три ночи — Ева у Варфоломея. Третью жизни человек проводит во сне. Черты тоже не дураки подряхнуть. А значит, это значительная часть времяпрепровождения пары.

Ева и Варфоломей вообще много времени нежились в постели. У Евы был удобнее матрас. А еще огромное одеяло, которое не нужно перетягивать, под ним можно было вольготно разместиться вдвоем.

Варфоломей часто обнимал Еву во сне, прижимая к себе. От этого она просыпалась, долго смотрела в темноту, вздыхала, но не шевелилась. Терпела это странно-приятное покусение на свою свободу.

Ей даже начало нравиться, что она просыпается ночью и чувствует себя совершенно защищенной, окутанной заботой. Но было одно неудобство. Ева любила спать голой, и мех Варфоломея покалывал кожу. Попробуйте долго полежать в шерстяном свитере под одеялом...

Проснувшись утром, Ева уже привычным движением тронула Варфоломея за плечо и подумала: «Вот бы его мех был мягким и шелковистым». А потом ее осенило: все в ее руках!

Это было чистое вдохновение.

Ева вскочила и побежала в ванную. Там, в шкафчике под раковиной, в самом дальнем углу, стоял шампунь, купленный в порыве расточительной щедрости специально для Григория. Григорий ненавидел мыться и, прицельно орудуя когтями, пресекал любые попытки затащить его в ванную и сунуть под струю воды. Так что шампунь так и не был открыт.

Ева перечитала этикетку: масло норки, кокосовое масло... И целый список других замечательных ингредиентов, которые были собраны во флакон с одной целью — «сделать мех вашего питомца мягким и шелковистым».

Ева хищно ухмыльнулась и содрала этикетку. Затем включила воду.

— Варфоломейчик, просыпайся, я кое-что придумала. Давай примем ванну вместе, — ворковала она минутой позже, чуть ли не подпрыгивая на месте от нетерпения.

Не давая черту опомниться, Ева решительно потащила его за собой. Варфоломей все еще находился в сонной неге и не сопротивлялся, а лишь удивился тому, как ярко блестят ее глаза.

У Евы был четкий план. Она настойчиво затолкала черта в ванну, схватила флакон и принялась тщательно намыливать кошачьим шампунем.

— Эм... Я думал, ты ко мне присоединишься.

— Угу, — сказала Ева, продолжая деловито взбивать пену.

— Приятный запах, — поделился Варфоломей.

Ева загадочно улыбнулась.

— Руку подними, пожалуйста, — скомандовала она.

Варфоломей все-таки втянул Еву к себе в ванну, но отвлечь ее получилось только отчасти. Когда женщина знает, чего хочет, она подобна урагану.

Варфоломей вытирался, а ураган вооружился феном.

— Вот черт!

Ева удивленно вздохнула, а потом прижалась к Варфоломею всем телом.

— Что?

— О! Это блаженство, — мурлыкнула она. — Ты... ты... Такой мягкий, м-м-м... Невероятно.

— Действительно, — сказал Варфоломей, проводя ладонью по груди. — А что это?

Он протянул руку к флакону.

— Да так...

Ева подумала о том, что есть всякие кондиционеры для котов, и пришла в восторг от открывшихся перспектив. Мех Варфоломея станет еще

и блестящим!

Говорят, женщины не могут изменить мужчину, не могут сделать мягче. Могут. Варфоломей стал. И ему эту понравилось.

Ева с Варфоломеем вышли из ванной. Ноздри черта хищно раздулись.

— Ага! Попались! — зарычал он и бросился в комнату.

Ева поспешила за ним. Варфоломей уже сжимал в руках бесоловушку.

— Попались! — повторил Варфоломей. — Я знал, знал, что они с Григорием сговорились и тут где-то шастают!

— Можно на них посмотреть? — спросила Ева.

Как она ни пыталась заглянуть внутрь, ничего не увидела. Пробовала посветить фонариком, но на первый взгляд ловушка была пустой. Хотя стала достаточно тяжелой.

Кот прибежал поучаствовать в утреннем переполохе.

— Вот они, твои друзья. Попались! — торжествовал черт, сунув Григорию под нос ловушку.

Кот соорудил равнодушную мину и даже отвернулся.

Настроение у Варфоломея было просто прекрасным. За завтраком он оживленно болтал.

— Знаешь, Ева, а я почти закончил перевод, — с гордостью сказал он.

— О! Очень здорово. — Ева была искренне рада за Варфоломея. — Целый роман. Я вот терпеть не могу писать. Рисовать гораздо приятнее.

— Мне что в переводах нравится, так это то, что не надо ни с кем общаться. Как закончу — просто отправлю его в редакцию. Вжух! — и все.

Черт взмахнул рукой. В это время из комнаты раздалось душевное и очень печальное пение:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Ева отложила бутерброд с сыром. Глаза ее стали круглыми, как блюдца.

— Это что? Твой мобильный?

Идет он густою тайгой,
Где пташки одни лишь поют,
Котел его сбоку тревожит,

Сухарики с ложками бьют.

Пение стало до того проникновенным, что на глаза наворачивались слезы.

— Нет, какой мобильный. Это бесы воют, — сообщил Варфоломей.

Он подпер рукой щеку и прислушался. Его арестанты не подвели и грянули:

На нем рубашонка худая,
И множество разных заплат,
Шапчонка на нем арестанта
И рваный тюремный халат.

— Они поют... Это потрясающе, — сказала Ева.

Но она переоценила свою любовь к музыке. Точнее, недооценила бесов. Те не затыкались: завывали песни без перерывов. Надо сказать, репертуар был достаточно богатый. Тематический. Бесы почти не повторялись. «Почти», потому что особой любовью у них пользовалась «Мурка». Ева не подозревала, что эта песня имеет столько вариаций.

Концерт начал утомлять.

Черт взял ловушку и засунул ее под подушку. Пение стало глуше, но не прекратилось.

— Они там не задохнутся? — поинтересовалась Ева.

— Нет. Все будет в порядке.

К подушке прибавилась еще одна, потом одеяло сверху, но шансон так просто не победить. И не заглушить. Бесы утроили усилия.

Варфоломей вынес ловушку в ванную комнату. Но тут восстали соседи. Никогда не пытайтесь делиться секретами в ванной или туалете многоквартирного дома! Там звукоизоляция ни к черту. Вежливо, но настойчиво сосед справа попросил Еву (Варфоломею она не разрешила открывать дверь неодетым) выключить музыку. Еще он очень странно смотрел. «Художница, а такую музыку врубает на полную катушку», — прочла Ева укор в его глазах. Пришлось извиняться. Она лихо соврала, что готовит спектакль.

— Варфоломей, — взмолилась Ева после того, как разгневанный сосед, оправляя растянутую майку, скрылся за дверями, — Варфоломей, ты же хотел наказать бесов, а не нас. Так, может, выпустим их?

— Нет, — сказал черт. — Они должны посидеть еще.

Ева вздохнула, и тут ее осенило. И как это они с Варфоломеем раньше не додумались до такого простого и эффективного решения?

— Варфоломей, может, сходим куда-нибудь? И давай бесов отнесем к тебе. Пусть себе поют. А я не могу больше.

Она засмеялась от облегчения.

Так быстро Ева еще не собиралась. Джинсы, белая рубашка, легкий кардиган и эффектно завязанный шарф — ровно тридцать секунд.

Бесы были упорны, они продолжали голосить всю дорогу до квартиры Варфоломея. Но как только Ева и черт ушли, немедленно замолчали. Артисту нужны зрители, писателю — читатели, а певцу — слушатели. Ни один талант не должен просто распыляться в воздухе. Это неинтересно.

— Давай их выпустим, когда вернемся? — снова попросила Ева на улице.

Варфоломей сдержанно кивнул.

На московских улицах чувствовалось скорое приближение осени. В кронах берез уже появились первые рыжие пряди, и воздух приобрел ту особенную «хрустальность», которая предшествует холодам.

Варфоломей и Ева шли рядом и выглядели как самая обычная пара. Никто особенно не обращал на них внимания. Просто люди, просто в круговороте большого города. Но сердце Евы отчаянно билось. Это их первый совместный выход. Конечно, они гуляли по Венеции, но тогда Ева не подозревала, что рядом с ней черт. А сейчас она нервничала. Дома Варфоломей не воспринимался слишком «другим». Но перемена обстановки всколыхнула в Еве беспокойство. То и дело она украдкой смотрела на рога Варфоломея. Хвост тоже беспокоил, но не так сильно. И все казалось, что кто-то обязательно заметит.

Вот, например, та женщина в длинной юбке и ужасных колготках в ромбик. Почему она так пристально смотрит на Варфоломея? Или вон тот хипстер-студент в узеньких ярких джинсах. Так и пялится! Или, может быть, это из-за толстых линз очков его глаза кажутся такими выпученными?

Ева с шумом втянула воздух.

Варфоломей подхватил ее под руку.

— Ты чего? — спросил он и игриво пошлепал по ее бедру хвостом.

— Эм... ничего, — вздрогнув, отозвалась Ева. — Все нормально.

Она сдавленно улыбнулась. Обычно женщина думает о нескольких вещах одновременно, но сейчас все мысли были сосредоточены на одном: «Я иду по улице с чертом. Я иду с чертом. Мой мужчина — черт. Вот

черт!»

Какое-то время она держалась, а потом снова принялась сверлить взглядом рога Варфоломея. В темноте кинозала ее немного отпустило. Ева почти смотрела фильм и даже смеялась шуткам. Потом они сидели в ресторанчике и ели бургеры. Было достаточно шумно, играла музыка.

Ева огляделась.

— Варфоломей, — спросила она, — а твои... м-м-м... рожки... Люди точно не могут увидеть?

Черт пожал плечами:

— Обычные — нет.

— То есть ведьмы могут? — уточнила Ева.

— Скорее всего.

Варфоломей откусил большой кусок.

— Отличный соус, — сказал он.

Ева замялась:

— А здесь, в Москве, много ведьм? — поинтересовалась она, чувствуя нехорошее беспокойство.

— Не знаю, — честно ответил Варфоломей. — Вообще-то это большой город. В Венеции видел нескольких.

Сообщение о ведьмах Еве не слишком понравилось. Человеку свойственно ощущать себя уникальным.

— А чертей? — последовал следующий вопрос. Чертей здесь тоже много?

— Вот чертей мало.

Беспокойство Евы усилилось.

— А ты с кем-нибудь из них общаешься?

— Да.

— Ух ты! Интересно... А женщины... Кстати, как называются черти-женщины? Чертихи? Чертовки?

Варфоломей улыбнулся.

— Демоницы или демонессы.

Ева почувствовала легкую досаду, к которой примешивалась внезапная ревность. Она ждала, что Варфоломей как-то разовьет тему, но он просто продолжил жевать свой бургер и заедать его картошкой. Как ни в чем не бывало.

Когда Ева уже решила, что черт больше ничего не скажет, он все-таки поделился неожиданной мыслью.

— На демоницу ты, Ева, совершенно не похожа.

— Да? А почему?

Внутренний голос ехидно указал Еве, что у нее нет ни рогов, ни хвоста.

Варфоломей сощурился.

— Бери картошку, — предложил он.

Ева захватила соленый ломтик и, окунув в соус, отправила в рот.

— Ты красивая.

Женщины любят ушами. Ева порадовалась. Еще она немедленно сделала вывод, что демоницы страшные, а это было приятно и улучшало настроение.

— Ты не агрессивна, — продолжал черт.

«Ого! Они еще и злые».

— ...очень нежная, мягкая и совсем не властная.

Варфоломей наклонился поближе к Еве и прошептал ей на ухо, от чего по ее телу побежали мурашки:

— Ты совсем не больно кусаешься. Очень мило.

— Как можно мило кусаться? — рассмеялась Ева. Она придвинулась к черту, и они сидели очень близко.

— Вот, я сам удивлен. — Черт откровенно забавлялся. Он положил руку на талию Евы. — И что мне очень нравится — не царапаешься, — подытожил Варфоломей.

— М-м-м... но я могу царапаться!

Ева продемонстрировала аккуратные короткие ноготки с красным шеллаком.

Варфоломей рассмеялся.

* * *

Алексей Зайцев устало потер глаза. Белый холодный свет ламп раздражал. Да еще сегодня вытяжки и кондиционеры шумели особенно громко и назойливо. Или это признаки приближающейся мигрени? Все-таки тяжело двенадцать часов проводить под землей. Он мечтал, чтобы в кабинете было окно и можно было смотреть на настоящую улицу, а не на фотообои. Но секретность не позволяла. Все убежища располагались глубоко под землей, и не в самых приятных местах. По большей части в промзонах, которых в Москве в избытке.

Алексей провел рукой по зеленому сукну стола, взял тяжелое бронзовое пресс-папье и приложил к виску.

А еще лучше поехать куда-нибудь в отпуск. Послать все к черту и не

думать про демонов, ведьм и прочих потусторонних тварей. Но нельзя, нельзя.

— Входи, Толя. Как там, на поверхности? Докладывай. Что этот черт Варфоломей?

Толстый зеленый ковер заглушил шаги, но Алексей все равно болезненно поморщился, когда оперативник вошел.

Скрипнул стул.

— Черт в основном дома сидит. Но сегодня вылез. Был с ведьмой.

На зеленое сукно легла фотография.

— С ведьмой? Интересно. С кем-нибудь встречались?

— Неа. В кино ходили. Потом ели, о чем-то говорили, но слишком шумно было, а близко подходить я побоялся.

— Правильно. Не надо пока «близко».

Алексей взял фотографию и принялся внимательно рассматривать.

— О ней что-нибудь известно? Силы, возраст, чем занимается? Где живет?

— В нашей базе нет ничего. Пробиваем. Но живет в том же доме, что и Варфоломей, даже в одном подъезде. Подозрительное совпадение.

— Да. А почему ты, Толик, решил, что она ведьма?

— Ну, не демоница, — последовал лаконичный ответ. — А с кем еще черту быть?

— Действительно, — кивнул Зайцев.

— Устало выглядите, Алексей Семенович, вам бы отдохнуть.

— Рад бы в Рай, да сам знаешь, — улыбнулся Алексей.

Толик знал. Он был идейным и отпуска себе не позволял уже давно.

— И когда уже мы на земле своей будем хозяевами? А то ходят всякие, топчут.

Алексей не дал оперативнику сесть на любимого конька и перебил:

— Лучше скажи, чем черт занимается? Они же без работы не могут.

— Выясняем. Пока не удалось связать его ни с одной известной нам группой. Подозрительно тихо себя ведет. Городской телефон прослушиваем, но он им вообще не пользуется. Перехватили заказное письмо на почте.

— И кто же ему пишет?

Алексей подался вперед, обычная меланхоличность сменилась хищностью гончей, готовой взять след.

Толик замялся.

— Я снял копию. Могу сказать, что с такой схемой мы еще не сталкивались. Перехватили договор на перевод текста. Книги, если быть

точным.

Зайцев нахмурился.

— И что это за текст?

— Не знаем.

— Слишком многого не знаем! — в голосе Алексея зазвучала плохо подавляемая злоба. Виски и затылок взорвались болью, взгляд заволокла пелена. — Узнайте все о ведьме. И я хочу прочитать этот чертов текст!

Глава 17

Варфоломей стал часто бегать в парке. Это отлично помогало вернуть бодрость и проветрить мысли. Тем более что король фейри последние пятьдесят страниц вел себя откровенно странно и толкал свою страну к глубокому экономическому кризису.

Черт искренне сочувствовал волшебному народу, потому что просвета не предвиделось. От полного и быстрого истребления их спасало только то, что охотники за фейри резко бросили свое занятие и просто исчезли из книги.

Пробежав еще круг, Варфоломей привычно кивнул парню в низко надвинутой шапочке. Тот тоже бегал. Во сколько бы черт ни отправился на пробежку, этот фанат спорта был уже там.

На обратном пути Варфоломей заглянул в почтовый ящик; среди разного бумажного «спама» лежал конверт. Бумага была кремовой и плотной. Внутри оказалась карточка, на которой каллиграфическим почерком было выведено:

«Имеем честь пригласить на наше торжество черта Варфоломея. Будет маскарад. Приходить в маске и в костюме.

Амадей и Вера».

Ниже в завитушках стояли число, время и адрес. Вечеринка намечалась ровно через неделю.

Варфоломей поднялся к Еве. Григорий по обыкновению вышел его встречать, высоко подняв хвост. Черт почесал ему спину. Бесы прошли на цыпочках, очень стараясь не дышать перегаром. После того как их выпустили из ловушки, они увлеклись празднованием этого события. Варфоломей решил, что позже сделает им внушение.

— Привет! — крикнула Ева. — У меня тут процесс...

Черт зашел в комнату. Ева склонилась над листом, на котором растекалась краска. Он невольно залюбовался. Писать акварелью — это все равно что управлять стихией. Немножечко магия. Но краска была послушна Евиной кисти.

— Ну вот... Теперь нужно, чтобы высохло, а потом еще раз...

Ева встала из-за стола и заметила в руках черта карточку.

— Ух, как красиво написано. Похоже, пером и чернилами. — Она взяла карточку и повертела. — Приглашение? Это от... твоих друзей? Амадей и Вера, они?..

— Черт и ведьма, — развеял Евины сомнения Варфоломей.

Ева вернула приглашение:

— Ты пойдешь?

— Да, нужно сходить, — подтвердил черт. — Единственное — пока не знаю, что делать с костюмом и маской.

Ева лихорадочно прокручивала в голове варианты развития событий. Варфоломей пригласит ее пойти с ним. А она не то чтобы готова знакомиться с ведьмами, чертями и прочей нечистью. Ладно, ее черт замечательный. А другие? Мало ли какие у них там порядки. И как себя ведут черти, когда сбиваются в кучу? Может, они как саранча? По одному очень даже, а вместе... ух!

Беспокоил и другой вариант. А если Варфоломей не пригласит ее пойти с ним? Не захочет знакомить со своими друзьями. Что это будет значить? Вдруг он стесняется, что она человек?

Ведьмой себя Ева не чувствовала.

— И как же там будет? Как черти развлекаются? — аккуратно спросила она.

— Не знаю, что там Амадей придумает, но очень надеюсь, никакой оперы. Вера ведьма строгая, поэтому...

Варфоломей чуть было не сболтнул: «Оргия вряд ли намечается», — но вовремя остановился. Заминка от Евы не укрылась.

— Так что?..

— Ну... будет тихое семейное торжество, — уверенно сказал черт.

— С маскарадом? Тихое?

В голосе Варфоломея все-таки появилась нотка сомнения.

— Скорее всего...

— Слушай, это так здорово! А в Аду проводятся маскарады? Вы наряжаетесь?

— Одежда — это ваша местная человеческая придумка. Ну, может, еще демоны... этим занимаются. Но маскарады у нас бывают, — подтвердил черт.

— А как же маскарад без костюма?

— Мы надеваем маски. Еще можно рога украсить.

Глаза Евы загорелись:

— Как украсить?

— ...покрыть золотом или серебром, например.

— О, — Ева почти застонала от восторга, — я хочу это увидеть. Можно я покрашу тебе рога серебряной краской? Пожалуйста. Тебе пойдет.

Она радостно рассмеялась. Варфоломей тоже улыбнулся.

— Некоторые еще дальше идут, чтобы их не узнали. Они мех перекрашивают.

— В какой цвет?

— В черный, естественно, — поведал Варфоломей шокирующую истину.

Так Ева не смеялась уже давно. На глаза навернулись слезы. Даже пришлось схватиться за черта, чтобы не упасть.

— И ты? Ты тоже красил свой мех?

— Нет. В моем случае это было бы просто смешно, — сказал Варфоломей. — Как будто я хочу замаскировать белый цвет.

— Загадочно. А что еще вы делаете? Как веселитесь?

— Танцуем.

— О, я так хочу на это посмотреть! — повторила Ева и резко замолчала.

Вот черт! Это прозвучало как намек и выглядело, словно она хочет пойти с Варфоломеем. Навязывается.

Но, к счастью, мужчины очень искусно поддерживают миф о том, что совершенно не понимают полутонов и намеков. Поэтому Варфоломей все понял, но виду не показал. Хотя и задумался, стоит ли познакомить Еву с Амадеем и Верой.

Но поскольку впереди еще была неделя, а нормальные черти решают все в последний момент, он с радостью отложил принятие решения.

* * *

— Алексей Семенович, удалось перехватить текст, над которым работал черт. Наши волшебники из техотдела взломали его электронную почту. Распечатали в двух экземплярах. Аналитиков уже подключили. Ищут коды. Пока алгоритмы проверки ничего не дали.

На стол легла пухлая папка с грифом «Совершенно секретно».

— Спасибо, Толя.

Зайцев взял папку и присвистнул, заглянув в конец:

— Триста двадцать страниц. Нехило.

Борцы с нечистью уставились на титульный лист, где крупно стояло: «В плену короля фейри».

— Ему вчера пришел еще один текст. На английском языке. Про шипы и какой-то трон.

— Что-то готовится, помяни мое слово. Что-то готовится. Усилить слежку, чтобы мы знали каждый шаг, — сказал Зайцев.

— И еще одно...

Толик замялся.

— Ну? Говори, — подбодрил Алексей.

— Из издательства черту пришли платежные документы. Тут тоже непонятно. Обещают заплатить очень странную сумму, да еще и через месяц только. Не так много этот Варфоломей взял за работу.

— А может, это никакая не оплата, а что-то другое? Число зверя. Ключ к вратам бесконечности, номер сейфовой ячейки... Проверяете? — поинтересовался Зайцев. — В общем, следите, и чтобы каждый вдох им нашего родного воздуха стал нам известен.

Толик поднялся.

— Разрешите выполнять?

— Выполняй.

Когда Толик ушел, Зайцев погрузился в чтение. Глаза напряженно вглядывались в черные строчки. Некоторые фразы Алексей подчеркивал красным карандашом. Тревожно шуршали страницы. Чем дальше он читал, тем глубже становилась складка между бровями. Мужчина не вставал из-за стола шесть часов. Не ел. Благо под рукой стоял графин с водой, а то обезвоживание было бы обеспечено.

Перелистнув последнюю страницу, Зайцев откинулся на стуле и позволил себе потянуться, хрустнув спиной. Руки чуть заметно дрожали, когда он снял трубку старомодного телефона и набрал на диске «один-шесть-шесть-шесть-шесть».

В трубке прозвучали два гудка, затем повисло напряженное молчание.

— Код черный, — весомо сообщил Алексей и повесил трубку.

* * *

— Давай целый день сегодня проведем в постели? Выключим все телефоны? У нас же может быть выходной? — сказала Ева и потянулась, выставив вперед руки. — Тем более что погода ужасная. Хотя можем сходить в планетарий. В Аду наверняка нельзя посмотреть на звезды.

— Выходной — дело, конечно, хорошее... — протянул черт, но слегка нахмурился.

Ева нежно коснулась его лба и разгладила складочку. Варфоломей осторожно поймал ее руку и положил себе на грудь. Ева чувствовала, как ровно бьется его сердце.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Да новый перевод покоя не дает. Прислали текст из редакции.

Черт поднялся и принес ноутбук в постель.

— Вот, посмотри сама.

Он открыл документ, выждал минуту и нетерпеливо спросил:

— Видишь?

Ева не настолько хорошо знала английский, чтобы вот так с ходу вникнуть. Она уловила, что сцена любовная, но подробности ускользали. К тому же успела прочитать всего один абзац.

— Я так быстро не могу. В чем проблема?

Ева легла на бок, подложив ладонь под голову.

Глаза Варфоломея вспыхнули опасным огнем.

— Я тебе сейчас прочитаю. Если переводить дословно... — Черт развернул к себе компьютер и сосредоточился: — Вот! «Его разгоряченные губы, — он выдержал паузу, — неистово скользили по ее груди, вбирая напряженные горошины страсти».

Ева скривилась:

— На слюнях скользили, что ли?

— Не знаю. Слушай дальше. Так. «Его бархатное копьё провалилось в ее темные глубины страсти». Снова страсть. Повтор — это нехорошо. И бархат, он же мягкий...

Ева покачала головой:

— Что-то мягкое провалилось в неизвестность! О, как мило!

— Это еще не все! Они еще страницу друг друга облизывают, и их языки живут своей жизнью. А если немного помнить анатомию, то, кажется, отдельно от тела. Потому что я не представляю, как можно достать языком...

— Только не читай! Не хочу это знать! Тяжелая у тебя работа, Варфоломейчик.

Ева зарылась лицом в подушку. Тело сотрясал беззвучный смех.

— Нет. Я прочитаю. Не хочу оставаться с этим знанием в одиночестве! — Черт ненадолго замолчал, выбирая самый интересный момент, а потом с чувством процитировал: — «Он излился в нее кипучей пенной волной.словно электрический разряд прошел по ее телу, отзываясь бурной дрожью».

Ева схватила подушку и напала без объявления войны. Краешек

зацепился за острый чертов рог. Полетели перья и пух.

— Защищайся! — сказала она и схватила другую подушку.

Григорий вспрыгнул на кровать и приготовился принять деятельное участие во всеобщем веселье. Варфоломей тоже вооружился. Силы были не равны, поэтому Ева побеждала, умело пользуясь своей слабостью. Она издала победный клич, и вдруг все замерло. Перья зависли в воздухе. Григорий тоже замер в прыжке, только кончик хвоста покачивался из стороны в сторону.

Ева выронила подушку.

— Что это?

— Это ты, — сообщил Варфоломей и щелкнул одно перышко, которое качалось прямо перед его носом.

В этот момент Григорий дернулся и спрыгнул на пол. С укором посмотрев на Еву и черта, кот покинул комнату с видом оскорбленной невинности.

— И как быть с этими перьями? Вар-фо-ло-ме-е-ей, — протянула Ева.

Она подула на пушинку, и та начала плавно опускаться.

— Тебе надо себя контролировать, — сообщил черт.

— Отличное замечание! Как? Нужно выбрать время и начать учиться колдовать, а то это безобразие.

В этот самый момент раздался звонок домофона. Он прозвучал так резко, что Ева всплеснула руками и дернулась. Пух и перья поднялись вихрем и прилипли к потолку.

— Кто это может быть?

Ева стремительно прошла в коридор и сняла трубку, но не успела ничего сказать, как оттуда донесся пронзительно-знакомый голос:

— Евочка, это мама, я тут в Москве, решила заскочить. Как хорошо, что ты дома!

— Открываю, — тихо сказала Ева и заметалась, как курица с отрубленной головой. — Варфоломей, молю, надень штаны!

Ева схватила веник, залезла на кровать и попыталась подмести потолок, но перья и пух были как приклеенные.

— Так, что мы скажем маме про тебя?

— Я в принципе могу уйти, — предложил черт.

— Да. То есть нет. Эти перья... Варфоломейчик, футболку тоже, пожалуйста. И ты можешь сделать так, чтобы эти перья наконец отстали от потолка?!

Мужчинам лучше давать четкие инструкции и быть аккуратной в своих желаниях. Варфоломей поспешил выполнить просьбу, и перья и пух

полетели вниз, прямо на Еву.

— Мои волосы!

Ева трясла головой, при этом пытаясь застелить постель, натянуть джинсы и застегнуть бюстгальтер.

Когда раздался звонок в дверь, все выглядело вполне прилично: кровать почти застелена, перья почти заметены под кровать, Варфоломей и Ева одеты и даже не сильно всклокочены.

— Евочка, — от материнского взора не скроется ни одна деталь, особенно высокий блондин в футболке швами наружу, — ты не одна?

— Мама, ты не позвонила. Мы тебя не ждали... сегодня.

— Ой, я наудачу. Думаю, дай зайду, вдруг ты дома? — При этом она с интересом изучала черта. — Здравствуйте, я Татьяна Никитична, мама Евы. А вы?..

Варфоломей открыл рот, чтобы представиться.

— Мама, это Варфоломей, мой друг.

«Друг»... Более дурацкое определение сложно и придумать. Черт — друг человека. Ева сама скривилась от сказанного. Она не особенно верила в дружбу между мужчиной и женщиной. А ее мама не верила совершенно.

— Ева, я буквально на секундочку. Только чаю выпью и побегу.

Мама прошла в ванную. Ева поставила чайник, а потом они с Варфоломеем уселись за стол. Ева попыталась избавиться от ощущения неловкости.

— Я привезла варенье! — крикнула мама.

Пришлось вставать и идти разбирать сумку.

— Варфоломей, какое интересное имя. Вы тоже художник?

— Нет, — ответил черт.

— Как хорошо. Знаете, очень ненадежная профессия. В наше-то время. А чем вы занимаетесь?

— Мама!

— Что, Ева? Я просто разговариваю с твоим другом, — голос Татьяны Никитичны звучал ну совершенно невинно.

— Я...

Ева снова не дала Варфоломею ответить.

— Он переводчик, — быстро сказала она. — Знает огромное количество языков.

— Не писатель? — деловито поинтересовалась Татьяна Никитична.

— Нет.

— Это очень хорошо, даже замечательно. Знаете, писатель — еще более неудачная профессия, чем художник, — кокетливо улыбнулась

Татьяна Никитична. — Очень непрочная. И зависимость от настроения и музыки... Это же безобразие! Я считаю, ненужная и непозволительная роскошь. Вот переводчик — совсем другое дело.

Ева покраснела.

— Мама!

— Что? Я тут недавно ремонтировала машину. Ну представьте себе, если бы механик сказал, что его муза сегодня улетела и он не сможет копаться в двигателе и во всех этих ужасных деталях? И давно вы двое живете вместе? — без перехода спросила мама.

В ее голосе появились интонации профессионального инквизитора, съевшего на допросах пуд соли и собаку заодно. Очень опытного инквизитора, который вытянет ответы на интересующие его вопросы при любом раскладе. И даже при сильном сопротивлении.

Пока Ева думала, что отпираться бессмысленно и сбить со следа маму не удастся, тем более что, побывав в ванной, та наверняка заметила щетки, пару полотенец и другие признаки совместного быта; пока она соображала, как лучше и дипломатичнее преподнести информацию, учитывая, что дальше обязательно последует вопрос: «А почему же ты нам ничего не сказала?», Варфоломей взял инициативу на себя.

— Да мы вообще только что познакомились, — сказал черт, для которого временные рамки носили совершенно другой характер.

Возникла неловкая пауза.

— Не только что, — сказала Ева, злясь, что краснеет под насмешливо-удивленным взглядом мамы, брошенным поверх чашки. — Мы познакомились в Венеции.

— Как романтично. Евочка, у тебя перья в волосах. Слева.

Пришел кот. Ему понадобилось срочно поиграть с хвостом Варфоломея. Он принялся бацать лапой, а черт с совершенно серьезным лицом дергал хвостом, дразня Григория.

— Котик как-то странно себя ведет, — не преминула заметить Татьяна Никитична.

Ева же отчетливо видела это безобразие и слегка толкнула Варфоломея ногой. В ответ он только улыбнулся и поднял хвост повыше: теперь коту пришлось за ним тянуться.

— Это у него бывает, — сказал черт, покачивая кисточкой.

— Нет, серьезно, странно, — Татьяна Никитична настаивала на своем. — Чертей, что ли, гоняет? — глубокомысленно заметила она.

Варфоломей смеялся так, что, казалось, стены трясутся. Едва не упал с табуретки на пол.

— Гоняет чертей! — повторял черт.

Мама Евы не поняла, чем вызван столь бурный приступ веселья, и нахмурилась. Хотя не писатель и не художник, а парень довольно странный. Она принюхалась, стараясь уловить запах алкоголя. Ничего.

«Вот и повалялись дома. Устроили выходной, — подумала Ева, глядя, как на лице мамы появляется особенное любопытствующее выражение, вестник готовящегося шквала вопросов. — Цирк какой-то. Только не с конями, а с чертями».

— Мама, — сказала она, — мне Варфоломей очень нравится. И мы просто вместе. Так получилось. И я этому очень рада. Теперь он есть в моей жизни, и мне бы хотелось, чтобы так и оставалось.

Черт внимательно слушал. Его Ева явно волновалась. Слова давались ей нелегко и сопровождались сильными эмоциями. К счастью, Ева была слишком поглощена своей речью, чтобы замечать что-либо вокруг. А между тем замеченные под кровать перья и пух, которые должны были спокойно там лежать, уже собрались в маленькое пушистое облачко и спокойно плыли по коридору прямо к кухне.

У Татьяны Никитичны не было глаз на затылке, поэтому она тоже ничего не видела.

Варфоломей ободряюще обнял Еву и погладил по руке, но ведьма совершенно не контролировала свою силу. Более того, похоже, даже не замечала, что творила колдовство.

— А вы, Варфоломей, что скажете? Кстати, хорошо, что вы решили жить у Евы. А то я бы приехала и не знала, где искать свою дочь. Вы, Варфоломей, москвич?

Вопрос был с подвохом и содержал целый комплекс всего. Мама, как ей и положено, волновалась. Ее все больше настораживал мужчина, сидящий напротив. Она бы охарактеризовала его как «крайне подозрительного». Будучи оптимисткой, Татьяна Никитична всегда готовилась к худшему.

Ева же не смогла подавить смешок и подлила «маслица» в огонь тревоги:

— Нет, мама, Варфоломей не москвич. Он недавно сюда переехал.

— А почему ты за него отвечаешь? Он же и сам прекрасно говорит.

Кот переключил внимание с хвоста на облако в коридоре и уже направился проверить, что там делается, но черт решил проблему быстро и радикально: просто испепелил летающий объект.

Запахло жареным.

— Ой, что-то горит. Как воняет! — Татьяна Никитична завертела

головой, ноздри ее раздувались. — Нужно открыть окно.

— Это, наверное, соседи. — Ни единый мускул не дрогнул на лице Варфоломея. — Они у нас такие.

— Варфоломей, вы нас извините! Ева, можно тебя на секундочку?

Это «секундочку» прозвучало тревожным колокольным звоном.

Черт остался на кухне наедине с печеньем и вареньем, а мама увлекла Еву в комнату.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что делаешь? — мама бросила красноречивый взгляд на кровать.

Ева почувствовала себя девочкой-подростком, которую поймали на месте преступления.

— У тебя с ним все серьезно?

— Ну...

— Без «ну», пожалуйста.

Сказано было строго.

«А еще недавно подушками дрались... — Ева задумалась и принялась мысленно загибать пальцы: — Вместе ловили бесов, были в путешествии, он вернул кошелек...»

Он варил борщ, и это не говоря уже про умопомрачительный секс, от которого у нее, похоже, появилась зависимость. Также она знает, что Варфоломей черт. М-да. Куда уж серьезнее. Ева бросилась в омут с головой.

— Серьезно. Наверное.

— Серьезно, — подтвердил Варфоломей с кухни, который прекрасно слышал весь разговор. — Ева — очень хороший человек.

Татьяна Никитична поджала губы. «Это мы еще посмотрим, насколько у вас серьезно», — говорил ее вид.

— Тогда приезжайте к нам на дачу вдвоем. В гости. Посидим, попьем чаю не торопясь.

Она расцеловала Еву и стремительно засобиравалась.

— Я же только на секундочку заходила. Мне пора. Просто хотела тебя увидеть. И предчувствие меня не обмануло, — глубокомысленно заявила Татьяна Никитична.

Мама вылетела из квартиры столь же стремительно, как и появилась.

— Элвис покинул здание... — Ева все еще пребывала в легком шоке. — Она никогда так не появлялась. Даже не знаю, что это такое было.

Варфоломей отнесся к явлению вполне философски:

— Зашла и зашла. А вот что действительно странно, так это твоя магия. Нужно поговорить с моей знакомой, Верой. Такая ведьма должна

понять, что делать.

— А что же делать сейчас? — рассеянно спросила Ева.

Варфоломей едва успел поймать пролетающую мимо чайную ложку.

— А пока будем тренировать твою выдержку.

— Хорошо. Я готова.

Варфоломей усмехнулся Евиной решительности, и в его глазах заплясали мелкие чертята.

— У тебя есть повязка на глаза или какая-нибудь плотная лента? — серьезно спросил он.

— Да, кажется. Сейчас.

Ева порылась в комод, и повязка нашлась. Она никогда ее не использовала и вообще купила в минуту шопингового умопомрачения, но вещь была очень приятная: из нежного розового шелка, с вышитой надписью «Sleeping beauty», то есть «Спящая красавица».

Варфоломей убедился в том, что повязка сидит плотно и Ева ничего не видит.

— Так... что мне делать? — нетерпеливо спросила она.

Черт дьявольски улыбнулся и, не торопясь, уложил Еву на кровать.

— Терпение...

— Просто объясни. Это какие-то упражнения?

— Можно и так сказать. Постарайся сосредоточиться, — коварно сказал черт и принялся очень нежно целовать Еву.

— Варфоломей!

В это восклицание было вложено негодование пополам с удовольствием.

— Сосредоточься на своих ощущениях, — сказал черт, весьма приятным обоим способом пресекая попытку Евы сорвать повязку.

— Вар-фо-лме-е-ей! Я думала... Ох...

Черт оглянулся и покачал головой. Евины кисточки медленно кружили над столом.

— Ведьмочка, — прошептал черт и направил Евину энергию в мирное русло. У нее просто не осталось сил, чтобы двигать предметы. И, собственно говоря, день они провели так, как планировали изначально: в постели.

Поздно ночью Ева проснулась от смутного беспокойства. Она села в кровати и обнаружила, что Варфоломея рядом нет. Черт оказался на кухне. Они с Григорием сидели и смотрели в монитор. На экране был открыт документ с романом.

— Ты чего не спишь? — спросила Ева и потянулась.

Варфоломей вздохнул.

— Да понимаешь, текст очень плох. И конкретно в этом куске, — черт ткнул пальцем в монитор, от чего Ева вздрогнула, — похоже, использованы все слова, которые редактор категорически запретил употреблять. Вот я и думаю, что делать. Григорий не особенно помогает. Но сочувствует.

Черт криво улыбнулся.

Ева была далека от мира переводов, но вполне могла представить трудности, с которыми столкнулся ее черт.

— И ты из-за этого приуныл?

— Не то чтобы приуныл, просто думаю, как быть, — сказал Варфоломей.

Когда не знаешь, что делать, — составляй план. Любое бездействие должно быть четко организованным.

— Ты же творческий черт. Возьми и перепиши по-своему, — ответила Ева. — Это же художественный перевод. Вот и придумай.

Варфоломей снова взглянул на текст под названием «Шипы вокруг трона из роз». Перед ним открылись совершенно новые перспективы.

Черт начал с белого листа, то есть с нового документа. Взгляд его затуманился. В своем воображении он унесся в волшебную страну, где вокруг трона плелись нелепые интриги и процветала очень неуклюжая любовь.

Варфоломей бодро застучал по клавишам. Григорий устроился у черта на коленях и тоненько храпел. Уходя спать, Ева оглянулась на рогатый силуэт, освещенный экраном, и почувствовала нежность.

Глава 18

Оторвался Варфоломей от романа только тогда, когда прозвонил Евин будильник. Черт удивленно моргнул, пораженный столь стремительным наступлением утра. Он чувствовал приятную усталость. Тем более теперь он не просто переводил, а существенно перерабатывал текст. Уместно было употребить выражение «вкладывал душу» в свое занятие, но по отношению к черту это выглядело бы странно.

— Всю ночь работал? — спросила Ева, хотя и так было очевидно. — Выпьешь со мной кофе?

— Угу! Ты сегодня на целый день в театр?

— Да. Скоро спектакль, а еще совершенно ничего не готово. Все в последний момент.

Ева поставила на газ кастрюльку. Они так и продолжали варить в ней кофе и наливали его маленьким половником, который Ева называла «компотным».

— Будешь спать сегодня? — поинтересовалась Ева чертовыми планами.

— Пару часиков надо.

Варфоломей сидел на стуле и сонно смотрел на свои босые стопы. Его поразило внезапное открытие: ногти выросли.

— Послушай, Ева, — спросил он, — у тебя очень аккуратные ногти на ногах и цвет такой красивый, но я никогда не видел, как ты этого добиваешься. Есть какие-то мастера, которые подпиливают ногти?

Ева не донесла чашку с кофе до рта.

— Есть. А что?

— Нужно что-то сделать с моими, — серьезно сказал Варфоломей. — Желательно, чтобы ногами занимались профессионалы.

Глаза у Евы округлились:

— А как это происходит в Аду?

Она затаила дыхание.

— В Аду у меня был проверенный мастер. А то без копыт остаться можно.

— Копыт?

— Ну да, — сказал Варфоломей. — У нас есть еще сыр?

Ева подошла к холодильнику.

— Так что с копытами?

— Грунт разный, не всегда рог стачивается естественным образом, поэтому надо следить. Тут важно найти хорошего мастера, чтобы не срезал лишнего. И важно, чтобы угол был правильный. А то очень неудобно ходить, — рассуждал Варфоломей.

— То есть ты хочешь сказать, у тебя были КОПЫТА?

— К стопам и пальцам я, в общем-то, привык. Но уж очень чувствительность сильная. И нужна обувь.

Черт вгрызся в бутерброд и понял, что проголодался.

— С ногтями тоже нужно найти хорошего мастера. Можешь позвонить и записаться к моей Ольге, — сказала Ева, едва сдерживая смех. — Только, пожалуйста, не нужно красить ногти лаком. У мужчин это не принято.

— Жаль, — серьезно сказал Варфоломей, — смотрится очень живенько.

* * *

После восстанавливающего крепкого сна Варфоломей записался к Ольге на педикюр, а потом решил, что нужно заняться вопросом управления Евиной силой, и позвонил Вере Сергеевне. Он быстро обрисовал ситуацию с Евой и попросил совета.

Вера немного помолчала, еще немного порадовалась тому, что Варфоломей познакомился с ведьмой, и наконец согласилась помочь. Обещала приехать и «посмотреть на ту, которая двигает предметы и совершенно не умеет управлять своей силой». Варфоломею даже показалось, что Вера не слишком-то ему поверила.

— А эта твоя Ева точно ведьма, дорогой? — напоследок поинтересовалась она.

— Точно. Стопроцентная, как тут говорят.

— Странно, но да ладно.

— Мы в одном доме живем. Просто другой этаж и квартира...

Варфоломей сообщил адрес, попрощался с Верой и, посчитав, что дело в шляпе, с чистой совестью сходил на педикюр. Еще на его почту неожиданно упало несколько предложений по работе. Видимо, Амадей подсуетился и посоветовал знакомым юристам воспользоваться услугами «чертовски хорошего переводчика».

Это оказались многостраничные тексты договоров, составленных настолько хитро и содержащих такое количество витиеватых оборотов, что любой нормальный человек очень быстро сошел бы с ума. За каждое слово

платили весьма неплохо. Один такой договор в полтора раза превосходил по стоимости роман.

Художественная литература в последнее время довольно сильно упала в цене. Но хуже всего себя чувствуют стихи. Рифмы вообще пребывают в глубоком кризисе, и на них почти невозможно заработать.

Не будет преувеличением сказать, что остаток дня черт вкалывал как проклятый.

Ева же весь день провела в театре. Настроение было испорчено тем, что на репетицию появился Арсений. Он оказался хорошим другом режиссера, с которым Ева работала. После этого все пошло наперекосяк. Почти утвержденные костюмы резко разонравились. Режиссер начал капризничать, а Арсений с выводящей из себя полуулыбкой сидел в первом ряду и взираал на все происходящее со сдержанным интересом.

«И как же все было хорошо, пока я не столкнулась с этим человеком, — думала Ева. — Не знала о существовании Арсения и жила себе припеваючи».

Пришлось задерживаться, успокаивать двух костюмеров, убеждать, доказывать. Так что домой Ева вернулась в довольно заведенном состоянии, разве что в волосах искры не пробежали. Да еще в подъезде на Еву налетел какой-то громила, который едва не сбил ее с ног.

— Варфоломейчик, я дома! — с порога крикнула Ева.

— Григория я покормил. Хочешь чаю?

Черт вышел из кухни с чашкой, и Ева почувствовала, как хорошо, когда можно поделиться с кем-то тем, как прошел день. В душе поднялось очень приятное теплое чувство. Сейчас они вместе поужинают и посмотрят какой-нибудь фильм, Варфоломей расскажет что-нибудь смешное о тексте...

Но в дверь позвонили. Ева метнула быстрый взгляд и сморщилась:

— Кто там?

— Это ведьма, — ответили с другой стороны.

Ева посмотрела на черта и уже хотела сказать все, что думает о шутниках, которые звонят в двери, когда Варфоломей подошел и сказал:

— О, это Вера. Совсем забыл тебе сказать, что она придет. Ну, я же говорил, что знаю одну ведьму. Пусть поможет разобраться с твоей силой.

Если учесть, что стрелка часов приближалась к полуночи, Еву совершенно не обрадовала эта информация. Вера не входила в ее планы.

Щелкнул замок.

— Ева, это Вера. Вера, это Ева, — представил Варфоломей.

Обе ведьмы воззрились друг друга.

— Вера Сергеевна, — поправила Вера и добавила: — Мы не встречались?

— Нет, — подтвердила Ева.

Она полагала, что ведьма должна как-то выделяться, но Вера не произвела большого впечатления. Уж слишком обычной выглядела. Разве что платье в крупный белый горошек казалось слегка старомодным. В остальном при взгляде на ведьму можно было разве что заподозрить плохой характер. Но не более того.

Вера прошла на кухню. Ведьмы обладают поразительным свойством чувствовать себя как дома, где бы ни оказались. Ева задержалась и шепотом спросила у черта:

— Она что, действительно ведьма?

Варфоломей подтвердил.

— Значит, у тебя проблемы с самоконтролем? — прямо с места в карьер начала Вера. — Можешь сдвинуть что-нибудь?

Ева, все еще охваченная легким раздражением, усиливающимся от снисходительного тона старшей ведьмы, подвинула пальцем сахарницу на середину стола.

— Ага, понятно, — Вера ухмыльнулась. — Варфоломей рассказал, что ты смогла удержать в воздухе не только перья, но еще и кота. Повтори?

Ева прислушалась к внутренним ощущениям. Она чувствовала себя совершенно нормально, и если в ней и имелось что-то особенное, провоцирующее полеты предметов по комнате, сейчас оно молчало.

— Еще он сказал, что ты видела магию и тебя тревожило, что все вокруг светилось?

Вера слегка прищурилась и принялась смотреть Еве на лоб, как будто там располагалась красная точка оптического прицела. Крайне неприятное ощущение.

— Да, было такое, — нехотя подтвердила Ева. — Но сейчас все в порядке.

Она почувствовала себя, как на приеме у врача. Есть такие, к которым стоит зайти и понимаешь, что проблем со здоровьем на самом деле нет.

— Ну и отлично, — неожиданно обрадовалась Вера. — Когда все в порядке, это же замечательно.

Она перевела взгляд на черта, который мялся в дверях, и так же пристально уставилась на его лоб. В Аду нет винтовок с оптическим прицелом, но под этим взглядом Варфоломей тоже ощутил беспокойство. Молчание стало невыносимым.

Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, черт спросил:

— Как там Амадей?

— Глаза бы мои его не видели. Где-то пропадает. Сказал, что у него важные дела, скотина безрогая. Прибежит весь в мыле, сметет со стола все, что я приготовлю, и снова убежит быстрой рысцой. Ух! — Вера замахнулась на невидимого Амадея. — Но я-то знаю, ему просто лень готовиться к приему. Все на мне, как всегда. Съедутся гости, тогда-то он, голубчик, и появится. И будет расхаживать гоголем, бодрый и веселый.

Вера уселась за стол и вздохнула.

— Давайте, что ли, чаю попьем для начала. Варфоломей, позови бесов своих, пусть самовар организуют. А то в электрическом чайнике вода совсем другая получается. У тебя, Ева, чай какой?

Ева достала пакетики, но под строгим взглядом Веры Сергеевны вытащила листовую.

— Цейлонский. Замечательно! Жить можно, — прокомментировала ведьма.

Бесы действительно притащили самовар и водрузили в центр стола. Ева не успела уследить, как это произошло. Только отвернулась, чтобы достать чашки, — раз! — и самовар уже стоит.

— А все-таки странно, Ева, что мы с тобой не встречались, — прихлебывая чай из блюдца, сказала Вера.

— Почему? Москва — большой город.

— Это да. Но за четыреста лет волей-неволей узнаешь, как сейчас говорят, всех коллег по ремеслу. Скажи, как ты поняла, что ты ведьма?

— Четыреста лет? — удивилась Ева. — Если честно, никакой ведьмой я себя не чувствую.

Вера отчего-то еще больше развеселилась.

— А, к черту все эти политесы и экивоки. Ева, ты в каком веке родилась?

— В этом, — ответила Ева. — То есть в двадцатом, конечно. Получается, в прошлом.

— Да, понимаю, время летит. Та-а-ак. И до встречи с Варфоломеюшкой за собой ничего сверхъестественного не замечала?

— Нет. Ничего.

— Никаких видений? Интерес к приготовлению зелий?

— Нет.

— Может, изучение оккультных книг на досуге? Вычерчивание пентаграмм и попытки призыва духов? — строго спросила Вера.

— Нет и еще раз нет, — стояла на своем Ева.

— Ну хоть чтение романтического фэнтези?

— Нет. Ничего такого, — решительно пресекла ее фантазии Ева.

— Зря, кстати. Есть очень неплохие книжки. А когда вы с Варфоломеем встретились, признайся, тебе сразу же понравились его рога и хвостик?

Варфоломей выразительно фыркнул и ответил за Еву:

— Когда мы встретились, она не видела ни рогов, ни хвоста, — сказал он. — Но я честно пытался предупредить.

— Про рога ты ничего не сказал, — поправила Ева и не смогла удержать ухмылку, вспомнив, как дергала черта за хвост и была шокирована наличием рогов на его лбу.

По лицу Веры пробежала легкая тень.

— Ну, мне все ясно. Все понятно. Ты, Ева, новообращенная ведьма. Можно сказать, совсем еще зеленая. И, наверное, догадываешься, почему так получилось?

Неожиданно Вера очень по-девчачьи хихикнула. А Ева и Варфоломей затаили дыхание. Они выглядели как дети, ждущие, когда Дед Мороз достанет из своего мешка подарки.

— Почему? — спросили они одновременно.

— Варфоломей-Варфоломей... Неужели тебе Амадейка проклятый ничего не сказал? М-м-м? О том, что в этом мире можно, а чего нельзя? Тогда рассказываю. Вы двое, — Вера по очереди указала пальцем на черта и на Еву, — переспали. А все имеет свои последствия. Из всех женщин в мире, Варфоломей, ты выбрал ту, в которой уже были глубоко скрытые способности, задатки, если хочешь, к колдовству. Твоя магия наложилась на ее магию... И в общем, вот результат.

— Он что, заразил меня? — удивилась Ева. — Но мы же предохранялись. Это был безопасный секс.

— Деточка, магия — это не венерическое заболевание, которым можно заразиться, как ты весьма неизящно выразилась. Скорее он пробудил то, что в тебе дремало. Естественную склонность. А поскольку Варфоломей — мужчина, волшебный во всех смыслах, твоя сила получила довольно сильный толчок и начала развиваться весьма бурно.

— То есть без него я бы ведьмой не стала?

Ева ухватилась за стол. Необходимо было за что-то держаться, чтобы не потерять связь с реальностью, поскольку разговор приобретал все более странный оборот.

Вера Сергеевна потерла бровь и задумалась:

— В нынешних условиях, учитывая отвратительную экологию, стрессы и ритм современной жизни, отрицание очевидного и самой сути

природы... Максимум, во что твое колдовство могло вылиться без чертового вмешательства, это в обостренную интуицию. Возможно, вещие сны. Ну, при самом плохом раскладе ты могла бы начать слышать потусторонние голоса, и дело кончилось бы сильнодействующими лекарствами по рецепту и заведением, где есть комнаты с мягкими стенами.

Ведьма очаровательно улыбнулась и съела печенье.

— Хорошо... — Ева зажмурилась, тряхнула головой, словно стараясь отогнать видение. — И как мне перестать быть ведьмой?

— Никак, — охотно откликнулась Вера. — Один раз ведьма — всегда ведьма.

Ева гневно посмотрела на Варфоломея.

И тут произошло ЭТО. Ящик с вилками, ложками и залежами странных кухонных приспособлений, которые никогда не используются, распахнулся, и оттуда вылетело все, что там было. С ужасным звоном приборы грохнулись на пол, а яйцезрезка почему-то долетела до противоположной стены и, ударившись несколько раз, скрылась за холодильником.

— Сильна, — одобрительно сказала Вера. — Но контроль все же не помешает.

— Вот об этом я и говорил, — подал голос Варфоломей и осторожно поцеловал Еву в макушку.

Ева почувствовала внезапно накатившую усталость.

— Ну и денек, — сказала она. — Сначала на репетицию припирается Арсений, и все идет наперекосяк. Потом домой заявляется ведьма. Оказывается, что твой парень не просто черт, так он еще заразил тебя магией.

— Не заразил, — попытался вставить Варфоломей, но Ева не дала себя сбить и продолжила:

— И если бы он не заразил меня магией, то я видела бы какие-то вещие сны и могла кончить в психушке, разговаривая с бесами.

В углу кухни раздалось шуршание и какая-то возня. Бесы протестовали. Они считали, что разговоры с ними — очень даже благоприятное стечение обстоятельств.

Вера серьезно выслушала аргументы бесов, но, начисто их проигнорировав, обратилась к Еве:

— Давай быстренько закончим с плохими новостями, чтобы перейти к хорошим? Немного потерпишь? Как, выдержишь еще?

Ева не ответила. У нее просто не было выбора.

— Очень быстро, — сообщила Вера. — Плохая новость в том, что в

этом мире не должно больше появляться ведьм. Именно поэтому, Варфоломей, не стоило спать с обычной женщиной, чтобы не пробудить дремлющие способности. Знаешь ли, тут, на Земле, почему-то обязательно случится то, что случиться не должно ни в коем случае. Выпадет самый редкий шанс.

Черт только хмыкнул. Хвост его резко дернулся и с силой опустился на пол. Получился звук, похожий на удар хлыста. У чертей в Аду существует огромное количество правил и законов, писанных и неписанных. Каждый день появляется какой-нибудь инициативный чертяка, который для улучшения качества жизни вводит очередной запрет. Это уравнивается тем, что черти питают отвращение ко всяким правилам и вдохновенно, с изрядной долей изобретательности, находят пути их обхода. Поэтому нельзя сказать, что Варфоломей жаловался на память или невнимательно слушал то, что ему говорил Амадей. Нет. Он со всей ответственностью поступил по велению... сердца.

— Нет-нет, не подумай, что я осуждаю, — сказала Вера, — я лично — за свободу. Живи и не мешай жить другим. Если хочешь знать, я считаю, что нельзя никому запрещать идти в Ад своей собственной дорогой. Но понимаешь, есть так называемый Совет, который пытается регулировать количество ведьм в мире. И новые ведьмы, как они говорят, сюда больше не поместятся.

— Как это — не поместятся? — забеспокоилась Ева.

— Ничего с миром от одной ведьмы не будет, — сухо сказал Варфоломей. Лицо его выражало решимость.

— Я согласна. Но есть, понимаешь ли, фанатики. Одержимы борьбой с магией, колдовством и всем таким. Как это ни грустно признавать, здесь у нас тоже работают, пытаются выслеживать новых ведьм. Если выследят, могут ликвидировать. Это у них называется «усыпить ведьму». Вот не понимаю я этого преклонения перед Западом. Ну, была у них инквизиция. И что теперь-то обезьянничать?! А главное, через сколько лет до нас эта мода докатилась! Нет бы идти своей дорогой, наоборот, увеличить количество ведьм. Или заняться чем-нибудь полезным... Улицы могли бы подметать.

— В смысле — выслеживают? Меня что, кто-то будет выслеживать?

Еве стало не по себе.

Варфоломей поднялся со своего места. Вид у него сделался хищным и опасным. Белая шерсть встала дыбом, особенно выделялась полоска на спине. Выглядело как ирокез вдоль позвоночника.

— Кто выслеживает?

Тут Ева осознала, что Варфоломей встретил их ночную гостью голым. Она уже так привыкла к этому, что не обращала никакого внимания.

Вера посмотрела на черта с некоторой долей восхищения. И это Еве весьма не понравилось. Вот прямо от слова совсем.

— А теперь перейдем к хорошим новостям, — быстро сказала Вера. — Во-первых, Ева, твою силу можно контролировать.

— Ну наконец-то, — саркастически заметила Ева. — Я уж думала, хороших новостей не будет.

Вера строго на нее посмотрела. Ведьма не любила, когда ее перебивают.

— Я покажу как. Надо, конечно, поработать, но нет ничего невозможного. Во-вторых, ключевое слово ЕСЛИ. Если выследят, Ева, а также ЕСЛИ поймут. Надеюсь, ты не собираешься ходить с транспарантом «Я новая ведьма. Поймите меня»? Ну вот... И живи себе спокойненько. В-третьих, научишься колдовать. А это весело, можно проклясть кого-нибудь. Ну и в-четвертых, приходи к нам с Амадейкой на маскарад. Я буду печь пироги. А мои пироги, знаешь ли, знамениты на весь мир. Демоны со всех концов света съедутся.

— И когда мы начнем учиться контролировать мою... э-эм... колдовскую силу? — вежливо поинтересовалась Ева.

— А чего тянуть? — удивилась Вера. — Фаза луны подходящая. Время для колдовства — самое замечательное. Вот прямо сейчас и приступим. Только перейдем к Варфоломейчику. Мало ли что не так пойдет? Пусть твоя квартира останется целой.

Черт и Вера Сергеевна с готовностью поднялись и спешно засобирались.

Вера посмотрела в угол и скомандовала бесам:

— Посуду помыть! И попробуйте только чашки раскокать.

— Подождите-подождите, — Ева вскинула руки, — как же так? Чтобы колдовать, нужно же готовиться. Нужны какие-то магические вещи, наверное?

Вера посмотрела на нее долгим и очень добрым взглядом.

— А у меня все с собой. Сундучок я в коридорчике за дверью оставила.

* * *

Не успела Ева опомниться, как вся троица очутилась в квартире

Варфоломея. Оказалось, что Вера притащила огромный сундук с тяжелой резной крышкой. На ней был изображен рычащий лев. Его грива расходилась, словно языки пламени. А возможно, это и был огненный царь зверей. Ева не поняла, как же у Веры, которая не могла похвастаться габаритами атлета, получается двигать сундук с места на место. Но со стороны казалось, это не стоит ей никаких усилий.

— Колдовство, — коротко пояснила ведьма.

Из недр сундука она достала несколько упаковок свечей.

— Из «ИКЕА»? — удивилась Ева.

Почему-то она думала, что ведьмы должны покупать ингредиенты для колдовства в маленьких лавочках с закопченными крошечными окошечками, в которые едва пробивается солнечный свет. Причем в каждой такой лавке должен непременно жить здоровенный филин. Магия у Евы никак не вязалась с гигантскими шопинг-моллами.

— Да, люблю этот магазин, — подтвердила Вера. — Правда, стоит за свечами поехать, как обязательно купишь всяких других вещичек. У них еще постельное белье миленькое.

Варфоломей разжился обычным белым мелком и без всякой подсказки со стороны Веры принялся чертить на дверях тайные знаки.

Следом за свечами Вера извлекла пучки ароматных трав и какие-то непонятные порошки в высоких бутылках из темного стекла. Комната Варфоломея постепенно приобретала сходство с лабораторией древнего алхимика. Ева чувствовала себя неуютно и неловко. Черт и ведьма, казалось, не обращали на нее совершенно никакого внимания.

— Мне чем-нибудь помочь? — спросила Ева. Хотелось занять руки.

— Нет, — откликнулась Вера, — мы сами справимся.

Она достала пузатый чугунный котелок, налила в него воды из-под крана и поставила на плиту.

— Только я хочу предупредить, — сказала Ева, стараясь, чтобы ее голос звучал уверенно и твердо.

Вера и Варфоломей оторвались от своих занятий и посмотрели на нее.

— О чем, Ева? — любопытствовала ведьма.

— О том, что не буду пить никаких зелий. Я против всяких таких веществ. И не хочу открывать свое сознание. Мне вообще такая философия совершенно не близка.

Ведьма и черт никак не отреагировали на это заявление, просто вернулись к своим делам.

Варфоломей смешивал обычную столовую соль с травами.

— Готовим маринад? — попыталась пошутить Ева.

Она послонялась из угла в угол, потом забралась с ногами на кровать Варфоломея и принялась смотреть по сторонам.

Подготовка к колдовству проходила быстро и плодотворно. Черт насыпал на полу большой круг из соли с травами. Вера по очереди откупоривала свои бутылки и вытряхивала их содержимое в котелок. Из каких-то сосудов она брала целую горсть, из других — всего несколько крупинок.

Над котелком стал подниматься густой ароматный пар. По цвету он напоминал марганцовку. Хороший фиолетовый пар. Время приближалось к двум часам ночи.

— Готово, — сказала Вера. — Ева, бери подушку и садись в центр круга. Сегодня ничего сложного делать не будем. Просто попытайся осознать, что ты — ведьма. Ощутить свою силу и принять свою сущность.

— Осторожно, не смажь линию круга, — предупредил Варфоломей.

Около двух часов ночи все чувства обычно притупляются, поэтому, усаживаясь в центре круга, Ева не воспринимала ситуацию как особенно глупую.

Вера чиркнула длинной спичкой и принялась зажигать икеевские свечи. К ароматному фиолетовому дыму прибавился запах теплого стеарина и сгоревшей серы.

— Я сижу, — сообщила Ева, глядя на черта и ведьму, которые расположились за солевой границей.

Все происходящее казалось невероятно смешным, уж больно у Веры и Варфоломея был сосредоточенный и серьезный вид.

Прошло несколько минут. Свечи горели ровно. Было слышно, что на кухне подтекает кран. В доме стояла тишина. Похоже, соседи уже видели десятый сон.

— И что же дальше? — спросила Ева.

— Просто не сопротивляйся и постарайся расслабиться. Мы рядом.

— Это я вижу... — начала Ева.

В этот момент пламя свечей резко заметалось из стороны в сторону. Фиолетовый дым из котелка змеей заструился по полу и принялся свиваться ровными кольцами. Он переполз границы круга и расположился вокруг ног Евы. Она почувствовала жар в ладонях, лоб тоже горел, как при температуре, в затылке начала ворочаться тупая боль.

— Просто расслабься, Ева. Ты все еще не веришь, что ты ведьма, и не принимаешь свою силу. Из-за этого вы находитесь в дисгармонии. Внутри тебя происходит борьба.

Ева почувствовала, что ее волосы начали шевелиться и

приподниматься.

— Я ведьма? — сказала Ева. Впрочем, не очень уверенно.

Пламя свечей рванулось вверх. Боль в затылке стала сильнее. В ушах зашумело, словно где-то рядом бушевал морской прибой. Еве начало казаться, что стены комнаты истончаются.

Вера достала деревянную палочку, заостренную с одной стороны, перешагнула границы круга.

— Не отдаляйся, Ева, — сказала она и пригвоздила Евин рукав к полу.

Деревянная палочка прошла сквозь рукав и воткнулась в пол с той легкостью, с которой нож проникает в теплое сливочное масло.

Ева чуть улыбнулась. Морской прибой в ушах притих, а стены стали плотнее. Температура в комнате резко упала. На стеклах начали расти морозные узоры. Иней окутывал окно, взбираясь по стеклу все выше и выше.

— Варфоломей, — тихо позвала Вера.

Черт поднялся и достал из сундука еще одну палочку. Второй рукав Евы был пришпилен к полу так же, как и первый.

— Ева, ты нас заморозишь, — строго сказала Вера.

Хоть она и была совсем близко, голос звучал приглушенно.

Ева улыбнулась:

— Ой, это я?

Ее очень занимали узоры на стекле. Они были похожи на волшебный лес.

— Сосредоточься, Ева, ищи гармонию.

«Ищи гармонию, — подумала Ева, — что это вообще значит? И вообще... Разве ведьмы существуют? Это все на самом деле мне снится. Наверное».

— Нет, Ева, это не сон. Постарайся.

Ева хихикнула. Смешно же!

— Варфоломей... — предостерегающе начала Вера, и они с чертом быстро выскочили за границы круга.

Как раз вовремя. Ева теперь сидела в центре вихря, который закручивался все быстрее и быстрее. Холод в комнате сменился адской жарой.

Варфоломей внимательно наблюдал. Сила Евы нарастала и выплескивалась в разные стороны, но она этого не замечала, не чувствовала колдовство частью себя.

Ева тем временем не могла сосредоточиться. Воздух вокруг нее утратил прозрачность, она видела каждую пылинку в вихре, и это

оказалось весьма мучительно. Все двигалось и плыло. Она закрыла глаза, но строгий окрик Веры: «Смотри вперед, Ева!» — заставил с трудом разлепить тяжелые веки.

К счастью, поймав взгляд черта, она зацепилась за него. Удержалась. Мелькание вокруг замедлилось и стало постепенно успокаиваться. Неожиданно Ева почувствовала себя очень цельной, и это было приятно. Исчезла пустота внутри, словно удалось вспомнить что-то забытое, что не давало покоя.

Ева удовлетворенно вздохнула. В этот момент мощный порыв ветра едва не выбил стекла. Ветра, бушевавшего внутри комнаты, а не снаружи. Вера и Варфоломей едва удержали равновесие, а вот Ева безвольно упала на бок.

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо спросила Вера.

Ева пробормотала что-то невнятное.

— Если бы не круг, остался бы ты, Варфоломей, без окон, — усмехнулась ведьма.

Свечи почти полностью догорели, некоторые под воздействием колдовского вихря растеклись живописными лужицами. Зелье в чугунном котелке остыло, растворился и странный фиолетовый пар.

Ева ощущала приятную усталость, но при этом странным образом была полна сил. Варфоломей смел границу соленого круга и бережно поднял Еву на руки.

— Ну вот, — голос Веры звучал довольно, хоть и немного устало, — теперь с этим можно работать. Ева приняла свою силу, а сила приняла Еву.

— И я уже могу колдовать?

Еву непреодолимо потянуло в сон. Варфоломей коснулся губами ее виска.

— Не сейчас, — сказал он.

— Да уж, на сегодня точно достаточно, — согласилась Вера. — Но было эффектно. Совершенно сырая и совершенно дикая магия. Давненько я такого не видела. Кстати, чертушка, а что ты делал, когда случался выброс?

Варфоломей был сама лаконичность:

— Отвлекал.

А Ева немедленно вспомнила его поцелуи и обжигающие касания.

Ведьма кивнула.

— Понимаю. Пока Ева еще не совсем освоилась, нужно как можно больше любви. Утром, днем и вечером. Часто и с удовольствием, чтобы сил не оставалось на всякие дикие и внезапные колдовские выбросы.

Говорила она тоном врача, выписывающего рецепт пациенту.

Ева приоткрыла один глаз, и они с Варфоломеем переглянулись. Лицо Варфоломея выражало решимость следовать совету в точности.

Ева была согласна. В этот момент она заснула.

* * *

Алексей Зайцев открыл глаза в два часа ночи и теперь лежал без сна. Он пялился в темноту и слушал, как глухо бухает в груди сердце. После того как он набрал специальный номер и сообщил неведомому слушателю про черный код, не произошло ничего. Мир не перевернулся. Гром не грянул. Никто даже не сказал ему спасибо. А ведь это он, Алексей, проявил бдительность, уследил и практически обнаружил, что нечисть что-то замышляет. Он обязательно докажет, что его ячейка не зря ест свой хлеб. И, возможно, его даже повысят. Представят к награде.

От этих мыслей Алексею стало жарко, пришлось даже высунуть ногу из-под одеяла. Осторожно, чтобы не потревожить спящую рядом жену, он взял телефон. Мобильный ожил в руках и завибрировал. От неожиданности Алексей дернулся и чуть не выронил его. С неизвестного номера пришло сообщение:

«Зверь выпущен. Встречайте на Ярославском вокзале в восемь пятнадцать».

Женщина рядом с Алексеем что-то недовольно пробормотала и перевернулась на спину, рот ее некрасиво приоткрылся. Зайцев вгляделся в знакомые черты. Даже во сне между бровями залегали две глубокие, хмурые складки.

Перед тем как связать себя узами брака, Алексей провел многочисленные проверки. Ничего ведьмовского в его жене не было, она даже снов никогда не запоминала. Интуиции мешали природная черствость и нежелание смотреть в будущее. Но одного Алексей не учел: не обязательно быть ведьмой, чтобы обладать отвратительным характером. А характер у Инги оказался не сахар. Она была женщиной властной и в некотором роде темпераментной — для нормального существования ей иногда был жизненно необходим скандал на ровном месте. Конечно, ее необузданность можно было бы направить в другое русло, но Алексей не справлялся. Причем получался замкнутый круг. От скандалов у Зайцева не оставалось сил и желания на секс, а Инге требовался скандал, поскольку ей не хватало именно секса. Имелось и еще одно обстоятельство. На Алексея давил клан Зайцевых, указывая на его обязанность подарить наследника,

который продолжит род и благородное дело борьбы с нечистью. Очередной стресс, который не улучшал ситуацию. Так они вяло мучили друг друга. И жили долго и... как-то так.

Зайцев порадовался служебной надобности — ехать с утра пораньше на Ярославский вокзал, поскольку это означало, что свой законный выходной он может провести подальше от дома, а следовательно, получит отсрочку от бесконечных придирок.

Он долежал до шести утра и с чистой совестью отправился к компьютеру — проверять почту. Вот-вот должен был прийти отчет о слежке за новоприбывшим чертом Варфоломеем, а спецы Алексея должны были выяснить все о женщине, которая проживала в том же подъезде и у которой черт проводил значительную часть времени.

В радостном предвкушении Алексей уставился в монитор и не смог сдержать удивленного возгласа. В ходе «контакта» оперативнику удалось снять с одежды «объекта» черный длинный волос, который «предположительно совпадал по цвету с прической женщины». Так и было напечатано в отчете. Будучи поклонником русской классики, Зайцев никак не мог смириться с тем, что его сотрудники писали не только безграмотно, но и использовали какие-то дико бессмысленные обороты и фигуры речи.

В лаборатории определили, что волос, скорее всего, принадлежал ведьме. Причем в базе ее не было, что означало лишь одно. Он, Алексей Зайцев, засек в Москве не только черта, но и незарегистрированную, неучтенную и доселе неизвестную ведьму.

Предраассветные сумерки постепенно светлели и готовились смениться серым днем. Алексей невидящим взглядом уставился в окно. В уголках его глаз вспыхнули скупые слезы: сколько проверок было, сколько работы вхолостую, сколько заявлений о нечисти он прочитал, со сколькими психами поговорил, которые принимали собственные голоса в голове за чертей! И вот теперь-то удача ему улыбнулась.

Он даже очень тихо пропел песню собственного сочинения. Рифмовать не старался, поэтому получилось так, как получилось:

Ла-ла-ла-ла-ла
Проклятые черти побиты,
Победа почти что близка,
Пора бы уже, ох, пора бы
Повесить над дверью рога!

Песня привязалась и прилипла, поэтому, когда он ехал к Ярославскому вокзалу, продолжал повторять себе под нос: «Пора бы уже, ох, пора бы...»

На самом деле Алексей Зайцев был болезненно честолюбив и втайне мечтал о славе и признании. Но мечту, что именно он совершит нечто такое, что возвысит род охотников за нечистью Зайцевых, он задвинул очень глубоко. Алексей мучительно боялся неудач, ошибок и осуждения. Ежедневный страх сделал его подобием серой тени самого себя.

Уже на вокзале Алексей неожиданно понял, что не знает, как выглядит «зверь», которого нужно встретить, и вообще человек ли это. Он попробовал набрать номер, с которого пришло СМС, но услышал лишь, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

В восемь пятнадцать Алексей тревожно вглядывался в пеструю равнодушную толпу. Людской поток мерно тек мимо. Никто не остановился. Зайцева толкали, а он старался увернуться и встать куда-нибудь, где не будет мешаться.

Восемь двадцать...

Восемь двадцать пять...

Восемь тридцать...

Восемь тридцать пять...

В восемь сорок Алексей начал терять терпение. И неожиданно почувствовал липкий нехороший страх, перерастающий в панику. Даже дышать стало тяжело. А что, если все это просто дурацкий розыгрыш? И нет никакого центра, куда следует докладывать? И вообще никого, кто придет на помощь? И никто на самом деле не верит в ведьм и чертей. В конце концов, он не только не видел лиц, а даже ни разу не слышал голосов тех, кто «наверху» наблюдал за его работой.

На этом моменте вера Зайцева подверглась серьезному испытанию. Он несколько раз схватил ртом воздух и заставил себя успокоиться. Существовал один аргумент, за который можно было зацепиться: каждый месяц на карточку Алексея перечислялась довольно неплохая сумма. Если Совета нет, то кто ему платит? То-то же!

Зайцев не заметил, как от толпы отделился мужчина в длинном темном балахоне. Не плащ, а просто мечта эксгибициониста. Мужчина остановился рядом и сказал:

— Алексей Зайцев. Вы меня ждете.

Вот так просто. Он не спрашивал, он утверждал.

— Зверь? — неуверенно спросил Зайцев.

Мужчина кивнул и улыбнулся. У него был открытый взгляд человека, который живет в гармонии с собой и пребывает в ладах со своей совестью.

Ничего зверского в его внешности не было, скорее наоборот, он располагал к себе и вызывал доверие.

Алексей поискал глазами багаж Зверя. Спрашивать настоящее имя он как-то постеснялся. Точнее, хотел спросить, но что-то его остановило.

— А ваш багаж?..

Зверь покачал головой:

— Предпочитаю ездить налегке. И давай на «ты», Леша. Все-таки одно дело делаем.

Алексея покорило, как фамильярно прозвучало это «Леша». Он почувствовал себя несмышленным пацаном, и чтобы хоть отчасти компенсировать неловкость, сказал несколько ворчливо:

— Ты опоздал.

— Нет. Я просто наблюдал, — сообщил Зверь. — Хотел удостовериться, что нет слежки.

Он снова обаятельно улыбнулся и похлопал Алексея по плечу.

— Нам еще предстоит сделать очень и очень многое.

— С чего начнем?

Алексей перебирал ногами, стараясь приноровиться к широкому свободному шагу Зверя.

— Посетим ведьму и установим в ее квартире вот это. Для начала.

Зверь достал из кармана несколько изъеденных временем монеток. Настолько древних, что чеканка почти стерлась. А еще на них были какие-то подозрительные пятна, напоминающие кровь.

Глава 19

— Ва-арфоломейчик, — разнеженная Ева лежала поперек кровати, свесив одну руку вниз, — я не то чтобы колдовать, я не могу пошевелиться. Похоже, ведьма плохого не посоветует.

Утро началось с любви, губы Евы горели от поцелуев, кожа покраснела после горячего душа, во всем теле чувствовалась блаженная усталость. Еве было жарко и хорошо. Она прислушалась к себе. С каждым ударом сердца по венам вместе с кровью свободно текло колдовство. К чувству магии оказалось на удивление легко привыкнуть.

Сейчас Ева была расслаблена и спокойна. Варфоломей же, напротив, был полон сил и готов свернуть горы. Черт очень серьезно отнесся к словам Веры и решил, что в этом деле лучше перебдеть, чем недобдеть. Еще он попробовал несколько трюков и теперь точно знал, что Еве понравилась пикантная возможность хвоста, которым он пару раз шлепнул ее по попе.

— Варфоломей, еще так рано! — Ева посмотрела на часы. — Семь утра. А что, если я посплю до десяти?

— Конечно, — сказал черт и набросил на свою ведьму одеяло, окончательно лишая ее возможности пошевелиться.

— Варфоломей, — совсем засыпая, пробормотала Ева, — я тебя...

Она не договорила «люблю», сон накрыл ее темной уютной волной. Черт заботливо подложил Еве под голову подушку, а под бок — кота и решил немного прогуляться.

Быстро одевшись, он вышел на улицу и вдохнул московский воздух. Пахло тухлыми яйцами и жженой капустой. Похоже, где-то опять произошел очередной выброс, и нормы содержания в воздухе каких-нибудь бесполезных веществ были превышены в несколько раз.

Варфоломей шел без всякой цели, ничего не замечая вокруг, и мысли его вернулись к новому роману. Черт был собой весьма доволен. Под его чутким руководством главный герой начал вести себя адекватно и значительно улучшил тактику и стратегию своего войска. Вместе с Варфоломеем он провел несколько кровавых сражений, и, поскольку в книге несколько раз указывалось, что этот темный герой — настоящий монстр, теперь он вполне оправдывал свое звание. И все благодаря прилагательным. Прилагательные — это самая могущественная часть речи. Они определяют отношение ко всему действию. Существительные и

глаголы могут быть одни и те же, но из-за прилагательных история меняется кардинальным образом: по улице шла красивая девушка или по улице шла безобразная девушка.

Также черт подкорректировал поведение героини. Автор указывал, что она хитрая коварная бестия, которая также возглавляет небольшую армию. Варфоломей придал ей черты одной знакомой демоницы. Образ получился живой и яркий. Героиня манипулировала, лгала и соблазняла. Варфоломей уже предвкушал встречу любовно вылепленных им героев, когда его мобильный заиграл веселенькую мелодию. Амадей позвонил, чтобы договориться о встрече в центре города. Зачем — не сказал, но голос звучал напряженно.

Варфоломей оставил лингвистические размышления, быстро дошел до метро и буквально через полчаса был на месте.

* * *

Черти прогуливались по Красной площади среди немногочисленных туристов.

— Да, Москва сейчас другая совершенно, — сказал Амадей, — но мне нравится. Чище стало. Единственное время, когда я скучаю по старой Москве, — это зима. Ты-то через пару месяцев увидишь мерзкую слякоть и кашу под ногами. Все будет серое и унылое. Хорошая обувь буквально растворяется от химикатов. А вот я помню белоснежную Москву, скрипучий снег. Морозец. Правда, пробки проклятые всегда были. Сани, тройки... Как встанут — ни пройти, ни проехать.

— Зачем ты хотел встретиться, Амадей?

Амадей насупился.

— Что-то происходит, Варфоломей. Предчувствие у меня нехорошее. Напряжение в воздухе.

— В новостях сказали, что это выброс, — поделился Варфоломей, который завел привычку часто проверять новости и сверяться с погодой в приложении.

Он, конечно, понимал, что Амадей говорит совершенно о другом, просто немного подкалывал друга. Троллил.

Амадей внимательно на него посмотрел и уловил улыбку.

— Смеешься. А я, между прочим, сейчас серьезно говорю. И надо же так случиться накануне нашей с Верой годовщины? Ты, кстати, про костюм подумал? Для маскарада?

— Еще нет. Так что тебя тревожит, Амадей?

Безрогий черт не ответил на вопрос. Но глаза его слегка затуманились дымкой воспоминаний:

— Как-то одну годовщину мы с Верой решили отметить обыкновенно. Я ей подарил пароварку, а она мне — целую коробку с черными носками. Тридцать одна пара. Ровно на месяц. Представляешь, такая романтика повседневности.

Рыльце Амадея дернулось, затрепетало:

— Помню, как-то в прошлом или позапрошлом веке я свалился с какой-то неведомой хворью. Мог только лежать на печке и стонать. Так Вера меня вылечила. Чай с малиновым листом давала и припарки делала. А память у нее какая! М-м-м... вот просила она меня полочку прибить. Мы уже пять домов сменили, семьдесят лет прошло, а она эту полочку помнит. И раз в полгода обязательно напомним: «Повесь полку на кухне, Амадей».

Варфоломей сказал:

— Я вчера виделся с Верой. Она мне в одном деле помогала. Говорит, что ты пропадаешь где-то, Амадей.

Амадей подозрительно посмотрел на Варфоломея, пытаясь решить, стоит ли серьезно ревновать.

— И зачем ты виделся с Верой Сергеевной? — голос его завибрировал. Между чертями возникло напряжение. Казалось, достаточно одной искры, чтобы ситуация воспламенилась и приняла нехороший оборот.

— Амадей... у меня к Вере было исключительно колдовское дело.

Безрогий нахмурился.

— Я там и сям кручусь, слушаю, выпрашиваю. Хотят, Варфоломей, опять по ведьмам ударить. Не нравится мне, что про срок жизни опять начались разговоры. И в Москву всякие темные личности подтягиваются. Тут одна сорока на хвосте принесла, что ловец за нечистью к нам скоро пожалует. А еще в моей пекарне побили окна и украли три килограмма булок по особому рецепту... Правда, на этот счет у меня есть догадки. Это я так, для красного словца. Но обстановка накаляется.

На это заявление Варфоломей только равнодушно пожал плечами. Он вспомнил Зайцева, который попытался приставить к нему нож, и подумал, что с такими легко справится.

— Не очень-то они сильны, охотники эти, — поделился он своими выводами. — Почему ты мне ничего не сказал про какой-то Совет? Ко мне как-то подошли на улице трое.

— Ой, ну что про них говорить? — удивился Амадей. — И так же все

понятно. Небось очередной Зайцев. Знаю я их семейку. С сынком дел не имел, но с прадедом его, дедом и отцом приходилось. Фанатики, сами себе правила написали и сами же им следуют. Нам от этого ни горячо, ни холодно. Были бы опасны, я бы тебе сказал. Нет... ты бери выше.

— Выше куда? — спросил Варфоломей и посмотрел на небо.

— Не так высоко. Не настолько. Пойдем до Библиотеки Ленина, а там мимо дома-музея Шилова и прямо по улице, — предложил Амадей.

Черти бодро зашагали по Москве.

— Так вот, про «выше», — вернулся к теме Амадей. — Понимаешь, у меня все было на мази. Люблю жадных людей. С ними приятно иметь дело и всегда можно договориться. Вышел я на тех, кто над Зайцевыми. Небольшая любезность с моей стороны, и имя Веры должно было исчезнуть из всех гадких списков. И что я вчера узнаю? Этих прекрасных жадных людей, которые так охотно со всеми сотрудничали, отправили к демонам, а на их место поставили лютых нечистефобов и демононенавистников.

— К демонам отправили? Повысили? — поинтересовался Варфоломей.

— В смысле, порешили их. Как вообще можно существовать в таких условиях? — сокрушался безрогий, блестя черными глазами. — Никакой стабильности. Невозможно планировать даже на век вперед. Обязательно какая-нибудь смута.

— Кстати, о ведьмах, — вставил Варфоломей. — Понимаешь... тут такое дело... У меня случайно завелась ведьма. Точнее, больше времени мы проводим у нее, поэтому будет правильнее наоборот.

— Это хорошо, — сказал Амадей. — Так, в Москве я знаю Марианну, Юлию... ну, Дарья Поликарпова, хотя очень сомневаюсь. Еще...

— Нет, — сказал Варфоломей. — Понимаешь, так получилось, что Ева — новая ведьма. Вера поэтому приходила, обещала научить силой управлять. А то у Евы колдовство какое-то особенно дикое.

Амадей даже остановился:

— Как? — выдохнул он.

Варфоломей только развел руками:

— Предметы двигает.

— Нехорошо, — сказал Амадей, — нехорошо. Ну да что уж теперь. Придется тебе, Варфоломей, быть повнимательнее. Приглядывай за ведьмой.

— Слушай, — Варфоломею неожиданно пришла в голову очень простая идея, — а нельзя ли этот Совет того... как ты сказал... к демонам?

И никаких проблем больше не будет. Выловить их всех — и кр-р-рх.

Черт выразительно провел рукой по горлу.

Амадей скривился:

— Думаешь, ты первый, кому в голову приходит столь блестящая мысль? Не первый. Будь все так просто, уже давно никакого Совета не было бы, по улицам разгуливали ведьмы, а вместо атомной бомбы люди бы сделали что-нибудь магическое. Нет, Варфоломей, это не метод. Так нельзя. Должны быть в мире какие-то правила и устои. Я за хорошо организованный хаос, который тяготеет к порядку.

* * *

Ева пила кофе, когда в дверь позвонили. Она посмотрела в глазок, отчего-то ожидая увидеть там ведьму. Очень занимал вопрос: как обучают колдовству и есть ли какие-то школы магии? Сейчас же такое время, что учат всему: как одеваться, как ходить, как говорить, как танцевать, как рисовать, как понимать книги... Так что где-то должны учить и колдовать. Наверняка даже диплом дают с большой красивой печатью. Но на лестничной клетке стоял мужчина в синем комбинезоне.

— Проверка газового оборудования, — сообщил он и ткнул в глазок удостоверение.

Ева открыла дверь и еще раз внимательно ознакомилась с документами. Зверев Андрей Викторович. Фамилия, имя и отчество были совершенно обыкновенными и почти мгновенно улетучивались из памяти.

Сотрудник газовой службы оказался аккуратным. Достал из сумки бахилы и прошел на кухню. Там он очень внимательно посмотрел, не закрыты ли вытяжки, удостоверился, знает ли Ева, что делать, если почувствует запах газа.

Ева знала. Нужно открыть окна, не включать и не выключать свет или другие электроприборы и позвонить в газовую службу.

Газовщик очень внимательно осмотрел то, как соединяется труба. Дал расписаться в двух бумажках. Он вообще был очень внимательный, а его цепкий взгляд улавливал каждую деталь обстановки квартиры.

Григорий смотрел на незнакомца с подозрением, а когда тот сказал дежурное «Какой хороший котик», выгнул спину и с шипением отступил из кухни.

Казалось, рядовая проверка. Но помимо визитки с телефоном газовой службы мужчина оставил за плитой маленькую, на вид очень древнюю

монетку с почти истершейся чеканкой, покрытую странными пятнами, напоминающими кровь.

Правда, Ева об этом даже не подозревала. После ухода газовщика она честно пыталась заниматься рутинными делами, но в результате обнаружила, что сидит в Интернете в поисках костюма для предстоящего маскарада. Или, как говорили черт и ведьма на старинный манер, «маскерада».

Подробных инструкций по подбору костюма у Евы не имелось. Знай она тему вечеринки, стало бы значительно проще. Первой мыслью было одеться ведьмой. Захотелось примерить остроконечную черную шляпу и длинное платье с глубоким вырезом. Но мысль Ева отвергла как банальную. Слишком очевидно. И потом, уместно ли? Если она на самом деле ведьма и оденется ведьмой, получится никакой не маскарад. Это как если бы Варфоломей вырядился бы чертом.

Ева рассматривала разные образы. Алиса в Стране чудес — пышная юбка и полосатые колготки, а на голове бантик. Но не с ее цветом волос. Все-таки сейчас она натуральная брюнетка. Быть может, Белоснежка? Ева улыбнулась, представив Варфоломея в костюме гнома. А если нарядить Григория в колпачок, их можно будет назвать «Белоснежка и два гнома».

Попались очень красивые фотографии с венецианских карнавалов. Пышные платья, причудливые маски. Занятно. Но не слишком ли? Ева отмела парчовые сарафаны и кокошники как направление. По понятным причинам не стала рассматривать костюмы гусеницы, пчелы, панды и зомби. Она никогда не думала, что у нее возникнут проблемы с тем, в чем пойти на чертов праздник.

Ева снова вернулась к образу ведьмы. Платье черного цвета с глубоким декольте можно надеть, и не один раз. И шляпа... весьма пригодится на тот же Хеллоуин. И вообще образ довольно универсальный. В жизни немало случаев, когда можно нарядиться ведьмой.

Звонок Варфоломея отодвинул мучительный выбор. Черт очень своевременно пригласил Еву на обед.

* * *

Ева вошла в ресторанчик. Всю дорогу она переписывалась с Софийкой, которая слала кучу фоток с кенгуру и австралийскими аборигенами. Оторвав взгляд от экрана смартфона и оглядев зал, Ева оторопела.

Варфоломей был не один, а с другим чертом, и они тихо беседовали.

То, что это был черт, не вызывало сомнений. Больше всего Еву шокировало настоящее рыло. Нет, смотрелось оно весьма органично. Даже симпатично. Можно сказать, черт был по-своему привлекателен. Темные кудри, пронзительные черные глаза.

Варфоломей заметил Еву и приветливо помахал рукой. Ева решила, что бежать или делать вид, что они незнакомы, было бы глупо и просто невежливо. «Подумаешь, еще один черт? — говорила она себе. — Черти бывают разные!» Внутренний голос услужливо пропел: «Черные, белые, красные».

Стараясь дышать ровнее и улыбаться как можно непринужденнее, она подошла к столику.

— Ева, познакомься, это Амадей.

Амадей галантно поднялся и пожал руку. Ева отметила, что когти у него аккуратно заточены. Интересно, где делает маникюр? Ходит в салон или сам вечером? Она приказала своему воображению остановиться, но уже очень ярко представила Амадея сидящим в ванне с густой белой пеной и подпиливающим когти на руках. Почему-то воображение посчитало важным скрыть буйные чертовы кудри под шапочкой для душа.

— Очень приятно, — сказала Ева.

— Амадей тоже черт, — шепотом сообщил Варфоломей, хотя этот комментарий был излишним.

— Я поняла.

— Так-так-так, — сказал Амадей, и Еве стало немного неудобно под его взглядом. В самой глубине зрачков черта бликовали малиновые всполохи. — Так-так-так, — повторил он и глубокомысленно добавил: — Значит, вот оно как.

— Вера, с которой ты вчера познакомилась, ведьма Амадея, — продолжил Варфоломей. — Это к ним мы идем на годовщину.

— Да, и, между прочим, Ева, — Амадей сделался несколько суровым и нахмурился, — Варфоломей очень несерьезно отнесся к выбору костюма. Оказывается, он этим вообще не занимался. Поэтому я надеюсь на вашу сознательность.

Черт обворожительно улыбнулся.

У Евы на языке вертелась тысяча вопросов, но первым с губ сорвался вопрос о костюме:

— А есть ли у вечеринки какая-то тема? Я пытаюсь определиться с костюмом, но не знаю, что выбрать.

— Ева, ты еще не посмотрела меню. Мы-то с Варфоломеем уже заказали.

Она послушно открыла книжечку.

— Рекомендую попробовать во-о-от эту рыбку, — подсказал Амадей.

— Хорошо, — покладисто согласилась Ева.

— Насчет костюма. В этот раз мы решили не ограничивать гостей. Всех ждет абсолютная сборная солянка! А то вечно кто-то ноет, мол, я в этом веке жил, а я — в том... а вот я против этой темы... А еще есть у меня один знакомый. Так вот, какую бы тему мы с Верой ни выбрали, он обязательно разденется. Кстати, он у всех так себя ведет.

Ева выразительно посмотрела на Варфоломея.

Амадей разлил воду по стаканам.

— Этот демон очень удобно устроился, не тратится на костюм. А когда его пробуют призвать к порядку, делает круглые глаза и говорит, — «Я в костюме Адама».

Ева попала под обаяние Амадея. Раз можно как хочется, она все же станет настоящей ведьмой в остроконечной шляпе.

— А, Ева, спешу вас поздравить, — очень официально вдруг заявил Амадей.

— С чем же?

— С новым статусом. Ты теперь тоже нечистая сила.

Безрогий черт улыбнулся, но улыбка тронула только губы, глаза же остались очень серьезными, в них не было ни грамма веселья. Он предвкушал весьма бурный скандал, который устроит Вере за то, что не рассказала о новой ведьме.

А потом — не менее бурное примирение.

Глава 20

— А знаешь, этот черт Амадей довольно харизматичный, — сказала Ева. — Обаятельный. Конечно, к нему надо привыкнуть, но он гораздо приятнее многих моих знакомых. Если все черти такие, как вы, не понимаю, откуда взялись легенды про зло и все такое.

— Амадей коварен.

Варфоломей держал Еву под руку и временами оглядывался по сторонам. После разговора про Совет и охотников он растерял всю беспечность, с которой раньше топтал Землю. Получается, новый мир не так прост и дружелюбен, как казалось на первый взгляд. И еще Ева... Несмотря на обретенные силы, она оставалась очень уязвимой. Предстояло научиться пользоваться магией.

Варфоломей представил себе, что кто-то типа Зайцева может подойти к ней и приставить к ее ребрам нож И едва не зарычал от гнева.

— Ты чего? — спросила Ева, чувствуя перемену настроения.

— Да так... задумался.

— Снова о книге?

Черт улыбнулся.

— Нет... немного о другом.

— Варфоломей! Я идиотка! — почти прокричала Ева и остановилась как вкопанная.

Варфоломей даже подпрыгнул от неожиданности.

— Ева! У меня чуть душа в пятки не ушла, — пошутил черт. Как он считал, очень смешно. Но как иногда бывает с шутками, эту проигнорировали.

— Заморачиваюсь с костюмом для вечеринки. Вот уж точно говорят: сапожник без сапог. Поехали в театр!

Ева выхватила телефон и принялась ожесточенно строчить эсэмэски.

Черт ничего не понял.

— Объясни, что случилось?

— Ну как же! У меня столько знакомых костюмеров. Можно же взять костюмы в театре. Я написала сейчас Алине и Татьяне. Заглянем ко мне на работу, я тебя познакомлю со своими коллегами. Сегодня побываешь за кулисами, а потом уже — на премьере спектакля.

— Ну, я всегда могу одеться человеком. По-моему, у меня неплохо получается, — сказал Варфоломей.

— Да, — согласилась Ева, — но смысл маскарада в том, чтобы на время примерить образ какого-то определенного человека... — она немного подумала и добавила: — ...или существа. Можно же одеться демоном, зомби, привидением. Нужно притвориться кем-то другим.

— У меня есть фрак, — поделился Варфоломей. — Я могу притвориться любителем оперы.

— Так. — Ева взяла власть в свои руки. — Мы. Едем. В театр.

* * *

Зайцев смотрел, как Зверь с аппетитом поглощает щи с кислой капустой и заедает уже четвертым пирожком с мясом. И завидовал аппетиту, не имеющему видимых последствий. «В спортзале он, что ли, живет?» — с раздражением подумал Алексей и вернулся к нити разговора.

— Ведьма ничего не заподозрила. Впустила меня, дала все осмотреть. А положить монету было очень просто, — вещал Зверь.

Зайцев достал телефон:

— Толик пишет, что черт и ведьма домой не торопятся. Резко остановились посередине улицы и отправились в противоположном направлении. Может, все-таки заподозрили?

— Спокойно, Леша. Уверен, что нет.

Зверь принялся за бефстроганов с пюре.

— А если они больше не вернуться в эту квартиру? Или проклятье на монете не подействует на черта?

Зайцева снедало нехорошее предчувствие. Черт с ведьмой действовали уж слишком нестандартно. Аналитики до сих пор не могли разгадать всех кодов, которые содержал текст, отправленный в редакцию. Но сходились в одном: план был дьявольски изощренным. Книгу издадут, она разойдется по всей стране. По магазинам, по библиотекам, в конце концов. А еще появится электронная версия, которую начнут читать. И кто? В основном женщины!

Алексей стиснул зубы от гнева. Черти хотели захватить умы женщин. Для чего — пока не ясно, но явно готовилось что-то мерзкое. Воображение Зайцева разгулялось не на шутку, одна картина была страшнее другой.

Ему удалось согласовать эксперимент с участием нескольких женщин. Эти отчаянные не побоялись рискнуть собой. Им дали чертов текст и посадили в специальные комнаты в бункере. Книгу прочитали, но пока ничего не происходило. Хотя кто знает? Возможно, магия действует не

сразу.

Одна сказала, что ей интересно прочитать продолжение истории. Вторая плевалась. А третья только пожала плечами и заметила, что книжка — на один раз, но тоже было бы интересно узнать, что же случится дальше с королем фейри.

Несомненно, выборка была слишком мала.

Зайцев немного подумал и понял, что должен пойти на риск. Он принесет чертову распечатку домой и подсунет жене. Правда, нельзя просто так всучить ей текст и сказать: «Читай». Нет. Тут нужно действовать хитрее. Алексей все продумал и решил обернуть листы упаковочной бумагой. А потом поставить печать «Секретно». Дело оставалось за малым: категорически запретить жене это читать.

— Как это — не вернутся? — хмыкнул Зверь, прервав размышления Зайцева. — Сам подумай: у ведьмы же кот. Прибежит она домой, не беспокойся. А черт — за ней. И проклятие подействует! — Он успокаивал Алексея, как ребенка. — Монетка только выглядит маленькой, но колдовство на ней серьезное. Чертей, демонов и всякую потустороннюю мразь ослабляет на раз. Будет проще захватить и выяснить, что к чему. Все расскажет, только успевай записывать. Ну и, само собой, убить его станет легче. Потом.

Зверь улыбнулся, и Алексея пробила дрожь от этой безмятежности. А потом тренькнул телефон: Зайцев получил от Толика СМС.

— Похоже, они точно что-то готовят через масс-медиа. Черт и ведьма только что зашли в театр «Дети Трюффо». Со служебного входа.

* * *

Попасть за кулисы — это как попасть в Зазеркалье. Именно здесь из вполне себе заурядных материалов творится особенная театральная магия.

Еву и Варфоломея встретила Алина, полная величественная красавица.

— Пользуешься своим служебным положением? — сказала она Еве.

— Конечно, — подтвердила та.

У черта возникло ощущение, что две женщины состоят в каком-то тайном обществе и только что обменялись паролем.

Алина посмотрела на Варфоломея, обошла кругом.

— Так... и какой костюм мы хотим? — строго спросила она. — Что будем собирать?

— Я хочу быть ведьмой, — сказала Ева, слегка стесняясь, — а вот что

сделать с Варфоломеем, ума не приложу.

— Конкретнее, Ева. Какой ведьмой ты хочешь быть? Баба-яга, европейская ведьма, мексиканская, страшная, сексуальная... Мне нужен бриф.

Алина закатила глаза.

— Я хочу остроконечную черную шляпу.

— Так. Я поняла. ТАТЬЯНА!

Сам того не осознавая, Варфоломей погрузился в мир шоу-бизнеса. Ассистент Татьяна притащила ворох одежды.

Алина руководила примеркой Евы, буквально лепила из нее ведьму.

— Так, ну если ты ведьма, Ева, — деловито сказала Алина, — то что думаешь про вуду? Может, сделаем из Варфоломея барона Субботу? Ты же нарисуешь ему череп на лице? Получится эффектно. У меня просто есть фрак его размера. Цилиндр найдем.

— У меня уже есть фрак, — обрадовался черт. — Ева, я тебе как раз говорил.

Потом он понизил голос и спросил:

— А эта Алина случайно не ведьма? Она так много знает...

Ева покачала головой.

— Если свой фрак есть, вообще замечательно. ТАТЬЯНА! НЕСИ ЦИЛИНДРЫ! Прикольно складывается.

И она продемонстрировала Варфоломею барона Субботу на картинках из Пинтреста.

Черту понравилось. Образ был пугающий, а рога и цилиндр друг другу не мешали и смотрелись весьма смело.

Из театра Ева с Варфоломеем вышли веселые, уставшие, довольные, со свертками в руках. Ева несла бархатную остроконечную шляпу, которая безумно ей шла.

* * *

«Леша, готовь штурмовой отряд. Через пару часов после того, как черт войдет в квартиру, его можно брать. И ведьму заодно. Может, из-за нее он быстрее расколется».

* * *

— Что-то я сегодня устала, — сказала Ева.

Они с чертом поднимались в лифте.

— Я могу завернуть тебя в одеяло и поить чаем, — предложил Варфоломей и коварно ухмыльнулся. — Почитаю вслух роман, который почти перевел. Точнее, переработал.

— Звучит заманчиво, особенно первая часть про одеяло.

В отношениях надо идти на компромисс. Важно интересоваться делами друг друга. Но слушать любовные романы? Даже учитывая то, что у Варфоломея очень приятный голос?..

Ева вздохнула. Что ж, придется пойти на эту жертву.

— И, конечно, я с удовольствием послушаю роман. Его же ты написал.

— Не совсем. Я его перевел и переосмыслил. Почти ничего не добавил. А, ладно, к черту скромность. Он стал значительно лучше!

Ева достала ключи. Они привычно звякнули, дверь открылась. Черт и ведьма дружно отшатнулись. Ужасающее зловоние, рванувшееся навстречу, буквально сбивало с ног. Даже слезы на глаза наворачивались.

— Что? Что за?..

Ева и Варфоломей вошли в квартиру. Григорий не показывался. Ева влетела в кухню, где и обнаружился источник запаха.

— Кот! Ты что же наделал?.. — гневно начала она и растерянно замерла перед плитой.

— Варфоломей, он никогда так себя не вел.

Ева даже не находила слов, чтобы ругать кота.

— Какой ужас! Он... он... что, и в конфорки, и на полу? — продолжила она. — Но КАК?

Вокруг плиты стояли липкие, уже подсохшие желтые лужи. На плите тоже.

— Да, похоже, ради этого он выпил всю воду из миски. Надо же, а такое маленькое животное! Похоже, он занимался этим все время, пока нас не было.

— ГРИГОРИЙ! — заорала Ева.

Неожиданно черт насторожился. Он быстро заглянул под стол и сделал такое движение, будто что-то поднял с пола и положил себе на ладонь.

— Это очень черная магия, Ева, — сказал он, глядя на совершенно пустую руку.

— Да уж. Просто безумие какое-то! Григорий! Ну-ка иди сюда! Ты у меня сейчас получишь. Никогда тебя не наказывала, но сейчас буду мордой тыкать! Он что, так протестует? Может, это ревность?

— Ева, поддержи их.

Варфоломей поднялся.

— Кого, Варфоломей?

— Бесов. Протяни руки.

Ева машинально выполнила просьбу.

— Я их не вижу, — шепотом сказала она и вздрогнула. Ощущение было таким, словно ее ладони коснулся краешек меховой шубы на морозе.

— Совсем холодные, — пробормотал Варфоломей, после чего буквально выставил Еву за дверь.

— Григория я разыщу. Подожди здесь.

Кот окопался под кроватью и приготовился выдержать осаду. Глаза были словно блюдца, уши прижаты, он открывал пасть, демонстрируя острые зубы, шипел и плевался. Казалось, Григорий совершенно обезумел и черта не узнал. Варфоломей только потянулся к нему, как на запястье появились четыре глубоких пореза.

Пришлось набросить на кота одеяло. Варфоломей выскочил из квартиры со свертком, из которого то и дело появлялась когтистая лапа. Кот не сдавался.

— Идем, Ева. Не урони бесов.

Черт и ведьма спустились в квартиру Варфоломея, выпустили ошалевшего Григория. Варфоломей забрал у Евы бесов и устроил их на столе.

— Что с ними? — спросила Ева, глядя на пустую столешницу.

Григорий неожиданно успокоился и степенно прошел в комнату, где запрыгнул на кровать и немедленно погрузился в дрему. Впрочем, один глаз он оставил открытым.

— Что с моим котом, Варфоломей? Что вообще происходит?

— Ева, оставайся здесь, я должен все проверить. Скажи, кто-нибудь к тебе приходил? Что-то приносил?

— Не-ет. Ничего. Никто.

Ева занервничала и растерялась.

— Может, какой-нибудь курьер? — предположил черт.

Ева потерла лоб.

— Я ничего сегодня не заказывала. Варфоломей, да объясни же? Что происходит?

— Значит, никого не было?

Взгляд Варфоломея стал тяжелым, напряженным.

— Вспомнила! Из газовой службы приходили. Сказали — плановая проверка. Но... Варфоломей, что за чертовщина?

Ева ничего не понимала.

— Посиди здесь. Дверь никому не открывай. Никуда не уходи. Я скоро вернусь. Если что — сразу звони, телефон у меня с собой.

Варфоломей вышел. Поднимаясь по лестнице, набрал номер Амадея.

— Гр-р-р... Амадей, — прорычал черт, — это срочно! Да, совсем срочно.

И сбросил вызов.

Перед дверью Евиной квартиры черт остановился и перевел дыхание. В крови бежало адское пламя, шерсть встала дыбом, хоть под одеждой это и было не заметно.

— Ну же... Амадей, давай.

Двери лифта открылись. Пахнуло серой и самим Адом.

— И что за срочность? У тебя был такой голос, что я уж подумал — действительно нехорошее. Даже явился, опять нарушив все законы...

* * *

Зверь и Зайцев сидели в машине и ждали. Рация мерно зашипела и ожила.

— Сокол один. На позиции.

— Сокол два. На позиции.

— Кондор. На позиции.

— Орел. На связи.

— Ладно, парни. Ждем сигнала.

Алексей нервничал и прикидывал риски. Он любил все тщательно и долго планировать, а сейчас полностью утратил контроль. Все происходило слишком быстро.

— Дадим колдовству еще немного времени. Пусть черт ослабнет, — довольно улыбаясь, сказал Зверь.

Зайцев прикидывал, как так получилось, что он ввязался в эту авантюру и передал бразды правления в руки человека, которого знал меньше суток. Он ни секунды не колебался, когда тот приказал собрать людей. Да, конечно, его прислали на помощь, но вот так попасть?

Достав из кармана какой-то старый чек, Зайцев принялся его мять и рвать на мелкие кусочки. Еще Зверь пользовался магией. Монеты эти...

— Не нервничай, Леша. Я же твоим людям все подробно объяснил. Все, что им нужно, — просто подойти к двери и позвонить. Знаешь, как в книжке говорилось: «Стучите, и вам откроют». Один заберет ведьму, думаю, справиться с женщиной сил хватит. Два других выволокут черта.

Ну, а четвертый будет придерживать двери и поможет в случае каких-либо осложнений. Так что нормально.

Он дружески хлопнул Алексея по плечу.

— Не доверяю я магии, — сказал Зайцев.

Зверь оскалился, назвать эту гримасу улыбкой не поворачивался язык.

— Подождем, — отрезал он.

Зайцев посмотрел на свои колени. Они были усеяны белыми обрывками.

* * *

Окружив себя всеми возможными защитными чарами, черти вошли в квартиру. Очень медленно, словно ступая по тонкому льду, двинулись на кухню.

— Я бы ничего не понял, если бы не бесы. Они под столом лежали, посинели и скорчились. Явно магия. Но я ничего не почувствовал.

— Ева? — деловито спросил Амадей.

— Нет, — ответил Варфоломей. — Точнее, очень в этом сомневаюсь.

Амадей понимающе кивнул:

— Да, мы все хотим во что-то верить.

Он очертил магический знак. Сначала ничего не произошло, потом над плитой появилось легкое, едва заметное свечение, которое тут же рассеялось.

— Дело в плите? — поинтересовался Варфоломей, хотя уже и так знал ответ.

— Да, что-то тут нечисто.

Черти очень аккуратно сдвинули плиту.

— Нечисто — это не то слово. Осторожно. Кот Григорий психанул, похоже.

Амадей достал телефон и включил фонарик.

— Ничего не вижу.

— Дай я посмотрю.

Варфоломей еще чуть отодвинул плиту и включил фонарик.

Заиграла веселая мелодия.

— Да, Ева. Все хорошо, мы пока разбираемся, что к чему. Я позвоню. Как там Григорий? Спит. Вот и отлично.

— Варфоломей! — возопил безрогий черт. — Тебе никто не говорил, что нужно отключать чертов звук, когда занят СЕРЬЕЗНЫМ ДЕЛОМ! Я

чуть не... В общем, вашему коту было бы до меня далеко.

Варфоломей уставился на пол. Пыль, крошки, кошачья шерсть.

— Смотри!

— А кот-то совсем не дурак, — сказал Амадей, глядя на маленькую древнюю монетку, завязшую в липкой луже.

— Похоже, почуял неладное. И сделал что мог, чтобы обезвредить колдовство, — кивнул Варфоломей.

Он сходил за резиновыми перчатками и достал вещицу.

— И ему это удалось, — сказал Амадей. — Знаешь, значение кошачьей мочи недооценивают. Благодаря усиленной и самоотверженной работе мочевого пузыря Григория сейчас ты держишь в руках просто археологическую диковинку.

Амадей с отвращением уставился на полуистершийся профиль на монете.

— Но я видел такие штуки раньше. Действует против демонов, чертей и влияет на все потусторонние сущности. Сильная штука, просто так не найдешь. Хорошо, что у тебя бесы живут. По ним сразу же шарахнуло, и ты заподозрил неладное. А то пока бы почувствовал, поздно уже стало.

— Бесов жалко, — сказал Варфоломей. Рога его матово блеснули под лампой, а голубые глаза приобрели красноватый оттенок, каким бывает небо на закате, когда солнце бросает на него последние лучи.

— Жалко, — согласился Амадей и немного подбодрил друга: — Но они существа живучие. И кот твой — молодец. Отлично сработал! А то, обезвреживая эту магию, получили бы слабость на две недели. Знаешь, как это для мужского здоровья вредно?

— Да ты что!

Амадей серьезно кивнул, подтверждая свои слова, и поцокал языком.

— А что ты знаешь про эти монеты?

Безрогий приосанился и принялся расхаживать по кухне, ну чисто профессор на лекции перед студентами. Даже в голосе появились менторские нотки:

— Их еще называют царскими. Появились в петровское время. Петр Первый был человеком невероятно деятельным, все науки хотел уразуметь, интересов имел немерено. Шило у него было в заднице, если меня спросить. И вот заинтересовался он таким вопросом, как чеканка монет. Для этой цели отправился в Лондон, где посетил монетный двор и постигал там премудрости сего дела. Говорят, его обучением занимался сам Исаак Ньютон. Улавливаешь?

— Не очень, — ответил Варфоломей, который не мог похвастаться

знакомством ни с Петром Первым, ни с Исааком Ньютоном.

— Ньютон был мистиком и масоном, баловался магией. Петр тоже не гнушался всяким оккультизмом и вел активную переписку с демонами и чертями. Хотел наши секреты получить. Началась история с русской водки. Ни одна толковая история, знаешь ли, не начинается с салата.

— Так что там с водкой?

— Выпили. Русский царь и Ньютон. Англичанин быстро поплыл. Стали они песни орать. А потом Петр обозлился. Вспыльчивый он был. Один раз триста зеркал расколошматил в порыве... Но не важно. Обозлился царь, черти ему стали мерещиться. Он им грозит кулаком: «У, нечистые, отплачу я вам за все унижения. Не хотите секретами делиться, сволочи...» И все в таком духе.

У Варфоломея возникло стойкое ощущение, что неспроста этот самый Петр чертей увидел. Рассказывал Амадей так, будто лично при том разговоре присутствовал.

— Англичанин услышал, стал выяснять, кому царь хочет отплатить. Говорю же, водка для англичанина — чистый яд, уж лучше б они пили виски шотландский, не дошли бы до такого непотребства. Ньютон и предложил шутку эту — изготовить монет и наложить на них древнее заклятие вавилонских времен. Кто его придумал — не спрашивай, сам хотел бы знать. Экспериментировали они, а в результате получился целый ларец таких вот монет. И с годами это проклятие не развеивается, а только крепче становится.

— И где теперь этот ларец?

Амадей выразительно пожал плечами.

— Нет такой вещи, которую люди не могли бы потерять. Но известно, что при жизни Петр таки сумел заплатить такими монетами парочке демонов, от чего те благополучно отправились в лучший мир.

На лице черта промелькнуло странное выражение. Губы его растянулись в мстительной улыбке. Варфоломей понял, что глубоко в эту историю лучше не погружаться.

— А для людей? Как монеты действуют на людей? — спросил черт.

— Очень хороший вопрос. Правильный. Я бы сказал, брат Варфоломей, зришь в корень!

— Амадей, короче.

— Никак. Для людей эти монетки совершенно безвредны. Так что на твоём месте я бы задумался. Не могла ли Ева...

Амадей скромно замолчал, давая Варфоломею самому прийти к нужной мысли.

Варфоломей перешел на чертово наречие. Он обрушил на монету такой поток чистейшей ярости и гнева, что края ее немедленно оплавилась, а сердцевина стала кроваво-красной. К кошачьему запаху прибавилась вонь жженой резины. Монета и перчатка сгорели без остатка, но на коже черта не осталось и следа.

— Кто-то хотел отравить тебя, Варфоломей, — сказал Амадей. Его рыло воинственно дернулось, и он издал боевой чертовский возглас. — И сделать хотел это подло и грязно. Ослабить и добраться до тебя, беспомощного. Нужно поспрашивать Еву. Люди — они не слишком стойкие существа. Могу вспомнить навыки. Я ж говорил, что работал с испанской инквизицией?

— Говорил! — огрызнулся Варфоломей.

— Мастерство никуда не девается.

В словах Амадея звучала неприкрытая гордость с легким оттенком самолюбования.

— Нет.

— Я просто предложил. По-дружески.

— Амадей!

Черт начал терять терпение. Его и так угнетала сложившаяся ситуация, а тут еще Амадею в голову втемяшились опасные идеи и он пристал с ними, как банный лист.

— Тебе решать. Это тебя хотели убить. И я могу помочь.

Как говорится, никогда не сдавайся. Возможно, твой собеседник еще не понял своего счастья и не оценил блеск перспектив. Амадей не сдавался, но Варфоломей тоже был не промах и стоял на своем:

— Спасибо. И мы не будем пытаться Еву. Просто забудь об этом.

— Хорошо. Но если что...

Варфоломей грозно рыкнул, не дав Амадею договорить.

— Ладно, ладно, я понял. Пойдем отсюда. Вонь страшная. Надо бы у Веры спросить, чем это отмыть. Она точно знает, что делать. Всегда отслеживает выход всяких чистящих новинок. Нравится ей в химии разбираться.

И тут в дверь позвонили.

— Нет, ну Ева! — вспыхнул Варфоломей. — Я же сказал, сидеть у меня и не выходить.

Он метнулся в прихожую и рванул щеколду. Но за дверью стояла не Ева. За дверью оказались четверо молодых людей с комплекцией, которая в народе именуется «шкаф с антресолями». На одном была футболка с медведем и надписью: «Один в поле воин, коль по-русски скроен».

Амадей выпрыгнул в прихожую с криком:

— Ага! Попались! Испанская инквизиция не дремлет! Тащи их внутрь, Варфоломей!

Четверка явно не ожидала встретить двоих бодрых, совершенно здоровых и крайне разозленных чертей.

Но следует сказать, что молодые люди успели достать пистолеты.

Глава 21

— Твои орлы пошли. Значит, скоро у нас в руках будут черт и ведьма. Ты когда-нибудь кого-нибудь допрашивал? — спросил Зверь с кровожадным интересом.

Алексей промолчал. Время для него тянулось мучительно медленно, словно каждая секунда ползла с черепашьей скоростью. Нехорошее предчувствие сделалось нестерпимым.

— Как по мне, это самая занимательная часть нашей работы, — продолжил Зверь. В его глазах светился азарт, помноженный на маниакальный блеск.

— Что-то они долго не выходят, — посетовал Алексей, не в силах сдержать тревогу.

— Сейчас. Крупный этот черт. Тяжелый. Так просто не вытащить.

Из подъезда как ни в чем не бывало вышел черт Варфоломей, огляделся и отправился прямо к магазину в подвальчике, где двадцать четыре часа в сутки продавали продукты первой необходимости. Зверь и Алексей ошеломленно наблюдали за тем, как он вышел оттуда через пару минут с бутылкой водки в руках и спокойно направился обратно к подъезду.

— Он не выглядит слабым и больным. Так и знал, что нельзя полагаться на магию. Где мои люди, Зверь?

Алексей схватил рацию:

— Сокол один, ответьте! Сокол два? Кондор, где Орел? Прием? Сокол, ответьте!

Алексей сидел с выпученными глазами.

— Нужно вытаскивать ребят.

Рация глухо шипела в ответ.

* * *

Ева не находила себе места, металась по квартире, то и дело поглядывая на свой телефон. Она отправила сообщение в мессенджер:

«Как дела? Уже можно подниматься?»

Пришел лаконичный ответ:

«Нет».

«Не волнуйся:)), — упало следующее сообщение.

Ева отправила сердечко.

Очень скоро в дверь постучали. Это оказался Варфоломей с бутылкой дешевой водки. Ева удивленно подняла одну бровь.

— Привет. Вот, для бесов.

Варфоломей достал две большие чашки с блюдцами, разлил водку и бережно переложил каждого беса со стола в чашку, где они устроились, как в джакузи.

— Пусть полежат, отойдут немного. Вот, уже в себя начали приходить.

Ева присмотрелась к чашкам. На поверхности одной стали подниматься пузыри. А в другой уровень водки уменьшился на несколько миллиметров.

— Если совсем все выпьют, можно добавить немного. Но этого им хватит здоровье поправить, а то иначе опять буйствовать начнут и петь, — напутствовал Еву Варфоломей.

— Да уж, помню их сомнительный репертуар, — сказала Ева. — Так что там у нас дома происходит?

— Эм-м... — уклончиво начал Варфоломей, — магия, Ева. Очень нехорошая, но мы с Амадеем нашли источник и почти обезвредили. Осталось выяснить несколько деталей. Ты отдыхай, я за тобой спущусь.

Ева поверила в реальность происходящего сразу и без лишних вопросов. На этот раз известие о магии отозвалось беспокойством, что какое-то колдовство могло причинить вред Варфоломею и ей.

— Вы там осторожнее.

Варфоломей поцеловал Еву в макушку и поспешил наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Прошло уже десять минут, как он оставил квартиру. Целая вечность. И все это время Амадей находился там один и без всякого присмотра. Не считая четырех борцов с нечистью.

Черт очень волновался за квартиру. Все-таки это дом Евы, и она к нему привязана. Не хотелось ненужных разрушений.

* * *

Варфоломей как вихрь ворвался в квартиру, готовый ко всему. Его встретила опасная тишина. Амадей сидел в кресле, руки свободно лежали на подлокотниках, в рубиновом перстне, казалось, горело адское пламя. Все четверо парней были связаны, лежали рядом и ненавидяще взирали на чертей.

— Все-таки удобно получилось, что у них были с собой веревки, —

заметил безрогий. — И кляпы тоже пригодились. Хорошо подготовились. Как там бесы?

— Нормально, почти оклемались. Амадей! Где ты раздобыл красную мантию?

— Primum. Во-первых, сын мой, все нужно делать обстоятельно. Обрати внимание, как мысль материальна? Только сегодня вспоминали инквизицию, и вот сама судьба приводит к нам этих презренных грешников. Carpe Diem. Лови момент.

— Да, но мантия? И эта шапочка. Не слишком ли?

Варфоломей был поражен способностью Амадея подстраиваться под любую ситуацию и обстоятельства. В Евином кресле, на котором так любил спать Григорий, Амадей выглядел, как верховный инквизитор на престоле во время официальных аудиенций. Казалось, он значительно возвышается над всеми, хотя под креслом не было никакого возвышения.

— Secundo. Во-вторых, понимаешь, пытаться кого-то без шапочки и мантии — это бандитизм и жестокость.

Варфоломей закатил глаза, но все равно спросил:

— А в шапочке?

— А в шапочке, — сказал Амадей, — это вообще ради них самих. Ради общего блага и спасения.

Варфоломей понял, что проиграл и не сможет постигнуть подобных логических хитросплетений. В этот момент из рации донеслось:

— Сокол один, доложить обстановку. Немедленно ответьте, Сокол.

— Выключи, пожалуйста, эту штуку. Шипение раздражает. Представь, они тут все пернатые. Два сокола, орел, кондор. Я думаю, это как-то связано с метафорой. Подходящей мне кажется «птичьи мозги»!

Амадей стукнул кулаком по подлокотнику, потом глубоко вздохнул, возвращая самообладание, и продолжил, исполненный собственного достоинства:

— Думаю, нам понадобится очаг. Вот тут, в центре. Нужно раздуть угли и положить что-нибудь железное. Еще хорошо быстренько вбить в потолок крюк и соорудить дыбу. Что думаешь, Варфоломей?

У одного из парней сдали нервы. Глаза стали совершенно круглыми от страха, он мелко задрожал.

— Нет, давай не начинать перестановку. Крюк в потолке испортит краску. Ну какой очаг? Есть же плита, на худой конец. Кстати, надо проверить, работает она или нет.

— К этой плите я больше не притронусь, — Амадей даже слабо дернулся от отвращения. — Вот рубишь, рубишь мои творческие порывы

на корню! Но согласен. Будем по-простому. По-домашнему. Кстати, Ева занимается рукоделием? Может, у нее есть иголки?

— Не знаю. Она рисует. Подожди, что ты с пытками-то заладил? Давай для начала просто спросим. Может, они нам и так все расскажут.

Варфоломей приготовился вести переговоры. Пришла пора вспомнить профессиональные навыки.

— Нет, — ответил Амадей, — они будут молчать. Придется вырывать из них признание.

Он поднялся со своего импровизированного трона, наклонился и вытащил кляп у того, который был в футболке с медведем.

— Ты ничего не добьешься от нас. Мы лучше умрем, чем...

Амадей выглядел крайне довольным:

— Вот, видишь? А иначе я был бы крайне разочарован. Правильно, парень, не признавайся. Не обманывай моих ожиданий. Держись!

Но другой, который трясся и вращал глазами, был не таким стойким. Он изо всех сил старался прошамкать: «Я все расскажу», — но с кляпом получалось неразборчиво, а Амадей упорнейшим образом его игнорировал. Отворачивался.

— В конце концов, можно сделать внушение, — сказал Варфоломей.

— Да, конечно, они не смогут устоять перед чертовым обаянием.

Телефон Амадея закричал. Буквально. Вместо звонка было написано: «Господин назначил меня любимой женой».

Черт самодовольно ухмыльнулся.

«Господин назначил меня любимой женой», — надрывался телефон.

— Ты ответишь?

Варфоломей сложил руки на груди и выразительно посмотрел на друга, который явно наслаждался ситуацией.

— Сейчас, еще разок.

«Господин...»

Амадей нажал кнопку приема и ответил кротким голосом:

— Да, Верочка. Где меня черти носят? Я у Варфоломея. Занят немножко.

Варфоломей стоял рядом и прекрасно слышал, что Вера гневалась.

— Исчез. А ужин стынет. Ничего не сказал! Варфоломею привет передай от меня.

— Тебе привет от Веры, — прошептал Амадей, прикрывая микрофон рукой.

Варфоломей кивнул:

— Ей тоже.

— Варфоломей тебе передает привет.
— Ты мне зубы-то не заговаривай. Немедленно домой.
— Ну Вера-а, — у Амадея в голосе появились просительные нотки, — я тут немного занят. У нас тут инквизиция намечается.

— Ах, инквизиция. Дома тебе устрою инквизицию. Взял моду исчезать. Немедленно!

Амадей стянул с головы шапочку и покорно внимал. А ведьма разбушевалась не на шутку. Еще бы! Она несколько часов потратила на приготовление особенно сложного рецепта, и все, что требовалось от Амадея, — это съесть кулинарный шедевр с довольным урчанием, но безрогий взял и растворился в воздухе. А Вера и так не находила себе места. Ведь вместо красного острого перца она добавила зеленый халапеньо, а это могло сказаться на вкусе.

Вера еще немного побуйствовала и отключилась.

— Надо ехать, — серьезно сказал Амадей. — Что-то она завелась.

Варфоломей вздохнул с облегчением.

— Да, давай. Я тут сам управлюсь.

— Но, может, еще пять минуточек?

— Нет. Не стоит медлить. Тебе еще добираться.

— Эх, как всегда. На самом интересном месте, — с грустью сказал Амадей и стянул с себя красную инквизиторскую мантию.

Черт с достоинством покинул квартиру Евы, лампочки на лестничной площадке мигнули, погрузив все во тьму. Амадей исчез с лестничной площадки, оставив едва уловимый запах серы.

Варфоломей повернулся к пленникам:

— А мы с вами поговорим.

* * *

— Их надо спасать. Что, если прямо сейчас черт их пытается или его ведьма испытывает на них самые черные заклинания? Калечит души!

Алексей порывался выскочить из машины, но Зверь ухватил его за рукав. Хватка у него была железная.

— Не дергайся. Подождем еще немного.

Словно в подтверждение его слов подъездная дверь открылась, и со ступеней спустились доблестные борцы с нечистой силой. Выглядели они потерянно, и вместо того, чтобы направиться к машине, где сидели Зайцев и Зверь, повернули в сторону метро.

— Что за чертовщина! Куда это они?

Зайцев выскочил из машины и бросился следом. Почему-то окликнуть ребят он не решился, но, поравнявшись с ними, спросил:

— Эй, парни, вы куда? Что произошло? Что с чертом?

— С чертом? — удивился один. — Ты, мужик, пьяный, что ли? Иди погуляй.

— Андрюх, мне его рожа кажется знакомой. Ты кто?

Все четверо остановились и замерли, словно изваяния. Глаза смотрели прямо на Зайцева, но как будто сквозь него.

Зайцев растерянно оглянулся на неспешно подходящего Зверя.

— Чертово колдовство, — одними губами прошелестел он.

К счастью, парни не сопротивлялись, дали усадить себя в машину и доставить в убежище.

— Здесь что, квесты проводят? Прико-о-ольно.

— Надо же, настоящий бункер. Всегда хотел в таком побывать. Правительственный объект?

Оперативники по борьбе с нечистью рассеянно улыбались и крутили головами, словно попали в это место впервые.

Алексей озвучил очевидное:

— Черт что-то сделал с их памятью.

— Но не убил. И это очень интересно, — отозвался Зверь.

Он выглядел так, словно операция прошла строго по плану и можно рапортовать наверх о триумфальном завершении.

Алексей уже вызвал специалистов по порче и магическим воздействиям. Парней устроили в изолированные боксы, они по-прежнему пребывали в благостном расположении духа.

— Попробуем от них чего-нибудь добиться.

Спустя несколько часов удалось выяснить следующее: все четверо категорически отрицали существование сверхъестественного, все четверо приняли твердое решение сменить сферу своей деятельности. Андрей собирался отправиться жить на Бали и освоить серфинг. Толик был убежден, что сможет добиться успеха, если начнет плотничать и делать мебель по собственным эскизам. При этом его нисколько не смущало, что последний раз он держал рубанок в школе на уроке труда. Дмитрий твердил, что ему пора жениться, и рвался бросить все силы на поиск достойной девушки. Сердце подсказывало, что его судьба находится в Саратове. Почему в Саратове, объяснить он не мог. Дмитрий ни разу не бывал в этом городе, более того, никто из его родственников или знакомых там не проживал. Но решительней всех был настроен Антон, который

горячился и кричал, что должен немедленно открыть клининговую компанию. Он в состоянии сделать этот мир чище и лучше! Он хочет бороться с грязью!

Пришлось даже сделать ему укол успокоительного.

* * *

— Ева? — Варфоломей аккуратно потряс девушку за плечо. Она лежала, свернувшись калачиком под пледом. — Ты чего под одеяло не залезла, лежишь, скрючившись?

— Сколько сейчас времени? — Ева сонно потерла глаза. — Я думала, на три минутки глаза прикрою. Ой, шея! Как затекла.

Варфоломей присел рядом и принялся растирать Еве плечи и поглаживать шею.

— Как там, у меня? — поинтересовалась Ева.

— Все хорошо, — сообщил черт. — Немного стена поцарапана в коридоре, но я все узнал, ее можно легко замазать. У тебя краска осталась? Закрасим — вообще незаметно будет.

Ева кивнула, эта информация ее совершенно не взволновала. Она была заслонена другой, более важной.

— Идем все отмывать? — вздохнула Ева и содрогнулась от отвращения прямо как Амадей.

Варфоломей улыбнулся:

— Не волнуйся. Уже.

Черт времени не терял, но не стал вдаваться в подробности. Варфоломей не просто узнал у незадачливых борцов с нечистью, что операцией по его захвату руководили Зайцев и «какой-то новый охотник», но еще и провел разъяснительную беседу на тему «Почему не стоит трогать потусторонние сущности», совместив все это с трудотерапией по отмыванию кухни. Труд — он облагораживает, об этом хорошо известно даже в Аду.

— А как там бесы? — спросила Ева и бросилась на кухню. Бутылка лежала на боку, от водки не осталось ни капли, даже запаха не было и в помине.

Из кухонного шкафчика раздалось шуршание, потом дверца приоткрылась, и оттуда выпал наперсток.

— Так напились, что говорить не могут, — сказал Варфоломей. — Но они действительно крепкие ребята. Быстро оклемались.

— Как хорошо!

Ева ужасно обрадовалась. Хотя бесов она по-прежнему не видела, они представлялись ей в виде маленьких вредливых гномов — розовощеких, в красных колпачках и с рожками. Хотя к реальности это и не имело никакого отношения. Но иногда наши заблуждения приносят нам большую пользу.

— Нужно поспать, — сказала Ева.

— Да, Ева, — уверенно начал Варфоломей, — мы сейчас поднимемся к тебе, соберем кое-какие вещи, и...

* * *

Ева сидела в машине. Ведьмовская шляпа то и дело сползала на глаза, Григорий из переноски громогласно протестовал. Водитель включил Моцарта, мелодичные звуки наполнили салон.

— Не понимаю, как ты умудрился меня уговорить, — ворчала Ева. — Мне же завтра в театр нужно. А мы едем черт знает куда, черт знает во сколько.

Варфоломей тонко улыбнулся и указал на плюсы, которое сулило задуманное им мероприятие:

— Сейчас нет пробок, так что к Амадею мы почти долетим. Ты сможешь начать учиться колдовать с Верой.

Ева фыркнула и поправила шляпу.

— Как удобно, что Амадей прислал за нами свою машину! — сказал Варфоломей.

При всей внешней расслабленности черта тревожила ситуация с Советом, а учитывая, что Ева совершенно новая ведьма, защита ей не помешает. Тем более что в дом Амадея начнет съезжаться нечистая сила, и люди просто не рискнут туда сунуться.

Варфоломей ободряюще улыбнулся.

Григорий перешел в своей переноске к молчаливому протесту. Он повалился набок и слегка высунул язык, показывая, что думает о всяких поездках в неизвестном направлении. Но окружающие проявляли удивительную черствость и игнорировали «страдания» кота.

— Меня тревожит, что мы едем на пару дней к черту и ведьме! Это, знаешь ли, страшно, — не унималась Ева.

— Они хорошие, — уверенно сказал Варфоломей.

— Но хуже всего то, что «Немного поцарапали стену» в реальности означало дырку от пули! — кипела Ева. — Не надо было отпускать этих

уродов.

— А что с ними нужно было сделать? — ласково поинтересовался черт. — Амадей, например, хотел их пытать. Кстати, на всякий случай, у тебя дома есть иголки?

— И правильно, что хотел! — запальчиво сказала Ева. — Вломились с оружием! Нужно было их хотя бы в полицию сдать. Иголки? Да... там, в комодке, в самом нижнем ящике, в коробочке. Нет, я даже поверить не могу, что в наше время такое существует. Охотятся на людей! Это же безумие. Точно нужно было звонить в полицию.

— Людей?

Черт выразительно постучал пальцем себя по рогу.

— Неважно, — отрезала Ева и уставилась в окно.

Она злилась на черта и гордилась им. Боялась и одновременно испытывала странное спокойствие. Никогда ее чувства не были такими противоречивыми и запутанными.

* * *

Ведьма и черт оказались хозяевами радушными и гостеприимными. Еву и Варфоломея по прибытии в особняк накормили легким ужином и напоили чаем, хотя все, чего они хотели, — это спать. Затем Амадей лично устроил небольшую экскурсию по дому и проводил гостей в красную спальню с отдельной ванной комнатой очень мрачного дизайна.

Видя удивленный взгляд Евы, черт сказал, что оформлением занимался его друг.

— Он талантливый, но что-то его на черном цвете в ту пору переклинило. И еще канделябры эти... Свечки сам топил, чтобы воск вот так художественно стекал. Для него они воплощают идею Ада. Черное и красное. Художник. Натура творческая, сами понимаете.

У Евы не было сил рассматривать огромный гобелен, который висел напротив кровати.

— А это Вера сама сплела. Или что там с гобеленами делают?

Ева не помнила, как разделась. Она заснула раньше, чем ее голова коснулась подушки.

Глава 22

— Ева, передай мне, пожалуйста, молоко, — попросил Амадей.

Ева подвинула по столу серебряный молочник в форме коровы.

— Хорошо ли вам спалось на новом месте? — поинтересовалась Вера Сергеевна с улыбкой. — Берите хлеб, сегодня испекла.

Это замечание было лишним, потому что Ева и Варфоломей налегали на булки с похвальным энтузиазмом.

— Да, спасибо. Замечательно спалось. Здесь воздух, видно, чистый и совершенно нет городского шума, — ответила Ева.

Амадей добавил молоко в кофе. Ева с трудом подавила желание схватиться за карандаш и нарисовать безрогого. Но ее память бережно записала образ, чтобы сделать это позже.

А Вера... Невзрачность, которая притягивала взгляд. Ее лицо нельзя было назвать красивым, но в нем чувствовался характер. Вера Сергеевна словно светила изнутри.

— Ева, что ты думаешь, после завтрака займемся колдовством? Попробуем сегодня определить твои склонности.

— Конечно.

Ева оглянулась на Варфоломея. В глазах застыл невысказанный вопрос, на который черт немедленно ответил:

— Нам с Амадеем нужно кое-что обсудить.

— Да. Устроим чертово совещание. А то люди совсем распустились и страх потеряли.

Ева усмехнулась. Поразительно, как быстро человек ко всему привыкает. Она, ничуть не смущаясь, вела непринужденную беседу с нечистой силой и планировала заниматься колдовством! Порой поверить и принять совершенно невероятное гораздо проще, чем поверить во что-то, поддающееся нормальному логическому объяснению.

Амадей густо намазал хлеб клубничным вареньем и хищно вонзил в него клыки.

Вера Сергеевна покачала головой и проворчала:

— Не торопись. Успеешь. Есть нужно не торопясь...

Завтрак проходил в непринужденной, расслабленной обстановке. Еве даже подумалось, что она находится в каком-то пятизвездочном отеле на морском побережье. Немного тревожил скоропалительный отъезд из Москвы. Да еще и в театр надо ехать. Но, в конце концов, всегда можно

добраться на такси...

— Не волнуйся, Ева. Все обязательно устроится, — сказал Амадей, и в глазах его заплясали хитрые огоньки.

«Интересно, получится ли отразить этот эффект в рисунке? Как может в глазах гореть пламя?» — думала Ева.

Ее телефон зазвонил, а черт довольно откинулся на стул.

— Извините, — сказала Ева и вышла из-за стола. — Алло.

По мере того как из трубки лился звонкий голос продюсера, глаза Евы становились все круглее и круглее. Она бросала удивленные взгляды на чертей и ведьму. Те же как ни в чем не бывало продолжали есть. И совершенно не прислушивались к разговору. Правда, Амадея выдавало ухо. Оно слегка подергивалось и поворачивалось в сторону Евы.

— Мне не надо ехать в театр. Там прорвало все трубы, и... премьеру перенесли. Все работы над спектаклем остановлены, — сказала Ева и грозно спросила: — Варфоломей? Ты что-то об этом знаешь?

Черт выглядел совершенно белым и пушистым, его голубые глаза были прозрачно-честны.

— Амадей? Это ты устроил?

В голосе Евы звучало восхищение.

— Нет, — сказал черт, — но я предполагал что-то подобное.

Вера хитро улыбнулась:

— Ева, ты слишком много об этом думала. И мир помог тебе избавиться от проблемы.

— О да, — подтвердил Амадей, — мысли ведьмы материализуются.

— Но я не думала про трубы! — возмутилась Ева. — Как вообще такое возможно?

Амадей и Вера переглянулись:

— Вот именно! Ты не думала про трубы. Трубы всегда прорывает именно в тот момент, когда о них никто не думает. Так сложилось исторически. Считай это улыбкой судьбы. Теперь ты можешь со спокойной душой отдохнуть у нас в гостях.

После завтрака черти скрылись в кабинете Амадея, а ведьмы отправились на веранду.

Вера принесла небольшой сундучок.

— Как ты себя чувствуешь, Ева?

— Отлично. Больше со мной ничего такого не происходило.

Вера принялась доставать разные предметы. На столешницу легли потрепанная колода карт, стеклянный сувенирный шар с кривоватой надписью «Moscow», в котором горел красками маленький собор Василия

Блаженного (если такой шар потрясти, в нем поднималась пенопластовая метель), клубок ниток...

Ева с интересом следила за происходящим. На первый взгляд предметы не казались чем-то волшебным. Маленькая бутылочка с белым песком, серебристый ключик... Последним на столе появился букетик сушеной лаванды.

Вера с важным видом убрала сундучок и выжидающе посмотрела на Еву.

— Что нужно сделать? — спросила та, разглядывая все эти сокровища.

Но ведьма не ответила. Просто наблюдала. Ева взяла шар и встряхнула. Искусственный снег поднялся вихрем, а потом начал плавно оседать на дно.

Букетик лаванды все еще сохранил слабый аромат, хотя и выглядел потрепанным.

— Изучай, — просто сказала ведьма, поднялась и ушла.

Ева почувствовала себя обманутой. Если в первый раз были свечи, круги, зелья и это вполне отвечало ее представлениям о том, как должно выглядеть колдовство, то эти предметы выглядели совершенно обыкновенными. В них не было ничего особенного.

На веранду вышел Григорий. С утра он занимался исследованием дома. Настроение у кота было отличное. Всю ночь, пока Ева спала, он провел в подвале и даже выследил толстую мышь, которой закусил.

Кот легко вспрыгнул на стол, утробно заурчал, наступил на карты и попытался сбросить бутылочку с песком.

— Ты тоже не видишь в этих вещах ничего магического? Нет?

Кота все-таки заинтересовал клубок. Он немного покатал его и уже собирался запутать, но игрушку отобрали.

— Какая-то чушь, — сказала Ева.

Она передвигала предметы, рассматривала их. Нарисовала бутылочку и лаванду, но это никак не приблизило ее к разгадке. Ева даже не была уверена, а есть ли вообще загадка. Попробовала сложить пасьянс, но не могла вспомнить, как это делается. Один раз сыграли с котом в дурака.

— Ну как?

Вера появилась как раз в тот момент, когда Ева рассыпала на столе песок и рисовала на нем невиданные узоры.

— Не знаю... По-моему, у меня получается не очень.

— А как по мне, все замечательно, — сказала Вера и прищурилась. — Судя по всему, у тебя нет предрасположенности к предсказаниям и всякого рода гаданиям.

Она широко улыбнулась, отчего ее лицо стало почти красивым.

— Это, знаешь ли, избавляет от многих волнений, когда будущее не определено. Есть в каждом событии свежесть и новизна. И потом... Все эти предсказания, видения, как правило, становятся понятны, когда событие уже случается. — Вера перевела дух и продолжила: — Зная свою судьбу, ее пытаются обмануть, пойти наперекор, в результате все делается только хуже...

Ева оставила песок в покое и удивленно слушала эту тираду.

— Понятно, — сказала она. — Действительно хорошо.

— Да уж Не самая приятная сила, так что радуйся. На сегодня достаточно. Пойдем, выпьем чаю.

Ева хотела сгрести песок в кучу и ссыпать его обратно в бутылочку, но Вера ее остановила.

— Не трогай, оставь как есть, — слишком резко сказала она и добавила: — Ева, закрой дверь веранды на ключ, пожалуйста. Мало ли что ты там оставила.

И, подхватив Григория под мышки, вышла.

Ева задумалась. Прозвучало весьма многообещающе и загадочно.

* * *

Пока Ева безуспешно, как ей казалось, пыталась определить собственные склонности в магии, черти за закрытыми дверями устроили собственный совет. Речь шла о попытке отравить магией Варфоломея и о тех неприятных молодых людях, которые хотели его захватить. Варфоломей предложил быстренько найти Зайцева и «хорошенько тряхнуть» или вообще избавить от ненужных мыслей. И был готов провести внушение. Он рассказал Амадею, что люди довольно хорошо поддаются влиянию. Особенно быстро меняются самые твердые убеждения.

Но Амадей, фигурально выражаясь, уперся рогом. И утверждал, что Совет должен свободно мыслить. Он вообще очень верил в разумность человечества. Варфоломей же был настроен скептически, и черти едва не столкнулись лбами.

— Люди такие же бюрократы, как черти, — сказал безрогий. — Сами же заложники своих правил.

Он понимал, что бодаться с Варфоломеем нет смысла — проиграет. Амадей достал старомодный телефон с диском и тяжелой трубкой, набрал

номер.

Варфоломей, находясь неподалеку, отлично различил тягучие гудки. Вскоре гудки сменились тишиной.

— Какого черта? — весомо сказал Амадей и замолчал.

Минуты тянулись одна за другой. Варфоломей слышал, как подтекает кран этажом ниже, слышал приглушенные голоса Веры и Евы, слышал, как Григорий точит когти о коллекционный кожаный диван.

В трубке раздался тихий шелестящий вздох.

— Амадей, — интонация была полувопросительной, — мы не имеем к вам претензий. Никаких.

Варфоломею показалось, что говоривший очень ценил все, им произнесенное. Если бы слова имели вес, то каждое весило бы килограммов сто.

— Замечательно, — сказал Амадей. — А Варфоломей, черт, проживающий в Москве...

— Пока он не нарушает закон, у нас нет к нему претензий.

— Тогда что это Зайцев учинил? — рявкнул Амадей.

— Решим.

Слово и точка, которая была поставлена в конце, весили двести килограммов.

Амадей повесил трубку. Когда она опустилась на рычаги, послышался мелодичный звон.

Варфоломей сложил руки на груди.

— Ситуация меня напрягала, — поделился Амадей. — Я поступился некоторыми своими принципами и не стал пробиваться через всю бюрократическую машину Совета. Тем более в последний раз со мной не были особенно ласковы. Так что я позвонил на самый-самый верх. Теперь все точно будет хорошо. Словам этого человека можно верить.

Амадей счастливо рассмеялся, как будто сбросил с плеч тяжелый груз, и ободряюще похлопал Варфоломея по плечу.

— Все! Можешь расслабиться.

Но Варфоломей не расслабился, а твердо решил сразу же после праздника заняться Советом и лично Зайцевым, чтобы разобраться с возникшим недоразумением. Если на тебя постоянно охотятся и подбрасывают всякие вредные магические артефакты, это крайне негативно сказывается на творчестве. Невозможно переводить прозу, когда вокруг такая суeta.

— Хорошо, — сказал Варфоломей, составив в голове весьма четкий план.

Он кивнул Амадею, сходил за компьютером и засел за перевод, хотя сосредоточиться на тексте получилось не сразу.

* * *

На кухне Еве доверили весьма ответственное дело — наполнение вареной сгущенкой «орешков». Дело это монотонное и однообразное. Тут волей-неволей задумаешься о магии. У Евы на языке так и вертелся вопрос, почему Вера не может взмахнуть рукой или использовать заклинание, чтобы все «орешки» были заполнены.

Ева смотрела, как Вера перемещается по кухне, и прикидывала, уместно ли попросить показать что-нибудь волшебное, какое-нибудь маленькое колдовство. С одной стороны, такая просьба выглядела безобидно. Но с другой... Ева погрузилась в размышления о профессиях. Например, знакомишься с человеком и узнаешь, что он отлично умеет класть плитку. Как будет выглядеть просьба продемонстрировать свое умение? Особенно в гостях? Наверное, не очень. Или взять врача. Стоит ли немедленно обрушивать на него все опасения о собственном здоровье и здоровье родственников? Или, допустим, ты знакомишься с физиком. Как он отнесется к просьбе прямо во время чаепития решить какую-нибудь задачу? Так же и с ведьмой. Правда, Ева не была уверена, что ведьмовство можно назвать профессией. И еще у Веры был очень суровый вид. Она рубила картошку так, словно та ей что-то сделала. Лезвие опасно блестело и с громким стуком опускалось на деревянную доску.

Пока Ева соображала, как непринужденно завязать беседу о колдовстве и его возможностях, Вера заговорила:

— Варфоломей — очень хороший черт.

Вам! Картофелина разделилась на две половинки.

— Да, — категорично согласилась Ева, — очень хороший.

Вера кивнула. Нож выбил дробь, которая сделала бы честь танцовщице фламенко. Резким движением ведьма сдвинула в сторону кучку картофельной соломки.

— Ева, просто хочу, чтобы ты знала. Если ты обманешь Варфоломея или вздумаешь его предать, я превращу тебя в крысу.

Нет. Это не угроза. Скорее просто уведомление, констатация факта.

Вера подняла глаза. Ева заметила, как они поменяли цвет. Из карих стали янтарными, потом пронзительно зелеными. Вот тут-то и представился случай заговорить о колдовстве. Нет, Ева не стала

оправдываться, обещать. Интуитивно она угадала ведьмовскую истину: личное — это личное, и если другой ведьмы не касается, нет смысла тратить слова. Поэтому о Варфоломее Ева не сказала ничего.

— То есть магия это может? Превратить человека в... — в ее голосе звучал восторг.

Вера презрительно фыркнула.

— Магия. Это Я могу.

— А я? — заинтересовалась Ева.

Нужды превращать кого-то в крысу пока не было, но кто знает, что может пригодиться?

— Понятия не имею. Зависит от желания и целей, — сказала Вера.

— Научите?

— Возможно.

Напряжение исчезло. Обе ведьмы остались довольны. Одна предупредила, другая приняла к сведению. А еще Ева получила представление о некоторых возможностях колдовства. Не было никаких сомнений в том, что Вера Сергеевна говорила серьезно.

* * *

Кстати, о магии. Ночью, когда дом погрузился в тишину, черти, ведьмы и даже кот Григорий крепко спали и видели уже не первый сон, на веранду заглянул месяц. Его серебристый свет упал на рассыпанный на столе песок. Таинственный узор, нарисованный Евиной рукой, сверкнул и исчез без следа, как будто кто-то невидимый провел рукой и стер его.

А на другом конце света, в Камбодже, в заброшенном храмовом комплексе Анкор Ват, принялась расти лиана. Тоненькие побеги ласково касались каменной кладки, но, найдя промежуток, вцеплялись в него железной хваткой, свойственной растениям-душителям. Лиана была упорна: у нее была цель. Она тянулась к солнцу и завоевывала простор. В этом событии не было бы ничего необычного — климат жаркий, лианы растут постоянно, — но имелось одно обстоятельство: через неделю лиана своими побегами точно воспроизвела узор, нарисованный Евой на песке.

Глава 23

С самого утра Ева чувствовала радостное предвкушение. Что-то подобное она испытывала только в детстве, когда с родителями ставили пушистую елку, извлекали из антресолей большую картонку и доставали хрупкие стеклянные игрушки. Ожидание праздника, подарков и большого чуда было даже лучше, чем само празднование.

Маскарад у черта и ведьмы. Это в любом случае должно стать чем-то особенным. Амадей с утра вырядился в грязную заплатанную сорочку не по размеру, на ногах его хлопали стоптанные домашние туфли. Он что-то радостно насвистывал и дирижировал сам себе старинной шпагой.

Вера была собрана, как генерал перед решающим сражением. Она двигалась среди клубящихся паром кастрюль и скворчащих сковородок. Кухня представлялась чем-то средним между уменьшенной копией Ада и алхимической лабораторией. На помощь Вере призвали двух молчаливых хмурых женщин. Им не приходилось ничего объяснять, они словно читали мысли Веры. Двигались слаженно и ловко, а овощи резали со скоростью, которой позавидовали бы лучшие шеф-повара.

Ева предложила помощь, но ее вежливо и решительно выдворили из кухни. Она порадовалась и присоединилась к Амадею и Варфоломею, которые лениво беседовали в гостиной.

— Обожаю день маскарада, — сказал Амадей, шпага покоилась у него на коленях. — Люблю гостей. — Он блеснул глазами: — Хотите посмотреть на подарок, который я приготовил для Веры?

— Конечно, — согласилась Ева.

Амадей подошел к шкафу и с важным видом извлек ларец из черного дерева.

— Вера всегда уделяет особое внимание меню, а я считаю, что главное в маскараде — это костюмы. Так что я все продумал, все предусмотрел.

Очень медленно Амадей открыл крышку: на алом бархатном ложе искрилась и переливалась изящная бриллиантовая диадема.

Ева сразу же поняла, что камни настоящие.

— Я еще ни разу не дарил Вере корону, — сказал Амадей. — Не знаю, правда, будет ли носить. Ева, как ты считаешь, красиво?

— Очень, — искренне подтвердила Ева.

Правда, она не могла вообразить, куда можно ходить в короне, но мало ли... Немного подумав и дав небольшой пинок своему воображению, Ева

смогла представить Веру Сергеевну в короне прямо посреди кухни. Это было логичное завершение ее царственного образа.

— Хорошо! — Черт был собой доволен, даже щеки чуть порозовели. — Пришлось долго камни подбирать, чтобы нужной чистоты, прозрачности... А уж в вопросах огранки я не приемлю компромиссов и небрежности. Свет должен преломляться совершенно определенным образом... Но не буду утомлять вас ювелирными подробностями. А ты, Варфоломей, чего молчишь?

— Очень красиво, — подтвердил черт. — Смотрю, ты добавил...

— О, да, — ухмыльнулся Амадей, — обезопасить такую вещь не мешает. И потом, не думать и не суетиться, если корону украдут или Вера ее потеряет.

— Хорошее колдовство, — похвалил Варфоломей.

— Какое колдовство? — Ева ничего не понимала, она заворуженно смотрела на переливающиеся камни. Они выглядели такими притягательными! В голове вертелись строки: «Лучшие друзья девушек — это бриллианты».

— Очень остроумная защита от кражи, — сказал Варфоломей.

Черти принялись посмеиваться. От избытка чувств Амадей даже не вполне прилично хрюкнул. Издержки обладания рылом.

— Амадей, а какой костюм ты наденешь?

Черт обиделся.

— Я уже, — сообщил он и выразительно посмотрел на Еву, стараясь рассмотреть в ее лице хоть толику понимания.

Ева еще раз внимательно посмотрела на грязную сорочку, на шпагу.

— Это ночные туфли, — Амадей выставил ногу. — А у моей спутницы будет королевский алмазный венец... Ну? Это же классика.

Ева оглянулась на Варфоломея, но он не собирался облегчать ей задачу.

— Я понял. Прочел недавно. Интересная книжка.

Амадей довольно закивал.

— А помнишь, Варфоломей, в Венеции в клубе мы встретили Дмитрия Андреевича? Ну... того бизнесмена, который пытался от стресса избавиться. Я его тоже позвал и уговорил прийти в костюме черного кота. Говорящего.

Амадей очень выразительно посмотрел на Еву: «Тут уж каждый догадается».

Черный говорящий кот...

— Бегемот! — воскликнула Ева. — «Мастер и Маргарита».

Амадей довольно кивал:

— А я...

— Воланд, — выдохнула Ева. — Как я сразу не сообразила, это же одна из самых моих любимых книг!

— Человеческая память, — философски заметил Амадей, — старается выкинуть все лишнее. Хотя забывчивость порой бывает крайне полезна.

Он закрыл ларец, и в комнате сразу стало чуточку темнее, словно выключилась лампочка. Но камни же не могут светиться сами по себе?

* * *

Ева то и дело поглядывала на часы, ей казалось, что стрелка ползет слишком медленно. Для ускорения времени они с Варфоломеем посмотрели несколько эпизодов из многосерийки про охотников за нечистью. Сам фильм Еве не нравился, но Варфоломея он занимал. А еще черт очень заразительно смеялся, когда показывали всяких сверхъестественных существ.

Потом Ева и Варфоломей вздремнули. Все-таки ночь предстояла долгая. И вот наконец наступил момент приготовлений к празднику. На душе Евы стало очень легко. А еще ужасно хотелось посмотреть на нечистую силу. Так что она быстро надела платье и подвела глаза. Немного теней, помады — и перед зеркалом уже крутилась лукавая ведьма. Отражение подмигнуло и водрузило на голову остроконечную шляпу. Ева проделала то же самое и засмеялась.

— Варфоломей! — позвала она.

Черт появился во фраке, в руках у него был цилиндр.

Ева уставилась на его шею.

— Ого!

— Да, это Амадей одолжил, сказал, что привез с Гаити.

— Жутковато, — вынесла вердикт Ева.

Она устроилась у Варфоломея на коленях и перебирала совершенно дикарское ожерелье, состоящее из каких-то косточек, блестящих камешков и крошечных черепов.

— Но тебе идет. Выглядит очень органично.

Черт показал клыки в улыбке, из груди его вырвалось сдержанное рычание.

— Стр-р-р-рашный черт, — сказал он.

Вибрация передалась Еве, она вздрогнула и прижалась к нему еще

теснее. Бывают моменты, которые хочется удержать, сохранить, чтобы они продлились как можно дольше.

Нехотя отстранившись, Ева предложила:

— Давай завершим образ.

Она достала кисточки и две баночки с белым и черным аквагримом.

Несколько секунд Ева смотрела в лицо мужчины, взгляд ее приобрел цепкость. Перед ней лежал чистый лист, который она сделала еще белее. Дальше пришло время барона Субботы. Вокруг глаз Варфоломея появились черные круги, на скулах — темные полосы, на крыльях носа — треугольники.

Варфоломей искоса посмотрел на себя в зеркало. На него смотрел и скалился череп. Черт на время исчез, на его месте сидело очень древнее божество. Магия преображения начала действовать. Варфоломею даже стало казаться, что где-то далеко стучат барабаны, он почти слышал обрывки заклинаний. По телу пробежала жаркая волна.

— Готово, — сказала Ева.

Она отложила кисточку и пальцами слегка размазала краску, чтобы линии не были такими резкими. Отступив на шаг, залюбовалась своей работой.

Варфоломей поднялся. В нем произошли едва заметные изменения, в движениях появилась не свойственная черту расхлябанность. Ноги сами собой собирались пуститься в пляс, руки совершенно самовольно подбросили цилиндр, поймали и заливчатски водрузили на голову черта. Рога выглядывали из-под шляпы самым хулиганским образом.

Маски — они не так безобидны, как кажутся. Они могущественны и имеют нехорошее свойство подчинять себе. Особенно древние образы, насыщенные историями, уплотненные легендами и усиленные предрассудками и верованиями. Примеряя на себя образ, невольно попадаешь под его влияние. И хорошо, если на несколько часов. Иначе кто знает, что может произойти?

Барон Суббота, так легкомысленно выбранный для маскарада, был коварен и обладал огненным темпераментом. Покровитель головорезов и всех бандитов предвкушал праздник. Он любил ром, сдобренный красным жгучим перцем, танцы, буйное веселье. Барон не мог подчинить себе разум черта, не мог влиять на его душу по причине ее отсутствия, но вот настроение и некоторые желания — другое дело.

— Скоро начнут съезжаться гости, — сказала Ева. — Я так хочу посмотреть!

Она собиралась идти, но Варфоломей удержал ее за руку.

— Не торопись, — голос черта звучал глухо.

Он провел по самой кромке выреза платья Евы, его губы приблизились к ее уху. Черт говорил на креольском, не придавая этому значения. Ева не могла разобрать слов, звуки были незнакомыми и певучими, но в них она безошибочно уловила обещание страсти.

— Варфоломей, мы опоздаем, — сказала она для порядка, — скоро полночь.

Наглая ладонь скользнула в вырез платья и накрыла грудь. Черт кивнул, соглашаясь. «Опоздаем», — говорил его взгляд.

* * *

— Не понимаю, зачем мы сюда приехали, — сказал Зайцев, глядя на шикарный особняк, который переливался огнями, словно новогодняя елка. Слышалась приглушенная музыка.

Зверь пожал плечами:

— Просто наблюдаем. Оцениваем обстановку. Сегодня у чертей разгул и праздник Ты считаешь, такое можно оставить без внимания?

Алексею совсем не улыбалось провести ночь, шатаясь вокруг чертова дома, переполненного нечистой силой. Тем более на праздник ни его, ни Зверя не приглашали. Они как воры перелезли через забор под покровом ночи и притаились в неосвещенной части сада.

— Мутный этот Амадей... — Зайцев прицельно сплюнул на клумбу и огляделся. — Тебе не кажется, что участок больше, чем на самом деле? Нужно измерить. Может, получится его прижать хотя бы за манипуляции с пространством.

Алексей деловито извлек из кармана рулетку, но, как назло, откуда-то начал напозать туман. Он окутывал яблони, стлался по траве, постепенно подбираясь к дому.

— Измерениями можно заняться в другой раз. На вот, глотни.

Зверь достал из кармана плоскую металлическую фляжку.

«Как в кино», — подумал Зайцев и сделал осторожный глоток. Он ожидал, что горло обожжет крепкий алкоголь, но жидкость была тягучей, солоноватой и сильно пахла травами.

— Что это? — спросил Алексей, приносясь.

— Ты же не хочешь, чтобы нас обнаружили? Пей.

Зайцев послушно сделал еще один глоток и все-таки закашлялся. Послевкусие отдавало гнилью и плесенью, желудок свело противным

спазмом.

— Знаю, неприятно, но ничего не поделаешь. Скоро пройдет. Правда, возможны побочные эффекты, — тоном врача сообщил Зверь. — Тошнота, галлюцинации, бессонница, потеря аппетита, зуд в странных местах, выпадение волос и так... по мелочи.

— Ты... ты... ты...

Алексей хватал ртом воздух. Он с трудом удержался, чтобы не провести рукой по волосам. На макушке они начали редеть, а ему только этого и не хватало — облысеть на работе.

— Шучу, — коротко сказал Зверь, но было ясно, что шутка — никакая не шутка. — Очень мощный защитный декокт.

Зайцев разозлился. Снова дал втянуть себя в сомнительное приключение, да еще и напоили какой-то лютой дрянью! Почему он, взрослый мужчина, руководитель московского отделения Совета, так слепо доверяет этому непонятному Зверю и следует за ним, как собачонка на поводке? Хотелось высказать все, что он думает об этом человеке и сложившейся ситуации, но слова застряли в горле вместе с кашлем.

Глаза Зверя светились в темноте. Зрачки были похожи на крошечные золотые кляксы, которые то расширялись, то сужались. Более жуткого зрелища Алексей не видел.

— Ну что ты так смотришь? — улыбнулся Зверь.

В темноте губы его выглядели словно лакированные. Полные, красные, они растянулись в улыбке.

— Ты не человек, — пролепетал Алексей, — не человек.

— Человек. Самый настоящий. Пока ничего не происходит, можем поговорить о том, что означает «быть человеком». И о жертвах, на которые приходится идти во имя человечности.

Алексей повалился на бок. Трава смягчила падение. Зверь равнодушно посмотрел на распластанное на земле тело.

— Нет? Не хочешь философствовать. Ну отдохни тогда. Больно впечатлительный ты, Алексей. Или что? Колдунов никогда не видел?

Зверь тихо рассмеялся.

* * *

Ева оправила платье. Волосы растрепались и торчали из-под шляпы весьма живописными волнами. Помада чуть размазалась на припухших от поцелуев губах, глаза блестели.

Они с Варфоломеем чинно спустились вниз. За время их непродолжительного отсутствия дом Амадея и Веры изменился до неузнаваемости. На полу лежал ковер из цветочных лепестков. Стоял густой розовый аромат. Привычная мебель исчезла, ее заменили бархатные зеленые кресла и кушетки. Молчаливые официанты в белых фраках разносили высокие бокалы с шампанским. Варфоломей поморщился, когда из огромного патефона полилась мощная оперная ария.

Амадей и Вера стояли в окружении гостей. На Вере красовалась алмазная корона, ее волосы, обычно гладко зачесанные назад, теперь были свободны и падали на спину тяжелым шелковым плащом. Свет от камней освещал Верино лицо, и она была прекрасна. В первую секунду Еве показалось, что ведьма совершенно голая, но, присмотревшись, она поняла, что на Вере очень тонкое платье телесного цвета.

— Наконец-то! — Амадей махнул рукой. — Дорогие гости, позвольте представить совершенно новых членов нашего небольшого сообщества: Варфоломей и Ева.

В толпе раздались сдержанные приветствия. Ева рассматривала собравшихся. Под прицепами взглядов она несколько ступсевалась.

А Амадей продолжал с энтузиазмом:

— Прощу любить и жаловать.

Вперед вышла женщина с огненно-рыжими волосами. Ева затруднялась определить, что это был за костюм, но про себя окрестила женщину Охотницей. Кожаные штаны плотно обтягивали стройные ноги, на плече висели небольшой позолоченный лук и колчан со стрелами. Руки и грудь густо покрывала золотая краска.

Золотой палец указал в сторону Евы:

— Она что, Амадей, новая ведьма?

— Да, — сказал черт. — Очень талантливая. Вера взяла ее в ученицы.

Он нежно коснулся щеки Веры губами. Та кивнула.

Золоченая Охотница смешалась. Если у нее и были какие-то вопросы, она не стала их задавать, а посмотрела на Веру и отвесила легкий полупоклон.

Ева внимательно изучала собравшихся. На первый взгляд все казались людьми. Пожалуй, только Амадей мог похвастаться особенной внешностью. Ну и, конечно, Варфоломей с его рогами и хвостом. Остальные, хоть и разодетые в яркие костюмы, выглядели... обычными.

— Добро пожаловать. Не обращайтесь внимания на ведьм. Они тяжело принимают новичков.

Ева повернулась. Рядом с ней стоял Гарри Поттер. Точнее, актер,

который его сыграл. И обращался к ней на чистейшем русском языке.

Дэниел Рэдклифф протянул Варфоломею руку:

— Эффектный костюм. Давно ли из Ада?

Варфоломей руку пожал.

— Не очень.

— А я уже триста лет на Земле. Хорошее место.

У Евы голова пошла кругом. Гарри Поттер триста лет на Земле! Кому рассказать, не поверят.

К ним присоединилась фея. На ней было платье насыщенного зеленого цвета с кринолином, а за спиной трепетали золотые крылышки. Голову венчал остроконечный колпак, а в руках светилась волшебная палочка, из которой временами сыпалась золотая пыль.

— Привет. Я Аманда. Ведьма, — протараторила она высоким противным голоском. — Ева, если ты ведьма, то почему оделась ведьмой? Отличный костюм, Варфоломей. А вот кем ты принарядился, Эрнест, я понять не могу.

— Ты не смотрела Гарри Поттера?! — взвился Дэниел Рэдклифф.

— Нет. А кто это?

Фея рассмеялась, покружилась на месте и отошла.

— Нет, ну вы-то хоть знаете, кто такие Гарри и Дэниел Рэдклифф? — с надеждой спросил тот, кого фея назвала «Эрнест».

Ева кивнула.

— Конечно.

— Эти древние совсем не следят за тем, что в мире происходит! — в сердцах сказал Эрнест и даже топнул ногой. — Три ведьмы и два водных духа меня сегодня спрашивали, кто я. Пойду поменяю костюм.

И Гарри Поттер удалился шаркающей походкой, ссутулив плечи.

— Кто это был? — одними губами спросила Ева.

— Демон-пересмешник, — ответил Варфоломей. — Правда, я таких никогда не видел. В Аду о них только легенды ходят. Есть у нас такая сказка, называется «Убить пересмешника».

— У нас тоже есть такая книга, — поделилась Ева.

— Да, я знаю. Поэтому и рассказываю. Название одинаковое, но содержание совершенно разное. Там черти пытаются выследить демона-пересмешника, но у них ничего не получается, потому что он меняет обличье... Ну, в общем, это грустная сказка.

— Варфоломейчик, а как ты понял, что он не человек? — полюбопытствовала Ева.

— Так он особенно не прятался. Хотел, чтобы каждому было видно,

что он в костюме, — удивился черт. — Просто приглядишься повнимательнее.

Ева принялась приглядываться к толпе. От усилий даже начала побаливать голова.

— Варфоломей, они все выглядят людьми, — сказала наконец она. — Кроме тех, в углу. С ними все понятно.

Черт задумчиво потер лоб:

— Да. У тебя, наверное, это займет чуть больше времени. Нужна практика. Не каждый человек человечен, внешность очень обманчива. Но у некоторых просто первоклассные маски.

Гости прибывали и прибывали, что при закрытых наглухо дверях и окнах выглядело крайне удивительно.

Черт наклонился к Еве и прошептал:

— Не давай внешней шелухе сбить тебя с толку. Если тебе это поможет, просто знай: здесь нет обычных людей.

Ева кивнула.

— Закрой глаза, — сказал Варфоломей.

Ева послушалась.

— А теперь смотри!

Ева открыла глаза и... увидела мужчину в костюме черного кота. Варфоломей проследил за ее взглядом и сказал:

— Ладно, это обычный человек.

— А говоришь — нету, — передразнила Ева.

Они ходили по залу, потягивали шампанское. В целом это была обычная светская тусовка. Все вокруг, похоже, друг друга знали. Нечисть мило общалась, а до Евы долетали обрывки разговоров. От деятельного созерцания гостей Еву оторвал знакомый голос:

— Ева?

— Здравствуйте, Надежда Георгиевна.

Ева не поверила своим глазам: рядом стояла ее первая учительница. Она была в розовой блузке с пышным бантом на шее и юбке из тонкой шерсти с рисунком «гусиная лапка». С той поры, как Ева видела ее в последний раз, Надежда Георгиевна совершенно не изменилась. Как будто только закончила вести урок и вышла из класса на перемену.

— Все у тебя хорошо? — спросила Надежда Георгиевна. — Работаеть?

— Да. Иллюстрирую и в театре...

— Замечательно!

Учительница улыбнулась той самой холодной улыбкой, о которой Ева вспоминала иногда с легким ужасом. Надежда Георгиевна кивнула

Варфоломею и застучала каблучками.

— Так и знала, что она ведьма! Варфоломей, моя первая учительница — ведьма. Надо же!

— А говоришь, тебя не учили колдовству, — укорил Еву черт.

— Нет... самое волшебное, что мы с ней проходили, — это дробь. Знаешь, как мы ее боялись? Зайдет и смотрит на нас, как удав на кроликов... А потом ка-ак скажет... «Достаем двойные листочки...» Даже хулиганы не выдерживали. Поверить не могу. Представляешь, ведьма! Настоящая! — возмущалась Ева.

— Главное, хорошо учила или не очень?

Черт, как всегда, зрил в корень.

Ева задумалась.

— Она была требовательная. Вредная. Не смотри на меня так. Seriously. Очень вредная, но учила действительно хорошо. Знаешь, она не верила в существование дислексии. У нее все начинали читать. А правда, в этом есть что-то магическое.

— Вот видишь, — улыбнулся черт.

— Я просто не понимаю, зачем ведьме работать в школе.

Варфоломей только пожал плечами:

— А почему бы и нет? Надо же где-то работать.

Демоны, ведьмы, водяные духи и прочая нечистая сила произвели на Еву крайне приятное впечатление. За столом с закусками царило особенно радостное оживление.

Толпа разделила их с Варфоломеем. Ева заметила, как сразу две ведьмы захватили внимание ее черта. Кольнула невольная ревность. Да и наряды на ведьмах мало что закрывали. Скорее наоборот, это был такой тип одежды, которая выгодно открывает все, ранее недоступное взгляду.

Ева немедленно прониклась ко всем ведьмам неприязнью. Так, на всякий случай.

Потом явился демон, черный как смоль, но в белом напудренном парике, и объявил танцы.

Нечисть танцевала вальсы. Вера и Амадей с радостным задором открыли польку. В движениях царила величественная элегантность. Ева почувствовала себя словно на настоящем балу. К сожалению, она не могла похвастаться знанием танцев эпохи барокко, поэтому приходилось просто наблюдать.

Стало душно. Пробравшись к столику с напитками, Ева с наслаждением выпила стакан воды. Лица и маски, маски и лица закружились вокруг. Она потеряла Варфоломея из виду и старалась

рассмотреть его в толпе. Лица, маски, маски, лица...

Мимо пронеслись три тени, словно тонкие струйки дыма. Громко топая, прошел человек-полукозел с серебристыми рогами. Некоторые гости Амадея даже близко не напоминали людей. Над Евой, обдав ее волной нагретого воздуха, пронеслась птица с женской головой. Похоже, она была довольно сильно пьяна, и ее заносило на поворотах.

Музыканты снова заиграли вальс. Еву втянули в круг танцующих и закружили. Партнер уверенно вел ее по залу, вырваться удалось только после того, как стихла последняя нота. Темноволосый мужчина в богато расшитом золотом камзоле и синих джинсах вежливым кивком поблагодарил Еву за танец, после чего в буквальном смысле приподнял свое лицо, оказавшееся маской, под которой не было ничего. Ничто улыбнулось Еве. Это было слишком. Ева бросилась бежать, выскочила в сад и с наслаждением глотнула прохладный вечерний воздух.

Стянув ведьмовскую шляпу, она пошла, обмахиваясь ей, как веером, но вскоре остановилась, не решаясь продолжить путь. Впереди стояла стена молочно-белого тумана. Туман легко качнулся к ней, но словно боялся пересекать некоторую незримую границу. Ева вспомнила Венецию и мудро рассудила: нечего шататься в чертовом саду. Надо вернуться в дом, к Варфоломею, Вере и Амадею. Но... можно же задержаться на пару секундочек, чтобы подышать и проветрить мысли?

— Стой на месте, — строго сказала Ева.

Ей показалось, что туман не просто услышал, но и понял.

— Откуда ты вообще взялся? Ты очень, очень странное погодное явление.

Ева тихо засмеялась. Ну не безумие ли, пытаться поговорить с туманом? Она вытянула руку, хотела дотронуться и проверить, насколько он плотный. Ладонь уже ощутила легкую прохладу...

— Ева, все нормально? — спросила Вера, которая неслышно подошла и остановилась в двух шагах.

В этот вечер все подкрадывались и заставляли Еву врасплох.

— Да. Порядок.

Вера поправила корону.

— Понимаю, это все трудно, — мягко сказала она. — Особенно сейчас, когда люди ни во что не верят. Вдруг погрузиться в мир, отличающийся от привычного. Но ты хорошо держишься.

— Спасибо.

— Прогуляемся? — предложила Вера. — А то я немного устала от шума и суеты.

Не торопясь, женщины пошли вдоль туманной стены.

— Понимаешь, Ева, черти — существа особенные...

Ева понимала. Она кивнула и приготовилась к тому, что за этим последует какой-то подвох.

А Вера, видно, была настроена пофилософствовать.

— Их бывает очень тяжело любить.

— Почему? — из вежливости спросила Ева.

— Ты когда-нибудь обращала внимание на то, как рисуют символ любви? Маленькое сердечко, проткнутое стрелой. Потому что любовь — эта тяжелая рана. И она болит. Постоянно.

И что на это сказать? Ева не чувствовала ничего подобного к Варфоломею. Наоборот, с ним ее сердце наполнялось теплом. Никакого холода стальной боли, о которой говорила Вера.

— Мучительно. Вечно. И ты ходишь с этой стрелой в сердце. И не можешь ее вытащить, иначе истечешь кровью и просто погибнешь от одиночества. Ждешь, может, растворится. Но нет... этого не происходит.

Вера собиралась еще что-то сказать, но, некрасиво ойкнув, исчезла в тумане. Как будто ее кто-то затащил.

— Вера? — крикнула Ева и, повинувшись естественному порыву, подалась вперед.

Внезапно из туманной стены высунулись руки и схватили ее. Оказавшись в молочной пелене, Ева словно ослепла. Она пнула наугад и попала. Раздалось сдавленное шипение, а потом из белого мир стал темным и дышать стало трудно — ей на голову надели мешок.

— Еще одна есть, — раздался голос.

— Что ты наделал? — прошипел другой голос.

— Вяжи давай! Я импровизировал.

Еву и Веру похитили самым дерзким образом. Под надежным покровом тумана двух ведьм вынесли с чертова участка и увезли в неизвестном направлении.

Глава 24

Обнаружилась их пропажа далеко не сразу. Варфоломей видел, что Ева танцевала, на секунду отвлекся — и вот ее уже нет. Черт поискал свою ведьму глазами и заметил, что черная остроконечная шляпа удаляется в сторону лестницы, но пока пробирался через толпу, снова потерял ее из виду.

«Наверное, решила немного отдохнуть», — подумал он.

В комнате, где их разместил Амадей, Евы не оказалось, и Варфоломей удивился. Куда же она могла пойти? Он вышел и вдруг заметил черную остроконечную шляпу, сиротливо лежавшую на полу, около окна. А тяжелая портьера слегка колебалась. Чуткий слух черта уловил едва слышный смешок. Варфоломей улыбнулся. Ведьмочка хочет поиграть? Что ж, барон Суббота не против.

Черт бесшумно подкрался и резко отдернул ткань.

— Попалась!

Но перед ним стояла не Ева. Демоница. Она взмахнула маленькой когтистой ручкой, и шляпа исчезла, рассеялась черным дымком.

— Попался, — сказала она и шагнула к Варфоломею.

Ее изумрудные глаза гипнотизировали и смотрели оценивающе.

— Искал свою ведьму, а нашел меня.

Раздвоенный язычок скользнул по пухлым губам. Это было бы соблазнительно, если бы так сильно не напоминало змею.

— Поверь, эта находка гораздо интереснее.

Она не дала черту опомниться. Цепкие руки обвили его шею, а губы нашли губы. Демоница была уверена в своих женских чарах.

— Человечка не может сравниться со мной, — прошептала она.

Барон Суббота нашептывал Варфоломею на креольском, что если сочный плод сам падает в руки, то стоит его попробовать, а не отбрасывать.

— Конечно, — прошептал черт.

Демоница растянула губы в улыбке и потянулась, чтобы поцеловать снова.

— Конечно. Даже сравнивать смысла нет.

Варфоломей практически отшвырнул демоницу, стряхивая наваждение. Перепрыгивая через две ступеньки, он спустился в зал и отыскал Амадея:

— Где Ева?

Сердце при этом колотилось как безумное.

Амадей обвел толпу цепким взглядом.

— Не волнуйся. Мои гости — приличные нелюди. Здесь Еве ничего не угрожает. Чего это ты вдруг завелся?

Варфоломей и сам не мог объяснить, откуда взялось неприятное предчувствие. Во рту появился металлический горький вкус.

— Ева! Варфоломей тебя потерял и очень волнуется. Ты где? — Голос Амадея был многократно усилен колдовством и проник в каждый уголок дома. Потом он прикрыл глаза и позвал: — Вера?!

Музыка резко смолкла, только скрипка продолжала мелодию, но и она оборвалась на высоком неблагозвучном аккорде.

— Дорогие гости, у нас тут незапланированное мероприятие. Прятки, — объявил Амадей. — Нужно найти Еву и Веру. Двух прекрасных ведьм. Где же они?

Нечисть засмеялась, заволновалась. Ведьмы и демоны принялись принюхиваться и рыскать по всему дому. Под руки привели весьма странное существо. Варфоломей даже затруднялся назвать его вид.

— Поднимите мне ноздри! — сказала существо.

Две ведьмы схватились за крылья его носа и с трудом приподняли. Тогда оно с шумом втянуло воздух.

— Там! — сухая рука вытянулась в направлении сада, — там нужно искать.

Вся толпа высыпала в сад. Туман безжалостно разогнали. Никому не было дела до его чувств, а он просто хотел принять участие во всеобщем веселье, поэтому и оказался тут.

— Чую! Были здесь ведьмы, — вещало существо. — И человек. — Оно особенно сильно втянуло носом воздух. — А еще — колдун! — взревел носач. — Хотел замаскироваться, скрыться, но мой нос не проведешь! Зельем меня с толку не собьешь!

Варфоломей принюхался. Он не почувствовал ни колдуна, ни человека. Ночной воздух был свеж и прозрачен.

— Кто это? — шепотом спросил Варфоломей у Амадея.

— Долгая история. Он уникален, я таких больше не встречал. Называет себя Виктором Ивановичем Йориковым, и никак иначе. И при нем лучше Гоголя не вспоминать. Сразу злиться начинает и ругается, что «аспид все переврал».

Гости образовали цепочку и очень быстро прошерстили сад. Виктору Ивановичу удалось проследить след, точнее, дух ведьм до шоссе. На обочине остались следы шин.

Черти посмотрели друг на друга.

— Их нет, — одновременно сказали они.

Варфоломей подавил ярость. Если бы демоница не затеяла пустую игру, возможно, Ева бы не пропала.

— Остается вопрос! Кто посмел?! — взревел Амадей.

Он потряс кулаком в ночь.

Нечисть вернулась обратно в дом. Праздник был безнадежно испорчен. У Амадея слегка подрагивали руки. Он метнулся в кабинет, открыл карту на планшете и напряженно уставился на переплетения дорог. Почти незаметно шевеля губами, начал читать заклинание.

Варфоломей молчал, он ждал.

Прошло около получаса.

— Здесь!

Амадей ткнул пальцем в карту, приближая нужный участок.

— Почему ты так уверен?

— Корона. Точно знаю, что она все еще на Вере.

— Мудро, — похвалил Варфоломей. — Какое-то отслеживающее заклинание? Я-то заметил только колдовство против воров.

— Да, скопировал идею GPS, чтобы легко можно было разыскать, — похвастался Амадей.

Он коротко улыбнулся, гордясь своим новаторским подходом.

— Теперь я абсолютно точно знаю, кто это устроил! Знаю, что находится в этом месте. Идем, брат Варфоломей.

Гости не разошлись, ждали в напряженном молчании. Правда, от нервов и потрясений у нечисти разыгрался аппетит, так что в едином порыве она съела все припасы, включая десерт.

Амадей взобрался на стол и разразился пламенной речью.

— Черти, демоны, потусторонние граждане, уважаемые колдуны и прекрасные ведьмы, — пафосно начал он, голос звенел от напряжения и плохо скрываемой злости, — как многие из вас знают, я всегда поддерживал идею создания Совета. Да что там говорить, находился у истоков его создания. Именно я настоял, на том, чтобы им управляли люди. Я считал, что контроль за магией в этом мире — необходимость. Многие в свое время согласились, что нужно соблюдать определенные правила, чтобы хаос стремился к порядку.

Варфоломей бросил на безрогого удивленный взгляд. Амадей сам создал Совет? Любопытная новость. Впрочем, подобные манипуляции — как раз в его характере. Политические интриги были его любимым развлечением.

Амадей продолжал вещать:

— Но сегодня произошло следующее. Злоумышленники похитили двух ведьм. Всем известную Веру Сергеевну, мою Веру, — уточнил он, — а также ведьму по имени Ева. Это возмутительное происшествие! Сейчас они находятся в тайном убежище московского отделения этой организации.

Амадей повернулся к Варфоломею:

— Помнишь, я говорил, что Совет нельзя упразднить? Что иначе на улицах будет твориться черт знает что? Что Совет необходим?

— Да.

Варфоломей нахмурился и так плотно сжал зубы, что раздался неприятный, леденящий душу скрип.

— Так вот. — Амадей воздел вверх палец, словно намеревался проделать им дырку в небе. — Нет таких слов, которые нельзя было бы взять обратно. Я очень старался договориться, но они украли не ту ведьму. Они пришли в мой дом без уважения. — Он потрянул головой: — Короче, Совет нужно взять и поменять! Хватит.

Варфоломей хищно осклабился:

— Только переговоры с этими людьми буду вести я.

Амадей кивнул и обратился к гостям:

— Дорогие гости, с этого момента можете колдовать, как хочется!

Дом огласили крики всеобщего ликования и смех.

* * *

Ева чувствовала странное оцепенение. Не было сил, чтобы шевельнуть хотя бы мизинцем. Но внутри она брыкалась и звала на помощь. Единственное, что можно было противопоставить похитителям, — это прием «фирменного утяжеления», который любил применять Григорий, когда его пытались взять на руки, а он этого не хотел. Ева полностью расслабилась и принялась как бы вытекать.

Похититель тихо чертыхался:

— Тяжелая какая! Неудобно.

Тащили ее вдвоем. Потом погрузили в машину. Мотор мягко заурчал, как довольный кот. Ева пыталась считать, чтобы понять, как долго они едут, но скоро бросила это занятие.

Ехать с мешком на голове довольно муторно. Укачивает. Но в конце концов машина остановилась, и Еву снова куда-то потащили. Сначала поднимались вверх по лестнице.

— Может, пусть топает сама? Таскай ведьму тут по лестницам, — ворчал один.

— Придется попотеть, — отрезал второй. — Не будем рисковать.

— А вторую так же придется тягать? — вопрошал первый.

«Вот нытик», — подумала Ева, одновременно радуясь, что Вера где-то рядом. Она ведьма опытная, точно заколдует этих двоих, чтобы неповадно было.

Про себя она окрестила похитителей Нытиком и Злым. От Злого исходил какой-то странный травяной запах, а у Нытика были потные ладони.

Потом они долго спускались на лифте. Очень хотелось хоть какой-то определенности. Наконец Еву посадили на стул и сдернули мешок. Дышать сразу стало легче.

— Ведьма, — произнес мужчина и тихо засмеялся. — Па-па-лась.

Резкий свет лампы бил в лицо, и Ева не могла разглядеть того, кто говорил. Только темный пугающий силуэт.

— Вы кто? — спросила она.

Внезапно вернулась способность говорить и двигаться. Пальцы на руках и ногах неприятно покалывало.

— Охотник за нечистью. Истребитель ведьм. Меня называют Зверь.

Прозвучало немного кокетливо.

«Ну, приехали, — подумала Ева, — охотник за нечистью. Каких только психов ненормальных не развелось! И чего же ты хочешь?»

— Не пытайся колдовать — плохо кончится, — предупредил Зверь, а потом вежливо поинтересовался: — Как думаешь, черт придет тебя спасать?

Ева упрямо сжала губы. О чем говорить с... этим? Нет, страха не было. Только недоумение и сильнейшая неприязнь. Она смирila мужчину самым презрительным взглядом, на который была способна.

— Что сверкаешь глазами? Думаешь, придет? Я вот очень на это надеюсь. Хотя честно, думаю, что скорее появится второй черт — Амадей. А вот белый прискачет за компанию, но не из-за тебя.

Выведай у врага планы. Ева решила спросить:

— Почему?

— Из-за души.

Ева не поняла сакрального смысла, скрытого в этой фразе. Видимо, это отразилось на ее лице. Зверь растянул губы в улыбке:

— Из-за души черта.

Он внимательно наблюдал за Евой.

Та пожала плечами и отвернулась, уставившись на бетонную стену. Больше всего место напоминало то ли тюремную камеру, то ли секретный бункер. Правда, стены были размаLEVаны оккультными символами, всякими пентаграммами, треугольниками с глазами и прочими веселыми картинками.

— Ты действительно не понимаешь? — Кажется, Зверь был искренне поражен. — Ты связалась с этим мерзопакостным существом, ничего о нем не зная?

Он подскочил со своего места, приблизился к Еве. Их носы почти соприкасались. Ева поразилась болезненному блеску его глаз.

«Ну точно псих. Конченый».

— Какая же ты дура, — шипел Зверь, — ему же от тебя нужно только одно. — Он чуть отстранился, и Ева смогла спокойно вздохнуть. — У чертей же НЕТ ДУШИ! — сказал Зверь так, как отрезал.

Еву совершенно не взволновало это заявление. Есть душа, нет души, какая разница? Она не чувствовала в Варфоломее недостатка душевности.

— Он использует твою душу, чтобы заполнить свою пустоту.

Разве в этом не суть отношений? Чтобы быть с кем-то рядом, чтобы чувствовать себя цельным... Это же прекрасно, когда один дополняет другого?

— Подумай об этом, заблудшая душа, — сказал похититель. — А мне нужно доставить твою подругу. Вот уж кто переступил все мыслимые границы.

Он вышел, заперев за собой дверь.

Ева поднялась со стула и размяла затекшие руки и ноги. Ждала она недолго, вскоре в камеру втащили Веру Сергеевну. Зверя среди конвоиров не было.

«Да их тут много, психов всяких», — решила Ева.

— Чертова ведьма, — сказал один из молодчиков и сорвал с головы Веры корону, — тебе это не понадобится.

Вера посмотрела на него с ненавистью и улыбнулась.

— Ты как, Ева? — спросила она.

— Нормально.

В это время молодой человек водрузил себе на голову ведьмовскую корону. Он тупо хохотнул и спросил у своего товарища:

— Женек, мне идет?

— Лучше сними. Забыл, что ничего ведьминого трогать нельзя?

Парень с короной на голове неожиданно замер, рот его приоткрылся, глаза выпучились. Он протяжно закричал и выскочил из камеры, держась за

голову.

— Ты... ты...

Женек шагнул было к Вере, но она продолжала молча улыбаться, и парень передумал вступать с ней в разговор. Если у него и были какие-то вопросы, то они отпали. Резко развернувшись, Женек выбежал и торопливо запер дверь.

Вера деловито прошлась по камере, рассматривая символы на стенах.

— М-да... потрудились они на славу. Не поколдуешь, — вынесла она свой вердикт.

— Кто это такие, Вера? Чего им от нас надо? Один назвался охотником на нечисть и ведьм, — сказала Ева.

— Наверное, что-то от Амадейки хотят, — предположила Вера. — Подождем. Посмотрим. Интересно, а гости-то десерт попробовали? Столько я в него сил вложила!

Вера Сергеевна выглядела совершенно спокойной. Казалось, ее не особенно взволновало похищение.

Глава 25

Это была очень странная ночь. По всему миру ученые зафиксировали различные природные аномалии. В Чили прошел дождь из лягушек, в Египте неожиданно выпал снег, великие пирамиды покрылись инеем, а по Москве прокатился смерч. Он промчался по Москве-реке, от чего ее воды расступились, на время открыв почти библейский проход. Один парень умудрился стать звездой «Ютьюба», так как не растерялся и пробежал от одного берега до другого. Его девушка сняла действие на телефон.

Некоторые граждане усмотрели в смерче тайное послание от самой природы, но ученые-синоптики внесли ясность и объявили, что для беспокойства нет причин. Это явление хоть и редкое, но не из ряда вон выходящее, поскольку в XIX веке был точно такой же смерч, из-за которого точно так же воды Москвы-реки расходились.

После смерча полил дождь. Буквально за несколько минут набежали тяжелые плотные тучи, и на землю обрушилась стена воды.

Зверь и Алексей Зайцев сидели в тайном убежище. Зверь был спокоен и собран, Зайцев нервничал. Он неотрывно смотрел на монитор, который показывал происходящее в камере, где были заперты две ведьмы. Дрожащей рукой он достал черный телефон с диском и поднял трубку.

— Я должен доложить об этом, — сказал он Зверю, словно бы оправдываясь.

Охотник за нечистью кивнул:

— Давай, не сомневайся. Леша, все мои действия одобрены на самом верху.

Зайцев набрал номер. Трубку сняли после первого же гудка. Ответа не последовало, но Алексей слышал дыхание. Сердце подпрыгнуло и забилось где-то в горле. Тук-тук-тук... Тук-тук тук... Прямо в многозначительную тишину он сбивчиво рассказал о том, что Зверь произвел захват двух ведьм. В этот раз ему ответили:

— Готовьтесь. Вся нечисть теперь против вас. Передайте трубку Зверю.

Алексей выполнил просьбу. Он старался сидеть с равнодушным видом, но на самом деле старательно прислушивался.

Зверь взял трубку:

— Удачи.

А потом раздались гудки.

— Ты не хочешь посвятить меня в свой план? — Алексей вложил в свой вопрос как можно больше яда.

— Все узнаешь, Леша. В свое время. Ты вообще-то молодец. Вложения в московское отделение Совета вот-вот окупятся, и все благодаря тебе. Это ты узнал, что черти готовят заговор, а мы отреагировали. Твое имя будет вписано в зал славы. Навечно. И орден ты обязательно получишь. Сегодня всю нечисть прижмем. Надо только чуть-чуть подождать.

Алексей еще пристальнее уставился в монитор. Он очень пожалел, что не поставил в камеру микрофон, и теперь не мог слышать, о чем говорят ведьмы. Зря, выходит, сэкономил.

— Ты умеешь читать по губам? О чем там говорят, Зверь? — спросил Зайцев.

— Какая разница? Главное, они не могут колдовать. А нам с тобой предстоит кое-что подготовить. Черти скоро явятся. Нельзя заставлять гостей ждать.

Он нарочито посмотрел на часы.

— О, кажется, сейчас приедет доставка.

— Ты что-то заказал? Сюда?

— Да, — улыбнулся Зверь. — Я же в некотором смысле художник.

* * *

Ева передернула плечами.

— Как думаешь, сколько нас уже здесь держат?

Вера сохраняла олимпийское спокойствие.

— Не знаю.

— Что они от нас хотят? Я вообще не знала, что существуют охотники на ведьм. Это в наше-то время!

— Дорогая моя, но ты же недавно не подозревала, что ведьмы действительно существуют. И черти, и демоны. Так чему тут удивляться?

Ева подумала, что мир до этого был и так достаточно небезопасным местом, а теперь проблем в нем прибавилось. Вот уж правда, меньше знаешь — целее нервы.

— Этот охотник, Зверь, болтал о том, что у чертей нет души, — закинула удочку Ева.

Вера тяжело вздохнула и закатила глаза.

— И?

— И ничего. Он почему-то говорил об этом, как о чем-то совершенно ужасном.

Вера задумалась, а потом ответила:

— Глупости это все. Не верь. Это знаешь, как в анекдоте про английскую королеву. Точнее, никакой это не анекдот, а просто история.

Ева попыталась поудобнее устроиться. Стул был жесткий, и спинка неприятно давила на поясницу. А Вера продолжила:

— Королева принимала парад у шотландского полка. Они, понятное дело, все в килтах. Молодая королева возьми и спроси у их командира: «А правда, что у вас под килтом ничего нет?» Ну, он наклонился и ей тихонечко, но многозначительно ответил: «Все там есть».

Ева усмехнулась. А Вера еще раз прошлась по камере и рассмотрела некоторые рисунки с особенным вниманием, даже поковыряла их пальцем.

— Ева, знаешь, что я думаю...

— Что?

— Тебе нужно начинать злиться! Сильно. Можешь попробовать впасть в ярость? У тебя в роду берсерков не было?

— Я злюсь, — ответила Ева. — Злюсь, что нас похитили.

— Нужно посильнее. Раз в сто! — нахмурилась Вера. — Вспомни что-нибудь гадкое. Подумай о самой омерзительной несправедливости. Мне нужна твоя ненависть.

Ева зажмурилась и принялась усиленно думать. В мире было много вещей, которые ее возмущали. Но ярость начала пробуждаться, когда перед мысленным взором начали маршировать девяносто пять нарисованных кроликов во главе с режиссером Арсением.

* * *

Зверь и Зайцев поднялись на поверхность. На территорию заброшенного завода въехало несколько военных грузовиков.

— Оперативно среагировали.

Из них очень слаженно выпрыгнули хорошо вооруженные люди в камуфляжной форме. Зверь с ненавистью посмотрел на небо. Оно продолжало исторгать потоки воды.

— Ну что за погода! У меня запланирована программа на улице!

Он грубо выругался, но быстро взял себя в руки и вернулся в состояние самоуверенной позитивности.

В это время люди в камуфляже принялись споро разгружать какие-то

железки. Другие тащили вязанки хвороста.

— Кто эти люди?

— Наемники, — коротко ответил Зверь. — Я, конечно, работаю один, но тут уж никак не обойтись без дополнительных человеческих ресурсов.

Так и сказал — «человеческих ресурсов».

Присмотревшись, Зайцев увидел, что все солдаты удачи буквально обвешаны всевозможными защитными амулетами.

Один из наемников, с маленькими темными глазками и шишковатой головой, скользнул к Зверю:

— Здесь устанавливать? — спросил он, кивая на небо.

— Нет. Придется внутри, — поморщился Зверь.

В это время дверь распахнулась и, едва не сбив Зайцева с ног, выскочил незадачливый конвоир. Он силился сорвать ведьмину корону, но это никак не получалось. Голова раздулась как шар. Парень беспорядочно заметался по двору, а потом ломанулся в открытые ворота.

— Не обращайтесь внимания. Ему уже не помочь, а нам еще много предстоит сделать.

Наемники проводили несчастного равнодушными взглядами. Работа закипела с утроенной силой.

— Иди, Алексей, посмотри, как там ведьмы. А мы пока подготовимся.

Зайцев не нашел что возразить, поэтому молча отправился к монитору. С сожалением он был вынужден признать, что утратил всякую власть и контроль над ситуацией. Командование целиком и полностью перешло к Зверю.

* * *

— Нет! Ты только подумай: эти люди решили объявить нечисти войну! В двадцать первом веке! Как будто других проблем нет! — Амадей заметно нервничал и злился. — Они держат наших ведьм здесь.

Варфоломей смотрел на темный силуэт заброшенных корпусов завода. Рассвет так и не наступил. Ночь продолжалась. Хотя, возможно, это просто тучи были настолько плотными, что не пропускали солнечный свет. Варфоломей еще не знал, что так люди представляют себе постапокалиптические пейзажи.

— У них там типа «тайное» укрытие. Глубоко под землей, — сказал Амадей. — Но нет такой преисподней, чтобы я свою Веру Сергеевну не нашел.

Безрогий преобразился. Вместо рубашки с заплатами и домашних туфель на нем была офицерская форма еще царского времени, с эполетами и аксельбантом. На голове красовался шлем римского легионера, украшенный конским волосом. Перемена эта произошла с ним неосознанно.

Капли дождя громко стучали по металлу и отскакивали от шлема. Бум-бум-бум.

Сначала раздался крик, а потом черти увидели человека, бегущего в их направлении.

— А защита-то работает, — порадовался Амадей. — Вон как его раздуло.

Человек рухнул на колени, глаза его закатились, и он повалился на бок.

Амадей подошел и без всяких усилий забрал корону. Камни светились зло и ярко. Вода словно обтекала украшение и предпочитала держаться от короны на некотором расстоянии.

— Так! — сказал Амадей и решительно направился к воротам, но Варфоломей удержал его за локоть.

— Подожди, — сказал черт, — не надо необдуманных шагов. Дождемся сигнала.

Черти застыли. Лицо Варфоломея стало пугающим. Дождь размыл грим. Белая и черная краски смазались, поплыли и перемешались. Это было лицо самой войны.

Над городом сверкнула ветвистая молния, раскатом прокатился рокошующий гром, в котором слышался смех.

— Видишь, твои знакомые передают нам привет, — улыбнулся Варфоломей.

Веселенькая мелодия мобильного Амадея показалась здесь неуместной.

— Алле, — раздался тоненький женский голосок. — Амадей, ты наше послание видел?

— Да, — ответил черт.

— Мы решили позвонить. В общем, все члены Совета схвачены. Ты нам отпишись, что с ними делать. И если что...

В трубке повисла многозначительная пауза.

— Спасибо, — поблагодарил Амадей. — Спасибо, что все вы согласились помочь. Тронут. Искренне тронут.

— Ой, ну для чего еще нужны друзья, — хихикнула трубка. — Двести лет тебя знаю, в конце концов.

— Возглавишь Совет, когда это все закончится? — поинтересовался

Амадей.

— Решим. Но предложение интересное. Ладно, выручай Веру Сергеевну. От меня ей поклон.

Амадей убрал телефон в пустую кобуру.

— Ну что же... Шашки наголо!

В свете молнии сверкнула сталь.

— Подожди, — Варфоломей снова удержал друга от того, чтобы ринуться в атаку, — есть что-то такое, что я должен знать?

Взгляды чертей встретились. Амадей отвел глаза и нехотя выдавил:

— Ну... есть одно обстоятельство...

* * *

Алексей Зайцев тупо смотрел в монитор. Ведьмы сидели совершенно неподвижно. Возникло ощущение, что это никакое не видео, а просто фотография. И тут произошло чрезвычайное событие: зазвонил черный телефон. Сам. Сначала Алексей даже не понял, откуда взялось тихое треньканье, но, когда до него дошло, подскочил. С величайшей осторожностью и почтением он снял трубку.

— Немедленно освободите ведьм, — прозвучал приказ, — немедленно. После этого считайте себя свободным от занимаемой должности. Покиньте убежище. Никогда сюда не возвращайтесь.

— К-как никогда не возвращаться?

Алексей считал свое положение пожизненным. Его отец, дед, прадед, прапрадед занимались этим делом. Они оставляли пост по достижении весьма почтенного возраста. А перед этим передавали все дела своему прямому наследнику. А у Зайцева даже сына не было. Кому же он сдаст все дела?..

Он никогда не допускал даже мысли, что его могут взять и уволить.

— Освободите ведьм, — повторил голос.

Тут Алексей восстал:

— С кем я говорю? Сегодня я докладывал... Все действия Зверя были согласованы.

Неслышно подошел Зверь, перехватил запястье Алексея, избавил его от трубки и небрежным жестом грохнул ее на рычаги.

— Что, уже хотят, чтобы мы отпустили ведьм? Замечательно! Все идет так, как планировалось.

— Да что планировалось?! — Вопреки обыкновению, Зайцев кричал:

— Что вообще происходит?

— План «Б», — сообщил Зверь. — Идем, посмотришь. Ребята почти все собрали.

— Но я не понимаю...

— Поймешь. И заодно определишься, на чьей ты стороне.

— На стороне? Что это значит?

— Было разработано шесть планов. Нам выпала честь запустить самый масштабный и удачный. Даже хорошо, что в первый раз захват белого черта провалился. Все, Леша, складывается гораздо, гораздо лучше. Возможно, сегодня мы полностью очистим мир от нечисти. Жаль, что об этом дне не сложат легенды. Человечество не узнает имен своих героев.

— Так о какой стороне ты говоришь?

Алексей весь подобрался, его била дрожь.

— Я говорю о тех, кто хочет победить нечисть по-настоящему. Ты дал нам повод, Алексей. Благодаря твоим докладам даже самые нерешительные поняли, что нужно действовать. Они пробудили меня. И я не намерен ждать второго шанса еще семьдесят лет.

— Семьдесят? — помертвевшими губами спросил Алексей.

Из-за поворота вынырнул наемник с автоматом.

— Проводи нашего друга наверх. Устройте его в первом ряду. А я спущусь за ведьмами, — сказал Зверь. — Пора.

* * *

Дверь камеры протяжно скрипнула. Ева резко повернула голову. Зрачки ее были расширены, отчего глаза стали черными. Волосы растрепались и торчали во все стороны. Если бы Ева могла увидеть себя со стороны, она бы испугалась.

Вера шепнула:

— Пока рано. Я скажу.

Выглядела старшая ведьма неважно. Сильная бледность заливала ее щеки, на лбу выступили бисеринки пота. Дышала Вера прерывисто.

Ева прикрыла глаза. Она слишком глубоко погрузилась в свою ярость. Тонула в ней. Ярость плескалась вокруг почти осязаемыми волнами.

Зверь стоял в проеме, широко расставив ноги.

— Идите, ведьмы. Выводите, — скомандовал уже наемникам. — Я прослежу, чтобы не было сюрпризов.

Он сотворил рукой сложный магический пасс. Пока вся процессия

поднималась вверх, Зверь то и дело бормотал себе под нос: «Осталось недолго, осталось недолго».

* * *

Варфоломей избавился от костюма барона Субботы и вошел в ворота в своем первозданном виде. Единственной уступкой человеческим условиям были ботинки. Босиком ходить черту было больно. Амадей избавил его рога и хвост от скрывающей магии, а в темноте белая шерсть немного светилась, даже несмотря на то, что намокла.

Варфоломей являл собой эпичное зрелище, и его немедленно окружили люди с оружием и в камуфляже. Очень вежливо черт сообщил, что его ожидают, настоял, что провожать его не надо — дорогу найдет сам. Наемники расступились, пропуская его вперед. При попадании капель воды их амулеты начали слегка шипеть и искрить.

Наемники шли за чертом на некотором отдалении, но черт не оглядывался. Он втянул носом воздух. Запах воды, мокрого асфальта и бензина смешивался с едва уловимой сладковато-гнилостной вонью. Совсем рядом готовилось темное колдовство, уродливое и опасное. Шерсть на спине черта встала дыбом.

Когда он проходил мимо очередного типового здания, дверь гостеприимно распахнулась. Проем смотрелся таинственным провалом в другой мир.

«Туда», — подумал черт.

Под ногами хрустели кирпичная крошка и битые стекла. Под слоем граффити Варфоломей различил замаскированные охранные знаки. Защита от демонов и зловредных духов.

Он ускорил шаг. Запах бензина усилился.

В бывшем швейном цеху горели факелы. А в самом центре возвышалась узкая клетка, в которой были заперты Ева и Вера. Вокруг навален сухой хворост. Не нужно обладать богатым воображением, чтобы понять смысл этой сцены. В плетеном дачном кресле, как на троне, восседал Зверь и крутил в пальцах зажигалку. Время от времени он откидывал крышку, и раздавался громкий щелчок.

Ева схватилась за прутья, когда увидела черта:

— Варфоломей!

«Эй-эй-эй», — глухо повторило эхо.

Вера тоже дернулась и что-то быстро-быстро зашептала Еве на ухо.

— Молчать, ведьмы! — сказал Зверь.

Он наклонил голову набок и рассматривал черта.

— Заходи, рогатый. Вон там на гвоздике висит цепочка. Надень.

Варфоломей посмотрел на хитроумное плетение рун — в таком «украшении» не поколдуешь.

Когда металл коснулся его кожи, в первую секунду у черта даже перехватило дыхание. Как будто окунулся в ледяную прорубь.

— Знаю, неприятно. Но придется потерпеть. Сейчас мне не нужно, чтобы ты колдовал.

Из угла донесся тихий стон. На полу валялся скрюченный Зайцев. Руки и ноги его были связаны, под глазом наливался синяк.

— А где второй черт? Амадей? — спросил Зверь. — Я надеялся, что придет он и мы все вместе поговорим.

— Ты можешь говорить со мной, — ответил Варфоломей.

Черт сделал несколько шагов вперед и сосредоточился на Звере. Он больше не смотрел на страшную клетку. Казалось, его совершенно не беспокоило даже то, что Зверь щелкал зажигалкой над бензиновым ручейком, ведущим прямо к хворосту.

— Думаете, вы, нечисть, победили? Считаете, раз захватили руководителей Совета, я легко отпущу этих ведьм? — Самодовольству охотника не было предела. — Думаете, я не знаю, что это не просто ведьмы? Вон та страшная — это душа Амадея. Так что если что-то с ней случится, он умрет. За четыреста лет привык жить с душой, уже назад к бездушности дороги нет. А та, что посимпатичнее и помоложе, может стать твоей душой, Варфоломей. Душами не разбрасываются. Ты же не хочешь, чтобы они сгорели? Это адски мучительно. Тебе ли не знать? Вы же у себя в Аду пытаете грешников.

Даже старые колдуны подвержены сверхъестественным предрассудкам.

Варфоломей сделал еще шаг вперед и остановился. Ева слегка осела, но клетка была слишком узкой и не давала ей упасть.

— Ведьмы не в лучшей форме. Они провели какое-то время в маленькой комнатке, наполненной заклинаниями, которые очень плохо действуют на магическую силу. Даже мне, чтобы туда зайти, приходится носить это.

Зверь засучил рукав и показал синюю шерстяную нитку на запястье. На самом деле — весьма мощный артефакт.

— Чего ты хочешь, колдун?

Несколько минут Зверь что-то решал. Наконец он извлек из кармана

сложенную бумажку.

— Для начала Амадей отдаст приказ своим друзьям. В этом списке имена руководителей Совета, которые должны умереть.

Зайцев дернулся и крикнул:

— Предатель!

— Ну-ну, Леша, не горячись. Я действую ради общего блага, просто о себе не забываю.

Варфоломей не двинулся с места.

— А потом...

Зверь достал из кармана маленькую черную книжечку с серебряным карандашиком на цепочке.

— А потом у меня запланирован целый комплекс мероприятий и всяких полезных дел. Вот этим людям, — он показал страничку Варфоломею, — вы подарите бессмертие. Это спонсоры нашего сегодняшнего мероприятия. А дальше займетесь уничтожением нечистой силы по всей земле. Очистите землю. Будете хорошо себя вести — с ведьмами ничего не случится. Любое же неповиновение отразится и на них.

Варфоломей не перебивал. Не высмеивал. Не критиковал. Первое правило переговорщика — слушай. Оценивай обстановку. Выигрывай время. А Зверь был опьянен своим величием.

— Мы столько времени тратили на глупую ловлю демонов. Пытались заставить их сотрудничать, — на губах Зверя заиграла тонкая улыбка, — разными методами. И упустили из виду такую могущественную силу, как черти. И такой прекрасный, простой и понятный способ воздействия! Вы становитесь так же беспомощны, как люди. Ох уж эти привязанности, эти узы... Кстати, если тебе интересно, следующим заданием будет...

— Я смотрю, ты все предусмотрел, колдун, — перебил Варфоломей. — Даже записал, чтобы не забыть. Можно подойти и взять список?

Зверь щелкнул зажигалкой и вытянул руку над бензиновой дорожкой.

— Подойди, — милостиво разрешил он.

Варфоломей спокойно приблизился. Зверь выпустил листок бумаги, и тот плавно спикировал на пол.

— Склонись предо мной, черт. Только без резких движений.

Варфоломей начал опускаться на колени. На секунду он поймал взгляд Веры и ободряюще кивнул. Когда колено черта коснулось пола, произошло сразу несколько событий.

Вера изо всех сил крикнула:

— КРОЛИКИ!

Ева распахнула глаза. Дикое, неконтролируемое колдовство, чистая сила, приумноженная яростью, рванулась из нее. Она поднялась над полом клетки, и на долю секунды зависла в воздухе, но земное притяжение все-таки победило. На Еву пребывание в комнате с заклинаниями не оказало серьезного воздействия. Сдерживать сырую магию — все равно что пытаться сдерживать океан.

Стекла в окнах брызнули осколками. Зверь отвлекся, машинально повернув голову. В тот же миг Варфоломей резко схватил его за колено и дернул. Охотник на нечисть неловко взмахнул руками, теряя равновесие. Зажигалка упала на бензиновую дорожку, огонь побежал к клетке и сухому хворосту. Хорошо, что для эффектности ему предстояло преодолеть весьма солидное расстояние.

Когда затылок Зверя коснулся бетона, раздался неприятный чавкающий звук. Даже самая волшебная человеческая голова не приспособлена к ударам о бетонный пол. Колдун не успел выкрикнуть ни одного заклинания. Глаза его закатились. Он предусмотрел любую магическую неприятность, но... магии не было. Просто черти невероятно сильны. А с силой, как говорится, нужно считаться.

Варфоломей поднялся. Он двигался быстро, но без особой спешки. Легко обогнал пламя, пинком откинул вязанки хвороста. Дверь клетки была заперта на обычный амбарный замок. Черт сдавил его ладонями. Вены на предплечьях вздулись, и замок сдался.

Варфоломей освободил из плена Еву и Веру как раз в тот момент, когда пламя подошло вплотную. Одна вязанка хвороста все-таки загорелась, наполняя помещение едким дымом.

Колдовская сила закрутилась вихрем. Взлетели вязанки хвороста, осколки кирпичей и стекол. Огненный смерч метался от одной стены к другой, пока не нашел окно и не унесся в неизвестном направлении.

Зверь оказался крепче, чем можно было ожидать. Охотник на нечисть дернулся и принялся нараспев читать заклинание. Цепочка на шее Варфоломея начала сжиматься. Черт подхватил с пола попавшийся под руку кирпич и метко запустил им в колдуна. Плавное течение заклинания прервалось очередным мокрым шмяком.

Вера попыталась освободить черта от цепочки. Ева хотела помочь, но старая ведьма оттолкнула ее, сжала цепочку и вскрикнула от боли. На пальцах и ладонях остались ожоги. Запахло паленой шерстью. Ведьма еще сильнее сжала металлическую ловушку и дернула. Звенья тонко звякнули и распались. Теперь черта ничто не сдерживало.

Зверь встал на четвереньки, поднялся и бросился бежать. Его здорово шатало из стороны в сторону, но он умудрился скрыться в проходе. Варфоломей пустился в погоню, но только высунулся за дверь, как воздух прошила автоматная очередь.

— Стреляйте в него! Стреляйте! — крикнул Зверь, скрываясь за спинами наемников.

Варфоломей успел спрятаться за железной дверью, послужившей прекрасным щитом. На улице воцарилась тревожная тишина. Подождав пару минут, черт осторожно высунулся в окно.

Прямо на наемников шел Амадей. Он держал за руку маленькую девочку в белом легком платьице. Ее длинные волосы намокли и полностью закрывали лицо. Амадей отпустил руку девочки, и дальше она пошла сама. Было отчетливо слышно, как крохотные босые ножки шлепают по лужам.

Что это безрогий задумал?

Варфоломей поморщился. Даже тут черт ощущал отчетливый запах страха. А на улице людей захлестывала паника. Они побросали оружие как ненужный металлолом и заметались с криками. У одного парня вмиг поседели волосы.

Крепких тренированных мужчин преследовала маленькая девочка. Временами она прикрывала глаза ладошками и кричала вдогонку:

— Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать. Кто не убежал, тот сам виноват!

Варфоломей вернулся в бывший швейный цех и помог ведьмам подняться.

— Все уже позади, — приговаривал он, прижимая Еву.

Вера баюкала обожженные руки.

— Вера! — позвал Амадей, врываясь в здание, — душа моя! Ничего, сейчас я тебе помогу. Ох, какие ожоги.

В глазах черта плескалась боль, словно это его руки были обожжены и саднили.

— Идем скорее отсюда!

Он обнял Веру за плечи.

— Что там с людьми? — спросил Варфоломей, прислушиваясь к крикам на улице. — С чего это они так?

— Некоторые дети — это ужас в чистом виде, — сказал Амадей, но распространяться не стал, только коротко улыбнулся.

— Колдун скрылся? — спросил Варфоломей.

— Выловим! — пообещал Амадей. — А сейчас нужно убраться

подальше.

Вся четверка вывалилась на улицу, прямо под дождь. Ева с наслаждением подставила лицо струям воды. Кожу приятно холодило.

* * *

Зайцев открыл глаза. Черти и ведьмы ушли, про него в суматохе забыли. Он облегченно вздохнул и решил, что если выберется, то навсегда завяжет с нечистью. Попробует себя в чем-нибудь совершенно новом. Например, устроится в книжный магазин и станет продавать людям истории. А когда посетителей будет немного, он сможет читать все, что захочет. Какие его годы! Начнет больше времени уделять жене. И возможно, у них появится дочка. Маленькая и смешная. Можно назвать ее Асей. Ася Алексеевна — звучит.

Зайцев сел, нашел большой осколок стекла и принялся пилить путы. Занятие это было весьма медитативным, так что в его голову пришло еще несколько светлых мыслей на тему собственного светлого будущего. Во всяком случае он твердо решил, что в его жизни больше не будет никаких демонов, ведьм, чертей и колдунов.

И никакого Совета.

* * *

А выпущенная на свободу Евина сила неслась по Москве. Со стороны это выглядело как ураган, который хаотично ломает деревья и рвет линии электропередач. Но силе не хватало концентрации. У нее наблюдался явный дефицит внимания, хотя имелась цель. Стоило немного успокоиться, как она рванула в Последний переулок и закрутилась вокруг дома номер двадцать четыре.

Потом колдовство влетело в квартиру. Режиссер Арсений очень легкомысленно оставил окно приоткрытым — это в такую-то бурю. Сам он не замечал непогоды, поскольку был погружен в составление заявки на крупнейший фестиваль анимационных фильмов. Он так много написал о своем замысле и кроликах, что заявка распухла до невероятных размеров. Резать текст о собственной гениальности было тяжело, но необходимо.

Арсений перечитывал абзац о том, как образ кроликов возник в его голове и был нарисован первый набросок. Вот тут-то Евина ярость и

окутала его с головы до ног. Сначала Арсений очень удивился, куда исчез монитор. Потом поднял голову и увидел над собой столешницу своего письменного стола. Неужели заснул и упал? Но нет, кажется, все еще сидел на стуле. Его лапки поскребли кожаное сиденье, а из горла вырвался тоненький писк.

У хорошего художника есть способность преобразовывать мир, превращать привычное в необычное, видеть истинную суть вещей. Природная склонность Евы, помноженная на колдовство, привела к неожиданному результату: Арсений стал крысой.

Глава 26

Вера терялась среди груды подушек, которыми была обложена. Руки ее, покрытые толстыми слоями бинтов, пропитанных заживляющим составом, лежали поверх одеяла. Ева, Варфоломей и Амадей сидели вокруг ведьмы.

— Как ты себя чувствуешь? — то и дело спрашивал безрогий.

Рыло его нервно подергивалось, а рубиновый перстень светился огнем.

— Нормально, — отвечала Вера. — Что гости сказали про десерт?

— Некоторые съели даже тарелки и обкусали зубья у вилок, — сообщил Варфоломей.

— Хорошо, — Вера позволила себе легкую торжествующую улыбку. — Жаль, Ева, ты не попробовала.

Ева махнула рукой:

— Ничего.

Все произошедшее не вполне уложилось в ее голове. Она словно посмотрела кино с собой в главной роли и никак не могла поверить в то, что ее похитил колдун и она выпустила смерч, который пронесся по Москве.

— Чуть приду в себя — займусь вплотную твоим обучением, — сказала Вера. — Тебе нужно колдовать, а то сила требует выхода. Варфоломей, — она строго посмотрела на черта, — я что говорила делать?

Черт посмотрел на Еву. Та отвела взгляд и выглядела очень задумчиво.

— Ева, — Вера усмехнулась, — а что не так с кроликами? Тебя в детстве один укусил, что ли? Откуда взялась такая ярость?

— Никто не кусал, — ответила Ева. — Просто... в последнее время я на кроликов немного нервно реагирую.

— Нервно... не то слово! — фыркнула Вера.

— Нужно найти колдуна.

Варфоломей решительно поднялся. На Еву он старался не смотреть.

— Да. Вы отдыхайте, а мы на охоту. Виктор Иванович Йориков ждет. От судьбы не уйдешь, в какой бы дыре этот несчастный ни прятался, — заметил Амадей. — И легкомысленно добавил: — Надеюсь, к ужину будем.

Он вышел, насвистывая.

— Пока, — сказал Варфоломей Еве.

— Да, до встречи.

Повисла неловкая пауза.

Уже в дверях Варфоломей услышал:
— Удачи. Возвращайся скорее.

* * *

Колдун хорошо заметал следы, оставлял фантомов и неприятные ловушки, но Виктор Иванович был неутомим. Ноздри его трепетали в руках двух ведьм.

— Держите мои ноздри! — кричал он, втягивая воздух. Ничто не могло сбить его со следа.

Амадей потирал руки:

— Скоро загоним мы этого Зверя.

Варфоломей был хмур и молчалив. Лишь крепче сжимал аркан с противомagическими рунами. У него было очень нехорошее предчувствие. Не слишком ли серьезным испытание оказалось для Евы? Столкновение с нечистью выдержит не каждый человек. Что будет, если он вернется, а Евы уже нет? Не в том смысле, что она уедет. А нет для него?

Черти почти не касались земли, они летели как ветер. Наконец нечисть остановила свой бег. След Зверя привел их в район города Можайска.

— Нехорошая деревня, — сказал Виктор Иванович. — Чувствую.

Он остановился около невидимой черты. В поле, среди тощих корявых берез стояли черные покосившиеся избы. Выбитые окна зло и подозрительно смотрели темными провалами. На ветру покачивались обрывки проводов. Птиц слышно не было. На раскисшей после дождя глинистой почве не росла даже трава.

— Вон его следы!

Варфоломей указал на дорожку, которая вела к одной избе.

— Действительно, нехорошее место. Мне кажется или здесь солнце ярче светит? — спросил Амадей.

— Не кажется, — подтвердил Варфоломей.

— Эй, колдун! Выходи, подлый трус! — заорал Амадей.

Тишина была ему ответом.

Варфоломей кинул камешек. Тот ударился об стену и упал на землю. Глаз черта уловил легкое движение в воздухе.

— Видел? — спросил он Амадея.

— Да. Устроил тут себе гнездо. Все защитой увесил.

— И что? Будем прорываться или возьмем измором? — поинтересовался Варфоломей. Он пошел по дуге, пытаясь вычислить, в

каком же доме прячется Зверь.

— Ну, вы тут сами уже. Без меня, — сказал Виктор Иванович. — А я, пожалуй, пойду. Отдохну покойно.

Ведьмы принялись осторожно опускать его исполинские ноздри.

Амадей лучезарно улыбнулся:

— Благодарствую за помощь, уважаемый Вий!

Виктор Иванович, который уже собирался уходить, резко развернулся. Глаза его опасно блеснули.

— Вий? ВИЙ? Ну, Амадей, не ожидал!

Чтобы справиться с обуявшими его эмоциями, он втянул воздух и тянул, тянул, тянул...

— Разворачивай его! — закричал Амадей. — К домам!

Варфоломей схватил Вия за плечи и принялся поворачивать. Сила ноздрей была столь велика, что из окон и дверей вылетали обломки мебели и кое-какие забытые вещи. А Виктор Иванович все никак не мог успокоиться, все тянул и тянул воздух.

Зверь вылетел из окна, как пробка из бутылки. Он вцепился в подоконник, ноги его болтались на весу.

— Сейчас, сейчас! Мы его! Виктор Иванович, поднажми, миленький! — радовался Амадей.

Зверь повернул к ним искаженное злобой лицо.

— Еще немного!

Варфоломей приготовился. И вдруг земля дрогнула, разверзлась, и все почерневшие дома провалились вниз. От деревни не осталось и следа. С диким криком Зверь тоже рухнул в провал.

Черти, ведьмы, державшие ноздри, и Вий повалились в кучу, а поднявшись, с удивлением обнаружили, что стоят на краю огромной ямы, которая очень медленно заполняется водой.

— Какого черта! — Варфоломей носком ботинка ковырнул ком земли, тот плюхнулся в воду. — Это ты сделал, Амадей?

— Тот же вопрос!

— Я бы не смог, — честно признался Варфоломей.

— И я, — закивал Амадей.

— И я тоже, — поддержал беседу Вий.

Его ведьмы принялись деловито стряхивать с ноздрей налипшие листья и землю.

Амадей обежал по кругу яму, которая грозила превратиться в маленькое озеро, и воздел кулаки кверху.

— Нет, это какая сила так поступила! — взревел он. — Это должна

была быть битва! Зла со злом. Эпичная и жестокая! Мы должны были противостоять опасному колдовству. Все должно было быть НЕ ТАК!

— Успокойся, Амадей!

Варфоломей, если честно, пребывал в шоке. Он внимательно исследовал окрестности, проверяя, действительно Зверь провалился под землю или это какой-то хитрый трюк.

Амадей же продолжал бушевать:

— Я должен был разорвать этого колдуна голыми руками!

Варфоломей выразительно на него покосился, он был не согласен с таким подходом.

— Нет! Сначала я хотел причинить ему нечеловеческие страдания. И что? Является какая-то сила — и бах! Ни с того ни с сего заброшенная колдовская деревня проваливается в тартарары. Весь мой план проваливается! Варфоломей?

— Что?

— Нет, ну ты видишь, что происходит? Где вообще видано, чтобы злодей самоликвидировался? Я тебя спрашиваю?! Праздник сорван, месть не состоялась, так недолго впасть в депрессию. Еще бы метеорит упал, вообще стало бы волшебю.

— Идем, Амадей, — сказал рогатый. — Как уж получилось! Как получилось!

Амадей в сердцах топнул ногой. Среди абсолютно ясного неба предостерегающе сверкнула молния и грохотнуло. Тоже предостерегающе.

Виктор Иванович с ведьмами спешно засобирались. Черти еще немного потоптались на месте, скорее чтобы показать, что никакая молния и гром их не пугают, и тоже ушли.

* * *

Ева ждала возвращения черта, сидя на веранде. Временами ходила проведать Веру Сергеевну, но та заснула и даже похрапывала.

Когда появились черти, уже наступил вечер. Ева бросилась Варфоломею навстречу:

— Привет! Как все прошло? Поймали колдуна?

— Все хорошо, — уклончиво ответил черт.

Амадей кивнул и прошел в дом, оставив пару наедине.

— Варфоломей, — решительно начала Ева, — нам нужно поговорить. — Черт напрягся, хвост его дернулся и безвольно повис. — Я

очень хочу домой, — сказала Ева.

Варфоломей вздрогнул. Отчего-то в памяти всплыл образ Кайли. Перед тем как бросить его, демоница смотрела совсем так, как сейчас смотрела Ева.

Черт подумал, что все, в общем-то, вполне закономерно. Он в этом мире чужак. Да и после сегодняшних событий... Не отрываясь, Варфоломей смотрел на Еву. Зверь говорил, что она может стать его душой. Каково это — обрести свою собственную душу? Или потерять...

— Пойдем? — спросила Ева, не дождавшись ответа. — Домой. Там бесы. Пиццу закажем.

Она прижалась к Варфоломею и обхватила его обеими руками.

— Конечно!

Черт очень обрадовался. Похоже, Ева не собиралась его бросать.

— Давай я тебя понесу.

— Что? Прямо до Москвы?

— Ага!

Ему стало так легко и хорошо, что он был готов пройти весь путь пешком.

— Нам еще Григория собрать надо.

— И его тоже понесу!

Но домой они все-таки поехали на машине.

* * *

Амадей стоял, положив руки в карманы, и прислушивался к знакомому похрапыванию Веры. Ведьма проснулась легко, как кошка. Просто открыла глаза и села.

— Ну что?

— Охотник провалился сквозь землю, — признался Амадей.

Вера похлопала ладонью рядом с собой. Черт прилег и положил голову ей на колени.

— Тебе не кажется, что это знак?

— Еще какой, — откликнулся черт. — Понять бы, что он значит.

Вера положила забинтованную ладонь ему на плечо:

— Тут, думаю, все ясно. В магии все должно остаться как есть.

Амадей вздохнул:

— Только теперь нечисть будет поддерживать порядок Хорошо, когда силы чередуются: Совет из нечисти — Совет из людей — Совет из нечисти

— Совет из людей... А то и те, и другие склонны к перегибам.

— Амадей, — строго спросила Вера, — я надеюсь, у тебя не появилась мысль занять руководящую должность? Стать... м-м-м... каким-нибудь Великим мастером? А то я знаю твою страсть к переодеванию в мантии и ношению странных головных уборов.

— Нет, что ты, Вера, даже не думал об этом! — очень честно и чересчур поспешно ответил Амадей. — Моя роль определена, я слуга слуг. Скромный черт, который поддерживает равновесие в меру своих сил.

— Хорошо, — сказала Вера. — С высшими силами шутки плохи, Амадей.

— Да, ты, как всегда, права.

Черт поцеловал ее и подумал, что в мировом господстве больше ответственности, чем веселья.

Глава 27

Телефон зазвонил, и Ева нехотя пошевелилась. Варфоломей немедленно прижал ее к себе, словно опасаясь, что она может исчезнуть. Естественно, вчера никто не подумал выключить звук Ева посмотрела на экранчик Мама.

— Алло, — сонно ответила Ева.

— Дочь, я надеюсь сегодня вас увидеть. Вы где с Варфоломеем?

Голос звучал бодро и напористо.

— Спим.

Последовало удивленно-негодующее:

— Уже одиннадцать утра!

— Вчера поздно пришли.

Весьма краткое описание вчерашних событий.

— Я все понимаю про ритм жизни, — сказала Татьяна Никитична, — но так мы никогда не соберемся. Просыпайтесь и приезжайте.

— Ма-а-а-ам...

— А что, неправда, что ли? — возмутилась трубка. — Иначе вы будете раскачиваться еще месяца два! А я все спланировала.

Ева повернулась и посмотрела на черта. На лице Варфоломея застыло безмятежное выражение, глаза закрыты. Спит. Похоже, звонок совершенно его не потревожил.

— Мама, — Ева снизила голос до минимального предела слышимости, — только давай договоримся сразу. Ты не будешь задавать ВОПРОСОВ.

— О чем ты, дорогая? Что значит — «Не задавать вопросов»?

— Не будешь спрашивать хотя бы, собираемся ли мы пожениться.

Ева понимала, что просит невозможного. Но все равно попыталась.

— Так вы не собираетесь пожениться? — тут же спросила мама.

Зажмурившись, Ева про себя досчитала до десяти.

— Ладно, мам, я позвоню. Постараемся приехать завтра. Все. Вечером созвонимся.

Ева скомканно закончила разговор, малодушно повесив трубку.

— Что значит — «пожениться»? — поинтересовался черт, не открывая глаз. — В моих романах этому уделяется довольно много времени. Почему для людей это так важно?

— Ты не спишь? — вздохнула Ева. — То есть слышал весь разговор?

— Угу. Так о чем твоя мама не должна спрашивать?

— А что, в Аду вы не заключаете браков?

— Браков? — удивился Варфоломей. — Зачем?

Действительно, зачем? Это было трудно объяснить. Все знают, какой формы груша, но попробуй описать эту самую форму. Так же и с браком. Попробуй объяснить, почему это столь важно.

— Ну... — Ева задумалась. — Женятся, наверное, для того, чтобы все знали, что этот человек — твой. Как бы печать, официальное признание, что люди любят друг друга.

— Но ты же мой человек? — Варфоломей сел в постели. — И если для этого нужно подписать какую-то бумагу, я готов.

— Нет уж, — решительно сказала Ева, — сегодня я не готова принимать такие решения. И вообще, нужно узнать друг друга получше, пожить вместе. Ну что, поедем завтра к моим родителям?

— Конечно! — легко согласился Варфоломей.

Ева ушла умыться, а черт взял планшет и погрузился в изучение свадебных традиций. Особенно его заинтересовала пошаговая инструкция, как сделать человека своим.

Когда Ева вернулась, черт старательно полировал рога кусочком замши.

— Что ты делаешь?

— Там говорится, что для начала я должен произвести благоприятное впечатление на твоих родителей!

Варфоломей был настроен серьезно. Ева хохотала до упаду.

— Но рогов-то они все равно не увидят, — резонно заметила она.

Варфоломей фыркнул:

— Зато я буду знать, что рога в надлежащем виде!

— А знаешь что? Давай-ка поедем на дачу, — решила Ева. — Нужно отдохнуть недельку от всех этих переживаний.

В конце концов, если Варфоломей выдержит неделю с ее мамой и не сбежит обратно в Ад, все станет просто замечательно.

— Будем гулять, — продолжила Ева, — дышать свежим воздухом и очень много есть!

— Есть — это я могу.

— Ты не представляешь, на что подписываешься. Нечеловечески, чудовищно много есть, — уточнила Ева.

Ева и Варфоломей отдохнули от потрясений. Черт произвел самое приятное впечатление на Евиных родителей. Он научился жарить шашлык и полюбил чай с черносмородиновым листом.

Атмосфера была душевная. Никакого адского напряжения. Варфоломей даже задумался, а насколько он — черт — сможет вписаться в эту идиллию.

— Видишь, ты зря беспокоилась насчет своих родителей, — сказал он Еве.

— Да уж. Должна признать, что все очень мирно. Тьфу-тьфу-тьфу. — Ева плюнула через левое плечо и постучала по деревянной столешнице. — Я думала, — продолжила она, — что... ну... Не знаю, от мамы всего можно ожидать.

Варфоломей подумал о своих родителях.

— Не надо демонизировать, — серьезно сказал он. — Поверь, я вполне представляю, что значит «можно ожидать всего». И это — не тот случай.

Ева смерила его очень выразительным взглядом, а ее мама появилась словно из-под земли.

— Кого не надо демонизировать?

— Я просто подумал, что мои родители — сущие черти, — сообщил Варфоломей и подмигнул Еве.

У той открылся рот, она покраснела, побледнела, а потом маленький кулачок ткнул черта под ребра. Варфоломей рассмеялся и легко сбежал с веранды.

— Он это серьезно? Про родителей? — забеспокоилась Татьяна Никитична.

— Шутит, — в голосе Евы прозвучал металл. — Но детство у него было тяжелое.

Татьяна Никитична понимающе кивнула и решила, что нужно испечь еще пирогов. Пути логики неисповедимы.

Ева побежала следом за чертом, чтобы сделать ему внушение. Даже думать не хотелось о том, что случится, узнай родители, кто ее бойфренд на самом деле.

Вечером, лежа в постели и прижимаясь к Варфоломею, она попыталась воздействовать на черта рассказами о том, что люди очень сложно принимают новую информацию. Они весьма неохотно верят в невероятное. И действовать нужно постепенно.

Варфоломей кивнул. Голос Евы звучал усыпляюще. Незаметно для себя черт задремал и словно бы покачивался на волнах спокойствия. Своей

шуткой он остался втайне доволен, и теперь спал и улыбался. Вдруг ему показалось, что земля дрогнула, завибрировала. А потом раздался потусторонний звон.

Варфоломей резко сел.

— Что это?

Ева тоже вздрогнула и проснулась. Машинально посмотрела на экран телефона.

— Четыре часа ночи.

Одеяло отлетело в сторону. Путаясь в одежде, Ева и Варфоломей выскочили на улицу. Звон, стрекот, писк шел из-под земли.

— Что это, Варфоломей? Какое-то колдовство?

— Не знаю.

Черт принялся бегать по участку. Он принюхивался и перебирал варианты, думал, что это могут быть за твари. Неожиданно все стихло: так же внезапно, как началось.

— Может, нам приснилось?

Ева сама не верила в подобное предположение.

— Ничего опасного и потустороннего не чувствую, — поделился черт. — Идем в дом.

Они легли и немного успокоились. Задремали.

В пять утра все повторилось. Дрожь земли и странный звон, стрекот, писк. Шесть утра. То же самое. В семь Ева и Варфоломей пили кофе на кухне. Оба выглядели невыспавшимися и слегка приунывшими.

Татьяна Никитична вплыла в кухню, вид ее говорил о крайнем недовольстве жизнью.

— О, моя голова, — простонала она.

— Мама, — сказала Ева, — ты не слышала утром ничего странного?

— Это было ужасно, — ответила Татьяна Никитична. — Твой отец — умный человек, но иногда в его голове что-то не так щелкает!

Черт оперся лбом на тыльную сторону ладони. И вдруг все повторилось снова. Только с утроенной силой.

— Вот! Сейчас!

Ева и Варфоломей повскакивали со своих мест.

— А! Это кроты! — сообщила Татьяна Никитична.

— Вот же твари! — возмутился черт. — Что они делают?

Варфоломей пытался представить этих незнакомых ему подземных тварей, которые издают подобные звуки, когда взрывают газон.

— Ага! — Евин папа присоединился к собравшимся, глаза его радостно горели. В отличие от остальных он был неприлично бодр. —

Работает моя система!

— Папа! Что это? Какие кроты? — возмутилась Ева.

Садоводу только дай повод поговорить о своем саде. Евин папа здорово воодушевился.

— Вычитал в Интернете способ борьбы. Будильники. Заказал на «Алиэкспресс» пятьдесят будильников и закопал в разных частях сада. А перед этим установил на четыре, пять, шесть и половину восьмого. Кроты должны испугаться вибрации и громких звуков, заволноваться, расстроиться и уйти.

— А почему на полвосьмого? А не на семь? — только и могла спросить Ева.

Губы ее задрожали, она едва сдерживала смех.

— Чтобы их удивить, — серьезно ответил папа.

— Не знаю, как кроты, — сказал Варфоломей, — но мы с Евой точно удивились и заволновались.

Черт подумал, что Ева права. Люди иногда просто поразительны.

На общем семейном собрании было решено, что это слишком радикальный метод и будильники нужно извлечь. К сожалению, папа не догадался отметить места, где он их закопал. А вспомнить точное расположение всех, естественно, не смог. Так что черт приобщился к дачным работам по полной программе. То есть перешел на ночной режим и охотился на будильники по звуку.

* * *

Постепенно происшествие с колдуном потеряло яркость и превратилось в воспоминание, над которым можно даже посмеяться. Жизнь черта, Евы и кота вошла в уютную колею. Черт снова занялся переводами.

Раз в неделю Ева виделась с Верой, та учила ее колдовать. Точнее, это было не обычное колдовство. Вера просила Еву рисовать различные картинки. Иногда получались узоры, иногда пейзажи или портреты неизвестных людей. Вера хмыкала и говорила, что для Евы колдовство и творчество неотделимы друг от друга.

Кстати, о рисунках! У Евы накопилась куча набросков про нее и Варфоломея. Она цепко подмечала маленькие моменты и быстро зарисовывала. Листочки терялись, поэтому Ева начала рисовать на планшете.

Файлы копились в специальной папке, а потом Еву осенило. Можно же выкладывать в сеть! Шутки ради. Она завела инстаграм-аккаунт @omydevil и потихонечку начала. Число подписчиков росло с каждым днем. Количество лайков и комментариев увеличивалось просто в геометрической прогрессии, что очень вдохновляло. А потом ей позвонили из крупного издательства и предложили проиллюстрировать целую книгу. При этом очень хотели, чтобы рисунки были «точно как в вашем инстаграме». Это обстоятельство так потрясло Еву, что она неотрывно, несколько часов подряд рыскала по сети в поисках упоминания своего имени.

Оказалось, что про Евин инстаграм пишут статьи. Ее рисунки и почеркушки обсуждают критики разного масштаба. От доморощенных и диванных — до вполне себе профессиональных. А также у нее есть несколько фанатских групп во «ВКонтакте».

С интересом Ева обнаружила, что Вячеслав Поплавский, ее знакомый, о котором она и думать забыла (сценарист, писатель, литератор и немного актер) тоже разродился весьма объемной статьей на одном литературном сайте. Статья получилась обличительной. Вячеслав негодовал, что Ева вводит женщин в заблуждение. Своей подрывной художественной деятельностью она «формирует завышенные ожидания».

Почему-то с Евиных рисунков Вячеслав переключился на любовно-фантастические романы. Он считал, что это явления одного порядка. Даже видел в них некий женский заговор. Объяснялось это тем, что в любовных романах главными героями тоже нередко бывают демоны и всякие черти. В этом Поплавскому виделась колоссальная опасность.

Ева читала, затаив дыхание. А потом крикнула:

— Варфоломей, ты знаешь, что мы с тобой наносим этому миру непоправимый вред?

Черт пришел в комнату. На нем был фартук, в руке — половник. Очень сексуальный вид.

— Какой? — подозрительно спросил черт. — Если это опять те мудаки на букву «ч» из Совета...

Шерсть на его загривке встала дыбом, и он угрожающе взмахнул половником.

— Нет, — смеясь, сказала Ева. — Я рисую картинки про нас с тобой. И тут говорят, что в «настоящих» отношениях так не бывает. Говорят, что мой инстаграм — это «графический любовный роман». А ты перевел уже целую тучу любовно-фантастических романов. Нечеловеческая скорость. Тут, оказывается, мужчины стонут. Точнее, один стонет, а другие в

комментариях его поддерживают.

— А чего стонут?

— Волнуются! Говорят, что после чтения любовных романов у женщин сложатся завышенные ожидания. И будут они требовать от настоящих мужчин невероятных подвигов, а главное, внимания. И тут я еще с рисунками. Подтачиваем мужскую уверенность!

— М-м-м... Даже не знаю, что на это сказать, — ответил Варфоломей.

— Еще их твои рога расстраивают. Завидуют.

Черт самодовольно усмехнулся. Еще бы не завидовать!

— Сколько у тебя, Варфоломейчик, уже издали романов? — спросила Ева.

— Хм... Надо точно посмотреть по ведомости, что редактор прислал. Так я не очень-то люблю цифры. Чего их считать? Перевел — забыл.

Варфоломей задумался, пытаясь все-таки подсчитать.

Ева подошла к полке. Пришлось повесить специально для романов Варфоломея.

— Уже романов двадцать напечатали, — сказала она, ведя ноготком по ярким корешкам.

— Это присланные авторские экземпляры, но еще не все. На холодильнике уведомление. Вроде пришло что-то еще, надо на почту сходить.

Ева посмотрела на стопку любовных романов, и ее захлестнула волна странного, внезапного счастья. Такого теплого и яркого, что захотелось танцевать и петь. Неужели это какая-то особенная магия и Варфоломей вкладывает в свои тексты немного радости?

Целый день Ева проносила с отзывами и даже заснула с телефоном в руках. Ей снился очень странный сон. Сценарист, литератор и актер Вячеслав Поплавский читает стихи собственного сочинения. Она не могла разобрать все слова, рифма путалась, смысл ускользал. Слова повисали в воздухе и надвигались на Еву, окружали. От слов стало душно и жарко.

Ева открыла глаза. Рядом на кровати сидел Варфоломей и хватал ртом воздух.

— Что с тобой? — сонно спросила она.

На Еву смотрели округлившиеся, полные ужаса глаза, светящиеся в темноте.

— Я задыхаюсь... — раздался хриплый слабый голос.

Ева подскочила:

— И чего ты сидишь и молчишь? Почему раньше меня не разбудил? Нужно же «Скорую» вызвать! Или это магия?

Варфоломей покачал головой, мол, «нет, не магия», тяжело вздохнул и снова схватился за горло.

— Вот... сейчас... бужу, — обреченно просипел черт.

Хвост его был совершенно ледяной и слегка подрагивал.

Ева катапультировалась с кровати и схватилась за телефон.

— Ой, паспорт же нужен и страховка.

— Есть. Там...

Варфоломей вытянул руку, показывая, где конкретно хранились документы, а потом с болезненным стоном откинулся на подушку.

— Ты, главное, не волнуйся... старайся дышать. Сознание не теряешь? Черт помотал головой.

Ева дрожащими руками вбивала в поисковик запрос: «Что делать, если человек задыхается».

— Тут написано — не паниковать. Никому. Так... дыши носом...

Варфоломей послушно шмыгнул.

— Не дышится.

«Скорая» приехала неожиданно быстро. Видимо, голос Евы звучал очень тревожно.

В 4 часа утра в квартиру зашли два медика. При виде синих форменных курток и оранжевых чемоданчиков Ева почувствовала себя спокойнее.

Понадобилось несколько минут, чтобы оценить состояние больного. «Насморк» — таков был вердикт. Врачи покинули жилище, даже не прокомментировав эту нелепую ситуацию. Когда за ними закрылась дверь, Ева расхохоталась.

— Ну, Варфоломей, ты даешь...

И отправилась на кухню делать чай с медом.

А черт остался сидеть насупившись. Обычно люди уже с детства знают, что такое заложенность носа и першение в горле, а откуда такие знания у черта? Новый опыт ему не понравился.

Ева распахнула шкафчик в кухне. Там стоял дежурный набор всевозможных капель, жаропонижающих и других лекарств, облегчающих простуду.

— Так, сейчас мы будем ставить тебя на ноги.

Варфоломей прошел следом.

— Нет, это какой-то ад, — прогнусавил он, переняв у людей эту фигуру речи, — и как вы с этим живете?

Ева изо всех сил старалась не смеяться, понимая драматизм ситуации и страдания мужчины при насморке.

— Варфоломей, ты же победил, считай, маленькую армию. И расклеился от простой простуды?

Он поднял на Еву покрасневшие голубые глаза и шмыгнул носом.

— Бедный, — сказала она и начала готовить горячее питье.

Днем Ева поддерживала силы Варфоломея куриным бульоном и чаем с лимоном, от чего тот значительно повеселел. Черт лежал в постели и смотрел фильм, иногда комментируя происходящее, а Ева рисовала, но почему-то не могла полностью погрузиться в работу и сосредоточиться. Целый день ее мутило. Должно быть, от бессонной ночи и приснившихся плохих стихов.

Было еще какое-то предчувствие, которое словно бы царапалось, но Ева никак не могла поймать мысль. Чего-то не хватало. Она старалась вспомнить, о чем могла забыть. Даже обыскала несколько сумочек, которые давно не носила, в поисках забытой квитанции из химчистки или чего-то подобного. Наконец, взявшись за кисть, Ева поняла: сегодня произойдет что-то важное. Возможно, это было ведьмовское предвидение. Интуиция.

Сделала несколько быстрых штрихов, и ее осенило. Соседи! Что-то они давно не проявлялись: не скандалили, не гремели кроватью и не брались за перфоратор. Не было показательного вызова полиции и обычного представления.

Ева заметно успокоилась. Так вот что грызло душу? Отсутствие ночного скандала. Стало ужасно интересно, как поведет себя Варфоломей. К тому же простуда отступила, черт уже нормально дышал и даже собрался как следует поработать.

Интуиция не подвела. В половине двенадцатого Варфоломей устроился за компьютером и открыл текст. А без пяти двенадцать сверху раздался топот, словно у соседа не ноги, а копыта. Не переставая печатать, черт бросил гневный взгляд на потолок. Цокот был раздражающе неритмичным.

— Начинается, — сказала Ева. — Ты еще этого концерта не слышал.

— Нет. Какое-то бедствие?

— Это только начало!

Ева радостно рассмеялась. Она-то работу закончила.

Далее все пошло как всегда: стоны и неистовый скрип кровати. Варфоломей прислушался, усмехнулся и попытался сосредоточиться на тексте. Но спинка кровати начала биться об стену, а все четыре ножки подпрыгивали и с грохотом ударялись об пол. Люстра немного раскачивалась. Пришлось отказаться от планов поработать.

— О, давно этого не было. Похоже, они там наверстывают упущенное.

Дали всем пожить спокойно целый месяц. Наверное, ездили куда-то. Кстати, Варфоломеюшка, у них весьма насыщенная программа. Если ты думаешь, что все быстро закончится, то нет. Впереди еще ждет скандал с дикими воплями и битьем посуды. И перфоратор!

Действительно, концерт набирал обороты. Грохот был такой, как будто кто-то смел со стола сервиз на тридцать персон.

— Нет. Это слишком! Насморк и шум! Я сейчас, — сказал Варфоломей.

Черт торопливо оделся и вышел. Очень скоро наступила мертвая тишина. Ева изо всех сил напрягала слух, но все, что смогла уловить, — это тихую возню бесов. Они звенели чем-то стеклянным. Похоже, культурно выпивали.

Варфоломей появился примерно через полчаса. Он улыбнулся и как ни в чем не бывало вернулся к переводу. Тишину никто не нарушал.

— И кто там живет? — не выдержала Ева. — Я никогда их не видела.

— Демоны снимают, — откликнулся черт. — Кстати, довольно приятные ребята. Давно на Земле, так что дружелюбные.

— Да? И что они там делают? Занимаются безумным многочасовым сексом, потом скандалят и хаотично сверлят стены?

— Нет, конечно, — сказал Варфоломей и даже фыркнул от такого абсурдного предположения.

— Э-эм... а слышалось именно так. А что же тогда?

Варфоломей покачал головой.

— Варфоломейчик! Ну скажи.

— Не могу.

— Пожалуйста!

— Нет, Ева, не проси.

— Да чем они там могут заниматься?! Что мне, из тебя клещами тянуть?

— Ева, не могу.

— Ты просто не знаешь! — не сдавалась Ева. — Они не пустили тебя в квартиру и просто обещали вести себя потише, потому что испугались?

— Нет, меня пригласили войти, — сказал Варфоломей.

— В...

Варфоломей покачал головой. Ева насупилась и сложила руки на груди.

— Некоторые тайны лучше не знать, — очень спокойно сказал черт, — потому что с этим знанием придется что-то делать.

Варфоломей проявлял прямо чертову стойкость.

Вопреки ожиданию чувство, что Ева забыла и не могла вспомнить нечто важное, не прошло, а только усилилось. Соседи — соседями, но было что-то еще... Вдруг Ева подскочила как ужаленная. Долго рылась в телефоне, а потом, не говоря ни слова, торопливо оделась и убежала.

Варфоломей ничего не понял.

Ева вернулась со скоростью молнии и заперлась в туалете. Там она провела порядочное количество времени. Потом дверь открылась. Глаза у Евы были огромные и удивленные.

— Ева, ты чего? — спросил черт. — И что это у тебя в руках?

— Варфоломей! — сказала Ева и замолчала.

— Что?

— Варфоломей!

— Да?

— **ВАРФОЛОМЕЙ!** Две полоски! Но так же не бывает! Этого не может быть!

— Какие полоски, Ева?

— Кажется, у нас будет чертенок! Но я не понимаю как?! Мы же всегда были аккуратны. Защита девяносто девять и девять десятых процента! Вообще такое может быть?

Когда доктор подтвердил Евино предположение, по этому почти философскому вопросу были призваны Амадей и Вера.

Амадей только пожал плечами и сообщил совершенно загадочную истину:

— Нет такого невероятного, чего не могло бы случиться!

Эпилог

Через тринадцать месяцев в московском род доме номер пять Ева родила чертенка. По спинке младенчика проходила полоска длинной черной шерстки, кожа была смуглая, словно он провел на пляже последние девять месяцев. Глазки янтарно-желтого цвета с любопытством смотрели на новый мир. Очень серьезно и осмысленно.

Акушерка повидала всяких младенцев, но такого видела впервые. На лбу мальчика было два твердых бугорка, словно на этом месте собирались вырасти рожки (а они и должны были, сын пошел весь в отца). Но самое главное — хвост. Хвост радостно вилял и изворачивался. Иногда скручивался в колечко. Доктор замер и уже прикидывал, кого позвать, чтобы быстро купировать это безобразие, но Ева не позволила.

И мать, и дитя чувствовали себя хорошо. Младенца, естественно, обследовали, но ничего сверхъестественного не обнаружили. А хвост — это все-таки не преступление. Тем более что ребенок был здоровым, бодрым и отличался отменным аппетитом.

На третий день пребывания в роддоме у мальчика прорезались пока еще мягкие рожки. Тут доктор понял, что пора выписывать. Нянечки, медсестры и врачи из других отделений устроили натуральное паломничество и даже делали ставки, кто же отец.

Когда Варфоломей зашел в отделение, доктор с грустью подумал, что надвигается скандал. Отец — блондин, а ребенок смуглый и порос черной шерстью. Явно начнутся неприятные вопросы. Но ко всеобщему удивлению (на предполагаемое шоу подтянулись все, кто был не сильно занят с пациентами) мужчина взял младенца на руки и сказал:

— Какой хороший. На деда своего похож!

Вместе с Варфоломеем приехали Амадей и Вера.

— Сразу видно, наш человек, — взглянув на ребенка, сказал Амадей. — Жаль, конечно, что рылом не вышел.

Вера пихнула его в бок.

— Очень хорошенький носик у ребенка, — сказала она. — И рожки вон намечаются.

Все немедленно спохватились. Амадей наложил заклятие невидимости на рога и хвостик и отправился, как он сказал, «проводить операцию» по коррекции памяти. Доктор и акушерка немного посопротивлялись, но потом послушно закивали. Черт остался доволен и щелкнул пальцами,

закрепляя эффект.

Через полчаса доктор через раздвинутые жалюзи наблюдал, как Амадей идет к машине, после чего вся компания укатила.

— Уехали? — спросила акушерка.

— Ага.

— Сколько я этих чертовых детей перевидала, но мальчик интересный получился. Удивительно, что папашка белый, — сказала она, прихлебывая чай со свежим тортом. — И эти каждый раз что-то внушить пытаются. Мол, Марья Геннадьевна, вы своим глазам-то не верьте. А по мне — демоненок, чертенок... Лишь бы здоров был.

Доктор пожал плечами. Его потянуло на философский смысл:

— Да уж. Мне вот иногда интересно, кто из них вырастает.

Марья Геннадьевна тяжело поднялась со стула.

— Вырастет кто-нибудь. Ох... Нужно меньше сладкого есть, — сообщила она, похлопывая себя по животу, и вернулась к теме чертенка: — Шерсть детская со спины сойдет, рога ему уберут, станет на человека похож.

После эпилога

Дверной колокольчик приветливо звякнул. Вера Сергеевна вошла в маленький зоомагазин и кивнула продавщице.

— Снежана, посмотри, кого я тебе принесла, — заворковала ведьма и достала из сумки маленькую деревянную коробочку-переноску.

— Верочка, привет-привет! Давай посмотрим. А кто тут у нас?

Снежана чуть отодвинула крышку. В щель просунулся подвижный розовый нос.

— Запрещеночка.

— Есть немного, — радостно откликнулась Вера. — Вот, прошлась по следам магическим. Ликвидирую некоторые последствия. А то ведьма молодая, еще сама не разобралась, что к чему. Крысу зовут Арсений. У тебя оставляю?

— Ой, конечно. Я его устрою со всеми удобствами. Слушай, какой красивый!

— Угу.

Ведьмы радостно захихикали. Снежана осторожно, даже с какой-то нежностью переместила крысу в клеточку.

— Черненькая шубка, гладенький и пальчики розовенькие. Прелесть, прелесть, — приговаривала она. — Найдем мы тебе замечательную семью. Будешь любимчиком.

Арсений засуетился, забегал, зло сверкнул черными глазками-бусинками. Он схватился за прутья маленькими лапками и попробовал потрясти клетку, при этом уши у него ходили ходуном.

— Ну и артист! — продолжала восхищаться Снежана.

— Вообще-то режиссер, — доверительно сказала Вера.

— Ну, тогда все понятно...

Ведьмы отошли от клетки.

— Сто лет с тобой не виделись.

— Да все дела и дела. Ритм жизни стал совершенно безумным. Но ты как-нибудь заезжай в гости, — радушно пригласила Вера. — У нас с Амадейкой свой дом за городом. Звони.

— Ты все еще со своим чертом? Героиня, Верка, героиня. Я бы столько не выдержала.

Вера кивнула и понимающе улыбнулась.

— Как магазин? Дела хорошо идут?

— Трудно. Крупные сети теснят мелкие зоомагазинчики, так что держусь только чудом.

Снежана начертила в воздухе сложную колдовскую руну, которая вспыхнула на секунду зеленым пламенем, после чего погасла. Арсений в знак протеста перевернул кормушку и демонстративно закопался в опилки. Он внимательно следил за тем, как ведьмы расцеловались и Вера отбыла. Бывший режиссер скривил морду, когда она на прощание помахала ему рукой.

У Арсения началась новая жизнь. Крысой он оказался скандальной. Характер есть характер. Он прочно оккупировал клетку и рьяно охранял свою жилплощадь. К нему невозможно было никого подселить. Он дрался с другими крысами, как маленький склочный тигр. Откусывал хвосты и вырывал клочья меха.

В редкие минуты спокойствия Арсений вдохновенно строил планы побега. Минимум по три часа расшатывал прутья клетки. Из поилки он попытался соорудить катапульту, чтобы обстреливать доступными ему снарядами посетителей зоомагазина, однако Снежана пресекла инженерную мысль.

Но внимание льстило бывшему режиссеру. Около клетки Арсения останавливались многие. Он принимал эффектные позы и старался, чтобы свет выигрышно бликовал на блестящем меху. Как-то раз, увидев свое выступление на экране чужого мобильного, Арсений четко решил себя не запускать. Поскольку в крысином теле его особенно раздражало объемистое пузцо, он не ленился подтягиваться на прутьях и даже пробовал качать пресс.

Ведьма смотрела на его упражнения снисходительно. Иногда, чисто из женской вредности, она подбрасывала Арсению осколки печенья с капельками шоколада. Тот не мог устоять и наедался, после чего упражнялся с утроенной силой. Снежана смеялась.

Когда в режиссере улеглась ярость, он смог думать не только о себе и принялся приглядываться к другим обитателям зоомагазина, с удивлением отметив, что не все животные на самом деле животные. Во всяком случае не всегда были таковыми.

Особенно подозрительно выглядел большой попугай. Больно хорошо говорил, а его едкие замечания были всегда к месту. Иногда, когда в зале не было покупателей, они с ведьмой вели долгие беседы. Попугай, кстати, не продавался и пользовался всяческими свободами. Мог сам открывать клетку и выбираться на прогулку. Примечательно, что летать птица не умела.

Или кот... который ходил с царственной миной и холодно смотрел на всех. Тоже мутный какой-то зверь.

С хомяками по соседству Арсению все было ясно. Эти точно были животными. Он презирал их за лень и бессмысленность. Хомяки будили в нем низменные крысиные инстинкты: Арсению хотелось их сожрать.

У ящерицы в террариуме напротив был совершенно человеческий взгляд — сразу видно философа. А большая паучиха напоминала одну актрису, с которой Арсения связывали романтические отношения. Довольно продолжительные.

Снежана, добрейшая по своей натуре женщина, старалась пристроить режиссера, но он не желал сытой и уютной жизни домашнего любимца. Не давался в руки, кусался. И вот однажды его купили.

Это была милая семья. Они несколько дней ходили посмотреть на него, потом выдержали весьма сложное интервью. Ведьма хотела удостовериться, что Арсения ждет хорошая судьба. А у режиссера от гнева задрожали усы, когда выяснилось, что его хотят забрать туда, где уже живут крысы.

— Он с другими не ладит, — сообщила Снежана. — Знаете, характер не очень. Так что если он вам не подойдет, вы его обратно приносите. Я с удовольствием приму назад.

— Если уж мы берем крысу, то она у нас живет. Сенечка, — ласково протянула покупательница.

Арсения передернуло от такой фамильярности. Он осклабился и показал крупные желтые зубы.

— Сенечка. Mam, смотри, он, кажется, улыбается.

«Не забудем. Не простим», — подумал режиссер.

Арсений приехал в новый дом в большой просторной клетке. Его поселили в отдельной комнате, других крыс он даже не видел. Но принял решение ни в коем случае тут не приживаться. Лучше уж к ведьме.

Его оставили одного для адаптации. Крыс походил по клетке и тут понял, что может дотянуться до пиджака, висящего над ней. Долгие полтора часа Арсений тяжело трудился, мастеря из поилки и тарелочки для еды крюк-захват. Зато был вознагражден: пиджак упал на клетку. Потрогав лапкой ткань, режиссер возликовал: хорошая, итальянская. Он вонзил зубы и принялся грызть со страшной силой. Когда новая «хозяйка» вошла в комнату, Арсений сидел в клетке, накрытой пиджаком, и довольно сверкал глазами.

— Ой, бедненький, на тебя пиджак упал.

— Сама бедненькая, — пропищал Арсений, но его, естественно, не

поняли.

Он с удовольствием наблюдал, как меняется лицо женщины, разглядевшей огромную дыру на спине некогда хорошей и дорогой вещи. Режиссер испытывал торжество. «Хозяйка» попробовала сунуть руку к нему в клетку, и Арсений не упустил момент. Он бросился вперед и с бульдожьей яростью вцепился в дорогой маникюр. Это была чистой воды импровизация.

Женщина вскрикнула и попыталась отодрать крысу от себя, но Арсений почувствовал вкус крови и разошелся не на шутку. Потом он все-таки упал на пол, бегал и выкрикивал непонятно откуда взявшиеся в голове лозунги:

— Свобода! Равенство! Братство! Свобода или смерть!

В общем, крыс пошел вразнос.

Стоит ли удивляться, что на следующий день его вернули в зоомагазин? Постановка удалась на славу. Арсений даже подумал, что недооценивал перформансы и театр.

Ведьма действительно приняла его обратно. Успокоила покупателей, а когда они ушли, сказала:

— Значит, разум у тебя человеческий.

Арсений пискнул, соглашаясь.

— Может, и спадет твое проклятие со временем, — добавила Снежана, повесив на клетку табличку: «Не продается».